ИЗОБРАЖЕНІЕ

ХАРАКТЕРА и СОДЕРЖАНІЯ

НОВОЙ ИСТОРІИ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ

ХАРАКТЕРА и СОДЕРЖАНІЯ

НОВОЙ ИСТОРІИ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ

ХАРАКТЕРА И СОДЕРЖАНІЯ

НОВОЙ ИСТОРІИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ИСТОРІЯ ТРЕХЪ ПОСЛѢДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Ивана Шульгина.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ,

исправленное и умноженное.

ВИБЛІОТЕКА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 4 Февраля 1845 года.

Цензоръ И. *Ивановскій.*

КНИГА ВТОРАЯ.

Изображеніе характера и содержаніе Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ.

ГЛАВА I.

Время отъ исхода XV и начала XVI вѣка составляетъ особое отдѣленіе Исторіи Всеобщей; отличительный характеръ Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ; событія, придавшія ей таковой характеръ.

1. Во всѣ тринадцать вѣковъ Новой Исторіи дѣйствующія лица и театръ дѣйствій остаются, повидимому, одни и тѣ же: тѣ же Европейскіе народы и въ тѣхъ же прежнихъ жилищахъ, только въ болѣе многообразномъ развитіи и усовершенствованіи своего быта. Наблюдая однако же ходъ сихъ перемѣнъ, убѣдиться можно, что въ теченіе *трехъ послѣднихъ вѣковъ*: XVI, XVII, XVIII, совершенно измѣнились внутреннія отношенія народовъ историческихъ; измѣнилось устройство государственное и церковное, война и торговля, науки и художества (Кн. I). Дѣйствительно, время отъ исхода XV и начала XVI вѣка составляетъ особое отдѣленіе Исторіи Всеобщей. Съ этой эпохи историческій міръ измѣняется и въ своемъ объемѣ и въ своемъ географическомъ очертаніи и

раздѣленіи; съ этой эпохи и жизнь историческихъ народовъ иначе устроивается какъ по ихъ внутреннему быту, такъ и по внѣшнимъ ихъ другъ къ другу отношеніямъ. Чтобы убѣдиться, до какой степени историческій міръ XVI вѣка отличенъ отъ вѣковъ предшествовавшихъ, разсмотримъ его въ двѣ близкія одна къ другой эпохи, въ исходѣ XIV и началѣ XVI вѣка, въ отношеніи I) Географическомъ, II) Правительственномъ, III) Литературномъ.

2. I) *Въ Географическомъ отношеніи.* Историческій міръ въ исходѣ XIV вѣка заключалъ въ себѣ всю Европу; ЮЗ. часть Азіи отъ Архипелага до Инда и часть Средней Азіи отъ Каспійскаго моря до предѣловъ Манчжуріи; сѣверные берега Африки. Историческій міръ въ началѣ XVI вѣка заключалъ уже, кромѣ всего вышесказаннаго, всю остальную часть южной Азіи до Китайскаго моря и до острововъ Японскихъ; всю береговую Африку кругомъ; часть Новаго Свѣта, Америки, тогда уже открытой. Въ продолженіи сего же вѣка открыта и сѣверная Азія; *три* раза (*) обойденъ Земной Шаръ кругомъ и открыты нѣкоторыя группы острововъ, составляющихъ нынѣ пятую часть Свѣта, такъ-что въ этомъ вѣкѣ историческій міръ обнималъ всю землю, почти равенъ сталъ міру географическому.

3. Но еще явственнѣе окажется различіе историческаго міра въ концѣ XIV и началѣ XVI вѣка въ отношеніи географическомъ, если возьмемъ какую-нибудь одну страну и сравнимъ ея географическое очертаніе и раздѣленіе въ двѣ означенныя эпохи. Въ послѣднемъ десятилѣтіи XIV вѣка, при началѣ царствованія Василія Дмитріевича карта Россіи имѣла слѣдующей видъ: *Западная* и *Югозападная* границы тогдашней Руси пролегали почти по прямой чертѣ отъ Сѣвернаго Океана къ берегу Ладожскаго озера, къ Невѣ и къ устью Наровы; отсюда Чудскимъ озеромъ и рѣкою Великою до ея верховья, а отъ верховья р. Великой по линіи черезъ Великіе Луки, Вязьму, Мценскъ, Кромы къ р. Сейму; *Южная* и *Юговосточная* шли отъ р. Сейма къ Дону, гдѣ впадаетъ въ него Воронежъ, а отсюда по линіи мимо верховья Упы и Мокши къ Волгѣ, гдѣ впадаетъ въ нее р. Ветлуга и отъ устья Ветлуги по прямой линіи черезъ р. Вятку въ Камъ; *Восточная* по Камѣ вверхъ и по Уральскимъ городамъ до Сѣвернаго Океана; *Сѣверная* по

(*) Магелланъ отъ 1519 — 1521; Дрекъ 1577 — 1580, Кендишъ 1586 — 1588.

берегу Сѣвернаго Океана; т. е. самые отдаленные пункты тогдашней Руси были: на З. Чудское озеро, на В. Уральскія горы, на Ю. р. Сеймъ, и на С. Бѣлое море. Въ началѣ XVI столѣтія, въ царствованіе Василія Іоанновича, объемъ Россіи почти тотъ же,— но какъ измѣнилось внутреннее ея географическое очертаніе и раздѣленіе! Внутренность Руси въ послѣднемъ десятилѣтіи XIV вѣка заключала въ себѣ слѣдующія части: въ центрѣ находилось Великое Княжество Московское, занимавшее все пространство между Волгою и Окою, и страны по волгѣ почти отъ границы Тверской губерніи до границы Нижегородской, и по Окѣ отъ Орла до устья Клязьмы. На ЮЗ. отъ В. К. Московскаго лежало К. Рязанское отъ верховья Упы по Дону, до устья Воронежа и вверхъ по сей рѣкѣ до Цны и Мокши, а отъ устья Мокши вверхъ по Окѣ опять до Уны; на В. отъ В. К. Московскаго К. Нижегородское, по Волгѣ, гдѣ впадаетъ въ нее Ока; на З. отъ В. К. Московскаго, К. Тверское, заключавшее въ себѣ почти нынѣшнюю губернію Тверскую, за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ частей ея; на З. отъ К. Тверскаго Псковская республика, по верховьямъ рѣкъ Западной Двины, Ловати и до Псковскаго озера и рѣки Великой; остальное пространство къ С. отъ областей Псковскихъ, Тверскихъ и Московскихъ на З. до Чудскаго озера; на С до Бѣлаго моря, и на В. до Камы и Уральскихъ горъ занимала республика Новгородская. Во второмъ десятилѣтіи XVI вѣка (въ г. 1517) ни одно изъ сихъ подраздѣленій не существуетъ; на всемъ сказанномъ пространствѣ находится одно Великое Княжество Московское, такъ-что Василій Іоанновичъ уже въ правѣ титуловать себя Великимъ Княземъ Москвы и всея Руси. Къ подобнымъ же результатамъ привело бы насъ сравненіе карты Франціи или Пиренейскаго полуострова около 1400 съ картою сихъ земель около 1500 года.

4. II) *Различіе въ Правительственномъ отношеніи* не требуетъ особыхъ объясненій и доказательствъ: оно усматривается изъ перемѣны въ отношеніи географическомъ. Въ исходѣ XIV вѣка каждое географическое отдѣленіе страны представляло и отдѣльное Государство съ своею верховною властію; въ началѣ XVI вѣка во всей странѣ одна и та же власть; подлѣ Василія Іоанновича въ Россіи, Лудовика XII во Франціи и Фердинанда-Католика въ Испаніи нѣтъ ни какой другой власти, кромѣ ихъ власти. Въ самыхъ тѣхъ Европейскихъ земляхъ, которыя остались памятниками

Феодальной раздѣльности, въ Германіи и въ Италіи, произошла перемѣна Правительственная важная, хотя сіи страны и не представляютъ значительныхъ перемѣнъ географическихъ въ сказанныя эпохи. По особенному ходу дѣлъ въ сихъ двухъ странахъ, части, ихъ составлявшія, не слились въ одно географическое и политическое цѣлое, но каждое отдѣльное Государство, на которыя раздѣлились рѣшительно и Германія и Италія, представляетъ единство и цѣлость во внутреннемъ своемъ составѣ. Наслѣдственная власть въ Монархическихъ владѣніяхъ утверждается вполнѣ съ исхода XIV вѣка, и съ этой же эпохи, Германскіе Императоры перестаютъ, для оправданія своего титла Императоровъ Римскихъ, домогаться власти надъ Италіею, и владѣльцы сѣверной Италіи, бывшіе прежде Вассаллами, дѣлаются вполнѣ самостоятельными властелинами въ своихъ земляхъ, такъ Герцоги Савоіи, Медіолана, Модены и проч. Самыя республики: Венеція, Генуа, Флоренція, собираютъ подъ власть одного и того же Правительства значительныя пространства земель, въ которыхъ прежде были разновластныя владѣнія; такъ-что вообще можно сказать, что отъ исхода XIV до начала XVI вѣка измѣнились и формы и дѣйствія Правительства въ Европейскихъ земляхъ.

5. III) *Различіе въ Литературномъ отношеніи* явственно выражаетъ собою различіе во внутренней, умственной жизни народовъ. До XVI вѣка во всей западной Европѣ языкъ письменности былъ языкъ Латинскій; въ одной Италіи ранѣе этого времени (съ XIV вѣка) являются классическія произведенія на языкѣ народномъ. Съ XVI вѣка начинаетъ возникать литература національная всюду, начиная съ Пиренейскаго полуострова; Латинскій языкъ еще господствуетъ въ письменности; но подлѣ произведеній на семъ языкѣ являются произведенія на языкахъ природныхъ, живыхъ. Въ самыхъ этихъ языкахъ произошла въ сказанномъ періодѣ времени перемѣна разительная и въ формахъ, и еще болѣе въ духѣ. Описаніе путешествія изъ Москвы въ Константинополь, писанное Діакономъ Игнатіемъ (около 1389), или житіе Петра Митрополита, сочиненное Митрополитомъ Кипріяномъ (около 1406), или даже записки путешествія въ Индію Тверитянина Аѳанасія Никитина (около 1470), далеко отстоятъ отъ сочиненій Максима Грека (ум. 1556), Митрополита Макарія (ум. 1564) и Князя Курбскаго (род. 1529). Первые были то подражатели Византійцамъ, то плохіе самоучки; послѣдніе прямо-ученые, методическіе филологи.

Точно такъ же Французскій языкъ, которымъ писалъ свою Хронику Фруассаръ, или неизвѣстный авторъ свою Исторію Дюгесклэня (исходъ XIV вѣка), не похожъ въ формахъ, и еще болѣе въ духѣ на языкъ Раблэ (въ первой половинѣ XVI вѣка), Брантома и Монтэня (во второй половинѣ XVI вѣка), и въ особенности на языкъ Малэрба (въ исходѣ XVI вѣка); языкъ сего послѣдняго уже совершенно понятенъ для знающихъ языкъ Корнеля и Расина.

6. Столь существенныя перемѣны заставляютъ предполагать, во-первыхъ, что промежутокъ между исходомъ XIV и началомъ XVI вѣка ознаменованъ событіями, особенно великое вліяніе имѣвшими на жизнь и судьбу народовъ; и, во-вторыхъ, что при перемѣнахъ въ показанныхъ выше отношеніяхъ, міръ историческій измѣнился и во всемъ прочемъ. Поэтому вѣкъ XV былъ подобно V вѣку временемъ перерожденій; поэтому справедливо признать конецъ XV и начало XVI вѣка окончаніемъ стараго порядка вещей и началомъ новаго, по крайней мѣрѣ въ Европѣ. Но и другія части Свѣта испытали въ этомъ вѣкѣ и въ началѣ слѣдующаго перемѣны, которыми надолго опредѣлилась судьба ихъ. Великая Монгольская Имперія въ Азіи, основанная Чингисханомъ (съ 1206), и Тимуромъ, по ея разрушеніи, вновь возстановленная (съ 1370), разрушилась снова менѣе чѣмъ въ полвѣка по смерти (г. 1405) завоевателя; Улугъ-Бегъ, внукъ Тимура, собралъ въ послѣдній разъ (г. 1446) подъ свою руку завоеванія дѣда, уже и передъ этимъ расторгавшіяся между многочисленными наслѣдниками Тимура, воевавшими и между собою и съ потомками прежнихъ династій, имъ низвергнутыхъ. Улугъ-Бегъ погибъ отъ руки своего собственнаго сына (г. 1449); тогда еще на полвѣка Имперія Самаркандская пришла въ страшное смятеніе, пока наконецъ изъ развалинъ ея устроились государства, долго (до XVIII вѣка) существовавшія; такъ въ Персіи образовалось Государство Сефіевъ (съ 1499), Государство Баберидовъ въ Индіи (съ 1498), и въ странахъ къ В. отъ Каспійскаго моря (въ Бухарѣ) обширное владѣніе Узбековъ. Съ другой стороны, Османскіе Турки, еще съ начала XIV вѣка грозившіе Европѣ изъ Малой Азіи, овладѣли наконецъ Константинополемъ (г. 1453), Крымомъ (г. 1475), Сиріею, Палестиною, Египтомъ и Алжиромъ (г. 1517), и такимъ образомъ составилась Турецкая Имперія изъ прекраснѣйшихъ земель въ трехъ частяхъ Свѣта: ЮВ. Европы, въ Азіи страны отъ Архипелага, Средиземнаго и Аравійскаго морей, до морей Чернаго и Каспійскаго и до Евфрата, и въ

Африкѣ сѣверный берегъ. Образованіемъ сего Государства надолго измѣнились отношенія Африки и Азіи къ Европѣ, и востока Европы къ ея югу и западу.

7. При всемъ томъ главный предметъ Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ—Европа и главные дѣйствователи на всемірномъ театрѣ — Европейцы. Съ давнихъ поръ Европа положила основаніе своему первенству надъ прочими частями историческаго міра; а въ этотъ періодъ времени и окончательно его утвердила. Посему перемѣны въ жизни и судьбѣ Европейскихъ народовъ суть событія всемірныя; ими опредѣлялась судьба историческихъ земель въ другихъ частяхъ Свѣта; ими опредѣлилась судьба цѣлой, огромнѣйшей части Свѣта, Америки. Нынѣшнее состояніе Новаго Свѣта, вступающаго въ совершенно новый періодъ бытія своего, есть прямое слѣдствіе событій и перемѣнъ, совершавшихся въ Европѣ. Такъ образованіе Государства Соединенныхъ Штатовъ было непосредственнымъ слѣдствіемъ финансовыхъ затрудненій, въ которыхъ находилась Англія послѣ участія своего въ войнахъ первой половины XVIII вѣка, и мѣръ, которыя были приняты къ отвращенію этихъ затрудненій; образованіе самостоятельныхъ государствъ изъ бывшихъ Испанскихъ и Португальскихъ колоній было прямымъ слѣдствіемъ дѣйствій Наполеона на Пиренейскій полуостровъ. Посему справедливо сказать, что Исторія Европы въ три послѣдніе вѣка есть Исторія Всеобщая, или, лучше, только въ три послѣдніе вѣка, когда Европейцы становятся всемірными дѣйствователями, Исторія получаетъ и объемъ и характеръ Всемірной Исторіи, хотя самое повѣствованіе рѣдко выходитъ изъ предѣловъ Европы; слѣдственно театръ событій остается старый; — но сколько новаго на этомъ театрѣ и въ свойствѣ дѣйствующихъ лицъ, и въ причинахъ и въ ходѣ дѣйствія! Сколь различна отъ всѣхъ другихъ частей Исторіи по своему характеру и содержанію Исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ!

8. Это различіе Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ, по ея характеру и содержанію, выражается и *во внутреннемъ составѣ государствъ*, разсматривая ихъ отдѣльно, и *во внѣшнихъ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу*.

9. I. *Внутренній составъ государствъ представляетъ единство, котораго прежде они не имѣли.* До какой степени раздѣльности доходилъ и географическій и политическій составъ государствъ въ Средніе вѣки, этому все прежде изложенное служитъ

объясненіемъ и доказательствомъ (Кн. I, Глава I, IV — X). Удѣльныя княжества, свѣтскіе и духовные Феоды, владѣнія Городскихъ общинъ, представляли столько же отдѣльныхъ Государствъ, при всемъ томъ, что страна носила одно общее имя: Франція, Германія, Англія, Россія; Вассаллы, Духовенство, Горожане образовали въ составѣ Государства какъ бы три особенныя націи, съ своею властію и законами и правами, съ своими обычаями. Такъ было во всей Европѣ до XV вѣка. Въ теченіе сего вѣка, индѣ ранѣе, индѣ позже, сливаются отдѣльные Феоды въ одно географическое цѣлое, отдѣльные классы людей въ одно политическое цѣлое; остается различіе состояній, различіе необходимое, проистекающее изъ самой природы человѣка и изъ свойства общества; но ни одно изъ нихъ не существуетъ отдѣльно; жизнь каждаго изъ нихъ слита съ общею жизнію Государства и всѣ состоятъ подъ вліяніемъ одной и той же государственной власти и однихъ законовъ. Это единство внутренняго государственнаго состава было слѣдствіемъ полнаго и совершеннаго утвержденія *Монархической власти*, которая слила всѣ разнородныя и дотолѣ враждебныя стихіи государственнаго состава въ одно стройное цѣлое, направила всѣ ихъ къ одной общей государственной цѣли, и придала обществу Европейскому ту физіономію, которая въ главныхъ чертахъ сохранилась и доселѣ, такъ-что въ Государствахъ Европы послѣднихъ годовъ XV и началѣ XVI вѣка мы можемъ уже распознать главныхъ нынѣшнихъ дѣйствователей на сценѣ Историческаго міра.

10. II. *Внѣшнія отношенія Государствъ представляютъ такую тѣсную между ними связь, какой они доселѣ не имѣли.* Съ исхода XV и начала XVI вѣка Государства приходятъ въ такое относительно другъ къ другу положеніе, что перемѣны, происходящія въ судьбѣ одного Государства, имѣютъ вліяніе и на судьбу другихъ, и возбуждаютъ въ нихъ участіе дѣятельное и живое. Мы не найдемъ подобнаго ни во временахъ, которыя объемлетъ Исторія Древняя, ни въ Средніе вѣки. Въ тѣ времена событія, отъ развязки которыхъ зависѣла судьба тогдашней вселенной, составляли, такъ сказать, частный расчетъ между народами, до которыхъ они непосредственно касались. Такъ Александру Македонскому дали тогдашніе народы свободно громить Персію; завоеванія дивныя, въ десять лѣтъ совершенныя, не пугали современниковъ; они, вѣроятно, и не знали объ нихъ, а тѣмъ менѣе, значитъ, могли оцѣнить послѣдствія, которыя для ихъ собственной судьбы должны были

произойти отъ сихъ завоеваній. Зачѣмъ, наприм., Карѳагеняне, которые, какъ народъ торговый и уже владычествовавшій на Средиземномъ морѣ, болѣе всѣхъ прочихъ могли терять отъ успѣха Александровыхъ завоеваній, не вступились за Персовъ и не пріостановили быстрыхъ шаговъ побѣдителя? Развѣ они могли угадать, что смерть умчить Александра въ могилу преждевременную, и что зданіе, имъ сооруженное, распадется? И Александръ съ своимъ универсальнымъ умомъ развѣ не заперъ бы для нихъ Средиземнаго моря, и не вырвалъ торговли изъ рукъ ихъ, когда, сосредоточивъ силы своего огромнаго Государства въ Вавилонѣ, изъ Вавилона онъ далъ бы міру то устройство, которое приготовлялъ ему? Еще непосредственнѣе зависѣла судьба всей древней вселенной отъ окончанія столѣтней брани между Карѳагенянами и Римлянами. И кто вступился за Карѳагенянъ? Кто изъ народовъ и Государствъ, тогда еще независимыхъ, подумалъ, что, уничтоживъ Карѳагенянъ, Римляне простутъ свое иго на весь остальной міръ? Не будемъ принимать здѣсь въ соображеніе ни перемѣнчивой политики Сиракузянъ, которые по необходимости должны были участвовать въ сей борьбѣ; ни замысловъ Филиппа Македонскаго, при самомъ началѣ уничтоженныхъ Римлянами; ни запоздалыхъ предпріятій Антіоха Сирійскаго, худо начатыхъ и еще хуже исполненныхъ. Такъ было въ Древнія времена, такъ было и въ Средніе вѣки. Императоры Германскіе въ теченіе слишкомъ 400 лѣтъ стремятся къ утвержденію своей власти надъ Италіею, и сосѣднія Государства допускаютъ ихъ употреблять всѣ способы къ достиженію нескрываемой цѣли. Если сіи усилія остались тщетными, то вовсе не противоборствіе благоразумное и предусмотрительное Державъ постороннихъ, а особенное положеніе Германіи и Италіи, и всего болѣе могущественное вліяніе Папы были причиною, что виды Императоровъ Германскихъ не исполнились. Другой примѣръ: въ теченіе цѣлаго столѣтія Англичане воюютъ Францію (1340 — 1451), и по миру, заключенному въ Труа (1420), Генрихъ V, Король Англіи, признанъ наслѣдникомъ Французскаго престола, и сынъ его, Генрихъ VI, еще въ колыбели получилъ корону Англіи и Франціи. Готовилось, слѣдственно, опасное для Европы соединеніе двухъ Государствъ подъ однимъ скипертомъ, и никто не потревожился сими успѣхами; ни кого не испугало таковое сліяніе двухъ, столь важныхъ земель, во едино. И это событіе, въ которомъ, по видимому, всѣ Государства Германскія и

Германолатинскія соединены были для общей цѣли, въ которомъ, по выраженію свидѣтельницы онаго (*): «Европа, какъ бы сдви-«нувшись съ своего основанія, готова была ринуться на Азію.» — Крестовые походы, однимъ словомъ, не доказываютъ ли и они недостатка связи между Государствами, при всемъ томъ, что оныя въ сихъ предпріятіяхъ являются соединенными? Можно ли было бы, еслибъ Государства состояли въ связи и знали другъ друга, хотя одному изъ нихъ обезоружить и — такъ сказать — обнажить себя, отправивъ лучшія и наибольшія свои силы на край свѣта, не опасаясь вредныхъ замысловъ сосѣдей? Вспомнимъ притомъ, что ополченія Крестоносцевъ составлялись въ разныхъ странахъ Европы не вслѣдствіе какихъ-либо предварительныхъ сношеній и соглашеній между правительствами, а напротивъ, отдѣльно въ каждой странѣ; и даже въ одной и той же странѣ каждый Вассалъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи (какъ и во всѣхъ прочихъ) по своему усмотрѣнію: одинъ ополчался и отправлялся въ походъ, другой оставался, ничего не предпринимая; и если Крестоносцы разныхъ земель Европы соединялись вмѣстѣ, то соединялись потому, что или встрѣчались на пути въ Сирію и Палестину, или соединялись уже по достиженіи этихъ странъ разными путями и въ разное время.

11. Чѣмъ же изъяснить сей недостатокъ участія со стороны современниковъ и сосѣдей въ событіяхъ, отъ которыхъ могла зависѣть собственная судьба ихъ, какъ не тѣмъ, что Государства были совершенно разлучены другъ съ другомъ, что каждое изъ нихъ жило своею отдѣльною жизнію, что не было между ними взаимныхъ сношеній, не было точки соединенія, ни интереса общаго. Отъ того рѣшительнѣйшіе перевороты могли совершаться въ какомъ-нибудь Государствѣ, и сосѣди не принимали въ нихъ никакого участія, весьма часто не вѣдали объ оныхъ. Напротивъ, съ начала XVI вѣка дѣятельная жизнь разлилась по Европѣ; Государства пришли въ тѣсныя и непрерывныя сношенія. Только Сѣверъ оставался нѣкоторое время какъ бы отдѣленнымъ отъ семейства Европейскаго, прикасаясь лишь временно къ прочей Европѣ, до-тѣхъ-поръ, какъ Петръ Великій могущественною рукою

(*) Анны Комненой.

своею измѣнилъ отношенія Сѣвера, ввелъ въ Россію жизнь Европейскую и вдвинулъ Державу свою въ систему Европы.

12. Сія связь между Государствами, приготовленная силою Исторіи издалека, возрастала безпрерывно въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ, и достигла, въ наше время, такой степени, что нѣтъ почти происшествія сколько-нибудь важнаго, которое бы и оканчивалось въ предѣлахъ того Государства, въ коемъ началося. Сія связь была послѣдствіемъ всѣхъ этихъ перерожденій, которыя испытало Европейское общество въ теченіе первыхъ десяти вѣковъ Новой Исторіи; всѣ великія событія этого времени вели Государства къ этому сближенію, и Крестовые походы съ ихъ послѣдствіями были главнымъ между ними. Но въ ряду таковыхъ событій были такія, которыя болѣе очевиднымъ образомъ, чѣмъ прочія, измѣнили положеніе и отношенія Европейскихъ народовъ, и дѣйствовали на тѣсное соединеніе и связь между Государствами. Сіи происшествія были: I) изобрѣтеніе компаса, II) пороха, III) книгопечатанія, IV) взятіе Турками Константинополя, V) и VI) открытіе Америки и морскаго пути въ Остъ-Индію.

13. I. *Изобрѣтеніе компаса.* Замѣтимъ, что важность всякаго изобрѣтенія, такъ-какъ и всякаго вообще происшествія, оцѣнивается по его послѣдствіямъ и, слѣдственно, узнается или скорѣе или медленнѣе, смотря потому, быстро или медленно развивались опыя. Современники рѣдко знаютъ цѣну самыхъ великихъ изобрѣтеній, потому-что еще не предвидятъ къ чему поведутъ они, и отъ сего-то начало бо́льшей части благодѣтельныхъ усилій разума человѣческаго остается въ неизвѣстности, и любопытные потомки напрасно навѣдываются объ имени изобрѣтателя и мѣстѣ изобрѣтенія. Такимъ образомъ закрыты для нашего вѣдѣнія начала благодѣтельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ искусствъ, тѣмъ болѣе, что часто великія изобрѣтенія были слѣдствіемъ непостоянныхъ, такъ сказать, систематическихъ усилій разума, а дѣломъ случая. Нерѣдко обрѣтали то, чего не искали, а того вовсе не достигали, что было предметомъ долговременныхъ трудовъ и бдѣній. Во всякомъ случаѣ, не столь важно знать время изобрѣтенія, какъ время примѣненія онаго. Такимъ образомъ не знаемъ мы заподлинно кѣмъ именно и когда изобрѣтенъ компасъ. Обыкновенно полагаютъ Флавіо Жіоію, Амалфійскаго уроженца, въ началѣ XIV вѣка, изобрѣтателемъ; по крайней мѣрѣ то достовѣрно, что въ XIV столѣтіи сіе орудіе было въ употребленіи у народовъ южной Евро-

пы, живущихъ около Средиземнаго моря, а отъ нихъ вскорѣ перешло къ другимъ обитателямъ приморскихъ странъ, и въ XV вѣкѣ уже получило всеобщую извѣстность. Сіе простое орудіе, состоящее изъ магнитной стрѣлки, которая показываетъ всегда однимъ концемъ С., а другимъ Ю., дало людямъ способы отправляться въ открытое море, а не слѣдовать робко направленію береговъ, что́ должны были дѣлать по необходимости и самые отважные изъ древнихъ мореплавателей. Съ симъ вмѣстѣ мореплаваніе распространилось; разстоянія между землями и народами сократились, можно сказать, исчезли; сообщенія между отдаленнѣйшими странами стали и легки и часты; совершились великія открытія; невѣдомыя новыя страны отверзлись передъ Европейцами и сдѣлались для нихъ новыми точками соприкосновенія.

14. II. *Изобрѣтеніе пороха.* Начало его также неизвѣстно. Обыкновенно приписываютъ сіе изобрѣтеніе Францисканскому монаху, алхимику Бертольду Шварцу, въ половинѣ XIV вѣка, «безъ сомнѣнія по внушенію злаго духа,» какъ выражаются простодушно современныя лѣтописи. Вещество сіе во второй половинѣ XIV вѣка стало быть употребляемо для пораженія непріятеля; начали приготовлять орудія, которыми можно было сражаться съ врагами издалека и разрушать твердыни, ими противопоставляемыя, а вмѣстѣ съ употребленіемъ огнестрѣльнаго оружія долженъ былъ совершенно измѣниться весь образъ войны; должны были употребляться другіе способы и для нападенія и для обороны, и прежнія феодальныя ополченія, собираемыя во время войны, и распускаемыя по окончаніи оной, сдѣлались вовсе неудобны. Нужно было имѣть особый классъ людей, привычныхъ обращаться съ новымъ оружіемъ и дѣйствовать по новымъ, болѣе искусственнымъ способамъ нападенія и обороны. Учреждены *постоянныя войска*, въ заведеніи и содержаніи которыхъ вольные города предшествовали Государствамъ монархическимъ; но вскорѣ Монархи воспользовались симъ могущественнымъ средствомъ къ смиренію власти Вассаловъ, тогда уже потрясенной предшествовавшими событіями, и преимущественно вліяніемъ Крестовыхъ походовъ (I, XVII), и къ возвышенію собственной власти. Во Франціи, при Карлѣ VI, въ исходѣ XIV вѣка, положено первое основаніе сему учрежденію; но со временъ Карла VII, съ 1445 года, должно считать настоящее начало содержанія постоянныхъ войскъ, и въ теченіе XV вѣка въ большей части Европы уже существовали такія

ополчевія, содержимыя на жалованьѣ. Слѣдствіемъ сего нововведенія было то, что феодальная аристократія, уже сильно поколебанная прежними переворотами въ жизни и судьбѣ народовъ Европы, рѣшительно пала, и элементы государственнаго могущества, доселѣ раздѣленные и расторженные по рукамъ многочисленныхъ Вассаловъ, сосредоточились въ рукахъ Монарховъ. Тогда Монархи, какъ представители силъ каждый своего Государства и какъ оберегатели безопасности онаго отъ всякихъ вредныхъ замысловъ, сосѣдей, стали тщательно познавать, наблюдать, изучать силы другъ друга. Внѣшнія отношенія Государствъ преимущественно сдѣлались достояніемъ Монарха, поелику сіи отношенія, по самому свойству своему, могутъ быть съ успѣхомъ завѣдываемы и наблюдаемы только одною особою. Лудовикъ XI во Франціи и Фердинандъ Католикъ въ Испаніи были основателями учрежденія, столь много содѣйствовавшаго къ сближенію, ко взаимному ознакомленію Государствъ, учрежденія *постоянныхъ посольствъ*, сдѣлавшагося вскорѣ также общимъ. Усиленіе связей и сношеній дѣлало необходимымъ употребленіе способовъ, которые могли бы служить къ регулярному полученію извѣстій въ одномъ Государствѣ о состояніи другихъ. Лудовикъ XI, по своей политикѣ, безпокойной и подозрительной, желавшій знать все, что дѣлается въ сосѣднихъ Державахъ, ввелъ въ употребленіе отправлять письма черезъ гонцевъ постоянныхъ; современникъ его, Императоръ Максиміліанъ I ввелъ то же самое въ Германіи: отселѣ начало *почтъ*, новаго могущественнаго средства къ сближенію Государствъ и народовъ.

15. III. *Изобрѣтеніе книгопечатанія.* Три города: Майнцъ, Страсбургъ и Гарлемъ, спорятъ между собою о славѣ сего изобрѣтенія, которое столь крѣпко соединяетъ людей узами невидимыми, духовными. Вѣроятно, въ Майнцѣ, около 1440 года, изобрѣтено сіе «достопочтенное Искусство,» какъ называетъ его лѣтопись, Гуттенбергомъ, которому сотрудниками въ дѣлѣ книгопечатанія были Шефферъ и Фаустъ. Вѣроятно, Гуттенбергъ, прежде товарищества своего съ Фаустомъ, печаталъ уже книги въ Страсбургѣ, но печаталъ, вырѣзывая буквы на доскахъ, какъ и доселѣ дѣлаютъ Китайцы: способъ и дурной и трудный. Отдѣльными же литерами начали печатать книги въ Майнцѣ. Удивленіе, смѣшанное съ ужасомъ, встрѣтило сіе новое изобрѣтеніе, сіе «дивное таинство», какъ выражаются о семъ другія лѣтописи. Суевѣріе, не-

вѣжество и своекорыстіе преслѣдовали изобрѣтателей, но сіе-то самое и послужило къ распространенію изобрѣтенія, такъ-что къ исходу XV вѣка сіе искусство сдѣлалось извѣстнымъ въ цѣлой Европѣ. Нужно ли указывать на великія послѣдствія отъ изобрѣтенія книгопечатанія? Безъ него образованіе осталось бы для народа недостижимою цѣлію по чрезвычайной рѣдкости и дороговизнѣ пособій къ ученію. Императоръ Карлъ IV, страстный къ познаніямъ, имѣлъ библіотеку изъ 114 рукописей, и подобное собраніе считалось уже рѣдкостію; понятно послѣ сего, до какой степени недоступно было просвѣщеніе для наибольшей части людей. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія средства къ ученію сдѣлались многочисленнѣе и дешевле, и Науки изъ монастырскихъ обителей, гдѣ онѣ прежде имѣли исключительный пріютъ, стали выходить въ свѣтъ и дѣлаться достояніемъ общимъ. Успѣхи разума человѣческаго, идеи и мнѣнія, стали быстро передаваться одною страною другой странѣ; великіе геніи въ Наукахъ перестали быть, такъ сказать, собственностію того народа, къ которому принадлежали по рожденію: они сдѣлались общимъ достояніемъ всего человѣчества, и изъ сего быстраго обмѣна идей и разнородныхъ мнѣній, составилось *общественное мнѣніе*, важнѣйшій, можетъ быть, плодъ книгопечатанія. Общественное мнѣніе состоитъ въ томъ сходствѣ, какое вслѣдствіе одинаковыхъ предметовъ и одинаковыхъ способовъ образованія, просвѣщенные люди всѣхъ земель имѣютъ на счетъ понятій своихъ объ *истинномъ, добромъ, изящномъ*. Въ такомъ смыслѣ общественное мнѣніе не существовало и не могло существовать ни у Древнихъ, ни въ Средніе вѣки, или ограничивалось только тѣсными предѣлами одного города, одной небольшой области. Для народовъ новѣйшихъ сіе общественное мнѣніе есть хранительный залогъ взаимной безопасности Государства; есть сила невидимая, которой и великіе міра сего по необходимости себя покоряютъ. Диппольдъ справедливо говоритъ: «Я сравнилъ бы общественное мнѣніе съ воздухомъ, съ эѳиромъ, въ которомъ всѣ жители Государства, отъ перваго до послѣдняго, живутъ и движутся; со стихіею, которая, если и можетъ быть отнята у человѣчества, то на время только, а не навсегда.»

16. IV. *Взятіе Турками Константинополя въ 1453 году.* Паденіе Греческой Имперіи, и предвидѣнное и неизбѣжное, было важнымъ для Европы событіемъ. Мѣсто Грековъ занялъ народъ, чуждый Европѣ по своему языку, нравамъ, религіи, законодательству,

по своему быту общественному и домашнему. Для самыхъ Грековъ, можетъ быть, благопріятнымъ еще обстоятельствомъ считать должно, что они пали отъ рукъ Турокъ. Въ качествѣ Государства независимаго они существовать не могли уже; а будучи покорены какимъ бы то ни было Европейскимъ народомъ, они исчезли бы неминуемо среди своихъ побѣдителей, подобно собратіямъ своимъ, Римлянамъ. Съ Турками же Религія, языкъ и нравы разлучали Грековъ; сліяніе побѣдителей и побѣжденныхъ въ одну націю было невозможно; слѣдовательно Греки и подъ игомъ жестокаго, но заслуженнаго рабства, могли сохранить свою Народность, свой языкъ, свою Религію, свои воспоминанія; мысль объ отечествѣ могла одушевить потомковъ, непричастныхъ порокамъ и преступленіямъ предковъ; они могли выжидать благопріятной минуты, и дождались ее: независимость ихъ утверждена; но имъ нынѣ, говоря съ поэтомъ:

Подвигъ новый предлежитъ:
Величіе въ покоѣ,

И трудный подвигъ!—Для Европы вторженіе Турокъ важно опять потому, что и сіе обстоятельство содѣйствовало къ сближенію Европейскихъ Государствъ. Турки поставили себя въ постоянную вражду съ Христіанскими народами, слѣдственно со всѣми народами Европы; общій страхъ, конечно, болѣе произведенный невѣдѣніемъ Европейцевъ, нежели дѣйствительною силою Турокъ; общая опасность погибнуть, подобно Грекамъ, подъ ударами грозныхъ завоевателей, соединяла Европейскихъ народовъ къ общей оборонѣ. Подобно какъ нѣкогда въ Крестовые походы, стекались воины Франціи, Италіи, Германіи, Богеміи, Польши и Англіи на поля Венгріи, и ратуя подъ однимъ Христіанскимъ знаменемъ противу общихъ враговъ Христіанства, знакомились и сближались между собою, и общими силами останавливали покушенія Турокъ на независимость Европы. Таковое соединеніе Европейскихъ ополченій противу Турокъ имѣло въ томъ существенное отличіе отъ Крестовыхъ походовъ, что здѣсь соединеніе воинствъ происходило вслѣдствіе предварительныхъ сношеній и договоровъ между Правительствами Христіанскихъ Государствъ. Конечно, вліяніе опасности отъ Турокъ на соединеніе Европейскихъ Государствъ было временное: скоро (по смерти Солимана въ 1566) и Турки должны были отказаться отъ своихъ замысловъ на покореніе Европы, и

Европейцы оцѣнили вѣрнѣе степень своихъ опасеній; но тѣмъ не менѣе въ свое время страхъ, произведенный Турками въ Европѣ, могущественно дѣйствовалъ на сближеніе Европейскихъ Государствъ.

17. *V и VI. Открытіе Америки въ* 1492 *и морскаго пути въ Остъ-Индію въ* 1498 *годахъ.* Безмѣрны и неисчислимы слѣдствія сихъ обоихъ открытій, которыя сами были слѣдствіемъ изобрѣтенія компаса. Ближайшее вліяніе ихъ оказалось на торговлю и мореплаваніе. Главнымъ поприщемъ торговли было дотолѣ Средиземное море, въ порты котораго привозились сухимъ путемъ произведенія Азіи и Африки; со времени же обоихъ открытій Океанъ сдѣлался великою торговою дорогою. *Первая* важная перемѣна: пока торговля главно производилась сухимъ путемъ, она не могла достигнуть ни такой обширности, ни такой важности, какъ морская; съ этихъ только поръ торговля начала дѣлаться вполнѣ всемірною, и стала на такую высоту, въ каковой вовсе не извѣстна была для народовъ и Государствъ древняго міра и Среднихъ вѣковъ. *Вторая* важная перемѣна та, что доселѣ торговля была въ рукахъ небольшихъ Государствъ, большею частію въ рукахъ нѣкоторыхъ городовъ Италіи (Венеція, Генуа) и городовъ Ганзейскаго Союза; съ сихъ же поръ не города отдѣльные, а могущественныя Государства получили ее въ свои руки. Испанія и Португалія были первыя. Выгоды, ими пріобрѣтаемыя, устремили на то же поприще и другихъ народовъ: Голландцы и Англичане рано начали дѣлиться съ Испанцами и Португальцами выгодами торговли въ обѣихъ Индіяхъ, и скоро превзошли ихъ въ обширности мореплаванія и въ торговыхъ оборотахъ. Распространеніе и усиленіе торговаго мореплаванія, и желаніе пріобрѣсти себѣ владѣнія въ другихъ частяхъ Свѣта повело къ учрежденію военныхъ морскихъ силъ, которыя также сдѣлались установленіемъ и постояннымъ и общимъ для всѣхъ Государствъ, имѣющихъ въ обладаніи своемъ берега морскіе; произошли *морскія Державы*,—явленіе, принадлежащее также тремъ послѣднимъ вѣкамъ. Таковыя державы не могли образоваться въ древнія времена, когда нельзя было думать о владычествѣ надъ открытымъ Океаномъ, ни о большихъ и въ мирное время содержимыхъ арміяхъ. Стремленіе принять участіе въ богатой торговлѣ обѣихъ Индій, въ которой стали полагать главнѣйшій источникъ благосостоянія государственнаго; желаніе имѣть владѣнія въ сихъ богатыхъ странахъ, — вскорѣ стало всеобщимъ;

вскорѣ торговля сдѣлалась общимъ пунктомъ соединенія для Государствъ Европейскихъ, и не одинъ живой обмѣнъ произведеній природы и труда человѣческаго, а и обмѣнъ, не менѣе живой, идей и мнѣній произошелъ между народами. Можно утвердительно сказать, что ни одно событіе не дѣйствовало на сближеніе и ознакомленіе Государствъ и народовъ Историческихъ другъ съ другомъ болѣе, нежели сколько имѣло на сіе вліяніе открытіе Америки и пути въ Остъ-Индію. Но не одни государственныя отношенія, а и самыя подробности домашней жизни измѣнились одинаково вслѣдствіе сихъ событій. Америка и Остъ-Индія представили Европейцамъ множество новыхъ произведеній, или весьма мало или вовсе прежде неизвѣстныхъ, и представили ихъ въ такомъ количествѣ, что они сдѣлались предметами всеобщаго потребленія почти всѣхъ классовъ народа; отсюда новыя потребности жизни и необходимость придумывать новые способы къ ихъ удовлетворенію; отсюда быстрое развитіе ремесленности и искусствъ механическихъ, которыя, родясь отъ потребностей и опережая оныя, сами раждаютъ новыя потребности и поддерживаютъ ту непостижимую дѣятельность умовъ и рукъ, которая разлита нынѣ по Европѣ и которая стремится низвести довольство и благосостояніе въ самые нижніе ряды общества человѣческаго.

ГЛАВА II.

Причины, почему изобрѣтенія и открытія XIV и XV вѣковъ могли имѣть совокупное вліяніе на Европейскія Государства; общій результатъ ихъ вліянія на Государства; понятіе о системѣ Государствъ; необходимость обезпеченія Государствъ другъ отъ друга при ихъ тѣсномъ соединеніи и безпрерывномъ другъ на друга дѣйствованіи.

---

18. Но если вышеизложенными событіями приготовлено и произведено было сближеніе Государствъ и Народовъ Европы, то съ другой стороны Европа имѣла уже сама въ себѣ элементы, которые дѣлали таковое сближеніе возможнымъ, и безъ которыхъ не могли бы столь всеобщими сдѣлаться и послѣдствія сихъ великихъ событій. Когда Европейцы открыли Китай, тогда узнали, что компасъ, напр., былъ уже извѣстенъ Китайцамъ, и что искусство книгопечатанія у нихъ съ незапамятныхъ временъ было введено. Должны же существовать причины, почему эти изобрѣтенія изъ Китая не распространились далѣе и не оказали никакого вліянія на жизнь и судьбу Азіятскихъ народовъ, и причины, почему тѣ же самыя событія могли оказать совокупное дѣйствіе на всю Европу. Объясненія этому должно искать въ томъ, что Европа была способна подчиниться одинаковому вліянію однихъ и тѣхъ же событій по причинѣ: I) сходства въ составѣ народонаселенія Государствъ, II) сходства въ вѣроисповѣданіи, III) въ образѣ правленія, IV) въ образѣ жизни и степени образованія.

19. I. Господствующее населеніе новыхъ Европейскихъ Государствъ составлено изъ трехъ только главныхъ поколѣній: *Сла-*

вянскаго, Германскаго и *Романскаго*, или *Германо-Латинскаго*. *Первое* занимаетъ все пространство, ограниченное на С. берегомъ Сѣвернаго Океана, на В. Уральскими горами и рѣкою Ураломъ, на Ю. берегомъ Каспійскаго моря, сѣверною подошвою Кавказа, Чернымъ моремъ и горами Балканскими; на З. берегомъ Адріатическаго моря и цѣпью горъ, отъ сего берега къ С. до Дуная простирающеюся и оканчивающеюся у праваго берега Дуная, противу устья Моравы; отсюда по Моравѣ до верховья Одера и Одеромъ до Балтійскаго моря; далѣе по восточному берегу Балтійскаго моря до Сѣвернаго Океана. Не значитъ, чтобъ показанная граница на З. была послѣднимъ предѣломъ жилищъ Славянскаго народа; живутъ и на З. отъ Моравы и Одера Славянскія племена, но тамъ уже народность ихъ исчезаетъ болѣе и болѣе и переходитъ въ Германскую; не значитъ также, чтобы и внутри сказанныхъ предѣловъ жили только Славянскіе народы; есть среди ихъ и иноплеменники: на СВ. Финны, на ЮВ. Татары, на З. Нѣмцы, Венгерцы и разсѣянно Жиды; но только Славяне въ семъ краю господствовали и господствуютъ.—*Германское* племя занимаетъ средину Европы, гранича по вышеописанной чертѣ съ народами Славянскими; на Ю. простираясь до подошвы высочайшаго Альпійскаго хребта, отдѣляющаго Швейцарію отъ Италіи; на З. ограничиваясь Рейномъ, а отъ устья сей рѣки берегомъ Нѣмецкаго и Норвежскаго морей, и на С. берегомъ Сѣвернаго Океана. Все остальное пространство отъ Альповъ на Ю. и на З. отъ Рейна населено народами *Романскими* (*). Посему и три только рода языковъ въ Европѣ: языки Славянскіе, Германскіе и Романскіе. При таковой немногочисленности коренныхъ разнородныхъ языковъ важнымъ обстоятельствомъ для ознакомленія Европейскихъ народовъ другъ съ другомъ, и важнымъ облегченіемъ передачи идей и мнѣній, было то, что въ теченіе XVI и XVII вѣковъ Латинскій языкъ

(*) Исключеніе изъ сего общаго Европѣ состава народонаселенія дѣлаетъ полуостровъ къ Ю. отъ Балканскихъ горъ, населенный Турками и Греками. Первые, заслонивъ отъ соприкосновенія съ прочею Европою послѣднихъ, и сами мало соприкосновенія имѣли съ нею, кромѣ обстоятельствъ войны и торговли; другое исключеніе составляютъ небольшіе, такъ сказать, обломки древле-Европейскаго народа *Кельтовъ*, въ незначущемъ числѣ и еще въ менѣе значущемъ положеніи находящіеся въ долинахъ Пиренеевъ и на Британскихъ островахъ.

былъ общимъ языкомъ письменности и учености для Западной, и языкомъ внѣшнихъ сношеній для всей Европы; съ исхода XVII вѣка и во все послѣдующее время во многихъ отношеніяхъ такое же мѣсто занимаетъ и общимъ языкомъ образованныхъ классовъ по всей Европѣ дѣлается языкъ Французскій. Слѣдственно Европа во все продолженіе трехъ послѣднихъ вѣковъ имѣла общій, такъ сказать, *Европейскій* языкъ—явленіе, совершенно чуждое другимъ частямъ Свѣта. Онѣ не представляютъ въ семъ отношеніи сходства, столь разительнаго; различіе въ племенахъ и языкахъ тамъ чрезвычайно великое, и вотъ одна изъ причинъ, почему и историческіе народы Азіи и Африки, разлученные между собою происхожденіемъ и еще болѣе языкомъ, не могли имѣть ничего общаго другъ съ другомъ.

20. II. *Сходство въ вѣроисповѣданіи.* Всѣ господствующіе народы въ Европѣ суть Христіане; всѣ, слѣдственно, имѣютъ одно святое основаніе своей Вѣры — Евангеліе. Впослѣдствіи времени мудрованія человѣческія образовали на семъ основаніи нѣсколько религіозныхъ системъ; но самое основаніе осталось непзмѣннымъ: оно—Истина Божія—выше всѣческихъ мудрованій. Самые споры между разными системами Христіанства, преимущественно между Протестантами и Католиками; самыя войны, сими спорами порожденныя, открыли новыя точки соприкосновенія для народовъ, и служили новыми средствами ко взаимному ознакомленію и сближенію Государствъ. Времена религіозныхъ преслѣдованій и ненависти миновались; благоразумная вѣротерпимость, столь сообразная съ завѣтомъ Спасителя, сдѣлалась правиломъ, которому послѣдовать стали всѣ Правительства, горькими опытами наученныя, что религіозные раздоры ведутъ Государство къ погибели и разоренію, и народы Европы пріучились считать себя братьями во Христѣ. Безъ сего основанія былъ ли бы возможенъ этотъ достопамятный актъ, которымъ Императоръ Александръ желалъ, такъ сказать, освятить политику Европы, этотъ *Священный Союзъ* (г. 1815), прямо изъ его возвышенно Христіанской души излившійся? По силѣ сего Союза, Государи Христіанскіе обязывались считать себя братьями и быть отцами своихъ народовъ, яко членовъ одного Христіанскаго семейства. Какое же различіе вѣрованій представляютъ жители прочихъ частей Свѣта, начиная отъ народовъ, коснѣющихъ во тмѣ грубѣйшаго идолопоклонства и неимѣющихъ никакихъ положительныхъ правилъ для своей религіи

до народовъ, болѣе образованныхъ, но не менѣе заблуждающихся и разнящихся совершенно въ началахъ своей вѣры, до Магометанъ, Брамиповъ, Буддистовъ, послѣдователей Далай-Ламы и Фое? Въ семъ отношеніи, слѣдственно, между сими народами нѣтъ ничего общаго, ни какого союза.

21. III. *Сходство въ образѣ правленія.* Съ XV вѣка утвердилась въ Европѣ, власть монархическая на развалинахъ буйнаго феодализма; съ тѣхъ поръ господствующій и сообразнѣйшій съ цѣлію гражданскихъ обществъ въ Европѣ образъ правленія есть *монархическій наслѣдственный.* Въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ только одна Республика достигла значительной силы и важности — Нидерландская, которая также приближалась къ формамъ Монархіи, имѣя наслѣдственнаго Штатгалтера, и въ наши времена (г. 1815), по возстановленіи ея политической самобытности, обратилась въ Монархію. Другое Государство, существующее въ качествѣ Республики и до нашихъ временъ — Швейцарія — не занимала никогда важнаго мѣста въ союзѣ Европейскихъ Государствъ, и не имѣла вліянія на дѣла Европы, такъ-что Монархіи Европейскія признали для Швейцаріи вѣчный нейтралитетъ; притомъ же Швейцарія не есть одна нераздѣльная республика, а союзъ (конфедерація) 22-хъ маленькихъ республикъ. Два Государства имѣли образъ правленія монархическій избирательный: Германія и Польша; но Германія и въ продолженіе Среднихъ вѣковъ не была Государствомъ въ полномъ и точномъ смыслѣ сего слова, не была т. е. обществомъ людей, управляющимся одною верховною властію и одними законами: а со временъ Вестфальскаго мира (г. 1648), и совершенно уже обратилась въ союзъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ Государствъ, которыя, болѣе увлекаемыя силою воспоминаній, чѣмъ потребностями своей жизни общественной, избирали надъ собою одного общаго главу съ титуломъ Императора, и съ весьма неопредѣленною властію. Наконецъ, въ наши времена (г. 1815) Германія утверждена законно въ томъ положеніи, въ какомъ она была издавна: она составляетъ нынѣ Союзъ 34 монархическихъ и 4 республиканскихъ Государствъ, совершенно другъ отъ друга независимыхъ, и въ общихъ только дѣлахъ соединенныхъ общимъ Сеймомъ. Находящіяся въ составѣ сего союза Республики (вольные города: Гамбургъ, Бременъ, Любекъ и Франкфуртъ-на-Майнѣ), состоятъ болѣе подъ покровительствомъ Германскаго Союза, нежели составляютъ Государства самостоятельныя; притомъ же и

будучи таковыми, сіи Государства, ограничивающіяся предѣлами одного города съ его округомъ, были бы маловажны и незначащи Польша, съ 1572 года рѣшительно превратившаяся въ Монархію избирательную, утратою, по собственной винѣ, своего политическаго бытія, доказала, сколь мало залоговъ государственной безопасности и благосостоянія представляетъ сей, можно сказать, чудовищный образъ правленія. Въ устройствѣ монархическаго правленія въ Европѣ есть, конечно, разница между Государствами; но сія разница служитъ только къ тому, что ею увеличивается масса практическихъ понятій объ устройствѣ государственномъ и о способахъ, коими цѣль всякаго общества — безопасность и благосостояніе — достигаема быть можетъ; а основаніе, а коренные уставы управленія государственнаго, а сущность государственнаго союза въ Европѣ всюду одна и та же: всюду *одна* особа — Монархъ — есть глава Европейскихъ обществъ. Можно бы сказать, что и въ Государствахъ Азіи и Африки образъ правленія одинаковъ. Такъ и дѣйствительно представляется съ перваго взгляда; но деспотическое правленіе, свойственное Государствамъ Азіи и Африки, не есть правленіе; оно основано не на правилахъ и законахъ прочныхъ и общихъ, а на личныхъ свойствахъ деспота; на его неограниченномъ произволѣ съ одной и на рабствѣ безотвѣтномъ подданныхъ съ другой стороны. И сколь ни противоположно Европейскому образу мыслей и понятій таковое правленіе, ошибочно было бы думать, что народы Азіи и Африки совершенно несчастны подъ властію своихъ деспотовъ. Народы сіи не знали и не знаютъ другихъ общественныхъ отношеній, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ издавна живутъ они: сіи отношенія совершенно сообразны ихъ жизни, въ которой чувственность имѣетъ рѣшительный перевѣсъ надъ разумомъ. Азіятскія и Африканскія Государства остались на первой степени образованія общественнаго, подобно первоначальнымъ обществамъ семейственнымъ, въ которыхъ никакими особенными правилами не опредѣлены отношенія членовъ между собою, и въ которыхъ власть отца семейства опредѣляетъ все. Но семейство составляетъ одно цѣлое, соединенное взаимною любовію членовъ; соединеніе семействъ образуетъ колѣна, и власть отца семейства переходитъ на главу колѣна, но не переходитъ уже на колѣна любовь семейственная, составляющая основу семейственнаго союза. Изъ таковаго соединенія поколѣній составились Азіятскія деспотіи; власть отца семейства перешла на владыку Государства; но еще менѣе могла перейти любовь семейст-

венная на общество, въ которомъ живутъ десятки милліоновъ народа. Азіятскія Государства и доселѣ представляютъ собою большею частію составъ колѣнъ; и хотя всѣ колѣна, властительныя какъ и подвластныя, соединены въ одной рабской покорности деспоту, но внутреннее устройство Государства столь же разнородно, сколь разнородны колѣна, его составляющія.

22. *IV. Сходство въ образѣ жизни и степени образованія.* И въ семъ отношеніи Европейцы отличаются отъ прочихъ жителей Земнаго Шара. Звѣроловы и рыболовы, номады, бродящіе по степямъ необозримымъ, и наконецъ народы осѣдлые: вотъ составъ народонаселенія прочихъ частей Свѣта. Европа, напротивъ, *вся* населена народами образованными, которые живутъ обществами въ городахъ, въ деревняхъ. Таковой сходственный образъ жизни есть слѣдствіе, а вмѣстѣ и причина сходственныхъ промысловъ и занятій: земледѣліе, мануфактуры, торговля, составляютъ предметъ занятій и источникъ богатства всѣхъ Европейцевъ. Отъ сего опять сходственное раздѣленіе жителей Государствъ на классы, почти всей Европѣ общее: *классъ*, образованный народною промышленостію: земледѣльцы, мануфактуристы, купцы; *классъ*, составившійся отъ учрежденій религіозныхъ — духовенство; *классъ*, образовавшійся вслѣдствіе уставовъ феодальныхъ и монархическихъ — дворянство и сословіе государственныхъ чиновниковъ; *классъ*, составившійся вслѣдствіе распространенія и успѣховъ Наукъ и Художествъ — ученые и художники. Нравы, права и взаимныя отношенія сихъ классовъ жителей сходственны во всѣхъ Государствахъ. Сіе-то самое сходство въ образѣ жизни ведетъ за собою сходство и въ степени образованія. Одни и тѣ же предметы человѣческихъ познаній составляютъ умственное занятіе Европейцевъ; по одинаковымъ системамъ они изучаются, и сходство въ семъ отношеніи придаетъ наибольшее единство Государствамъ Европы.

23. Замѣтимъ, что, не смотря на сіи разительныя черты сходства, Европейскіе народы и Государства сохраняютъ свое индивидуальное и чрезвычайно великое различіе. Сходство не есть тождество. Такъ лица, принадлежавшія къ одному семейству, имѣютъ главныя родственныя черты, указывающія на ихъ семейственное сходство; но каждое особенное лице имѣетъ свое индивидуальное и безконечно-великое отъ другаго различіе. Сколько различій, напр. во нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ встрѣтить можно отъ народа до народа; сколько различія въ подробностяхъ устройства Монар-

хической власти, въ сектахъ религіозныхъ, въ наукахъ, въ художествахъ, въ ремеслахъ! Такимъ образомъ сходство и различіе могутъ существовать и существуютъ другъ подлѣ друга. Одно служитъ къ соединенію Государствъ, другое препятствуетъ водворенію и утвержденію совершеннаго единообразія и служитъ основаніемъ самобытному развитію народности каждаго племени Европейскаго. Сама природа требуетъ сего различія и поддерживаетъ оное; ибо если только въ Государствѣ жизнь человѣка, такъ-какъ и жизнь народа, достигаетъ своего возможнаго развитія и усовершенствованія, именно вслѣдствіе обмѣна потребностей и понятій, обмѣна, возможнаго только въ Государствѣ: то должно существовать нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, по крайней мѣрѣ столько, сколько есть различныхъ народностей, чтобы дѣйствительно жизнь народовъ могла достигнуть таковаго усовершенствованія. Но между-тѣмъ, по силѣ сего-то именно сходства въ главномъ и по силѣ вліянія указанныхъ и объясненныхъ выше великихъ происшествій, Государства Европейскія не могутъ существовать иначе, какъ въ тѣсной другъ съ другомъ связи и непрерывномъ другъ на друга дѣйствіи. Таковая тѣсная связь Государствъ и безпрерывное ихъ другъ на друга дѣйствіе называется *системою Государствъ*.

24. Подъ *системою Государствъ* должно собственно разумѣть соединеніе между собою сосѣдствующихъ, нравами, религіею и образованіемъ сходныхъ и многообразными выгодами другъ съ другомъ связанныхъ Государствъ. Каждое Государство въ отдѣльности имѣетъ цѣлію своего существованія *общественное благоденствіе*, котораго условія суть: *безопасность и благосостояніе* всѣхъ и каждаго. Чтобъ сія цѣль была достигнута, существуетъ въ каждомъ Государствѣ Верховная власть, составляющая душу Государства. Верховная Власть придумываетъ и производитъ въ дѣйство мѣры и средства, служащія къ достиженію благоденствія, и имѣетъ силу *принудить* всѣхъ членовъ Государства содѣйствовать, или по крайней мѣрѣ не препятствовать достиженію сей общей цѣли. Государство, вступая въ неизбѣжныя сношенія съ другими, не только не расположено жертвовать частію сихъ своихъ собственныхъ цѣлей, но именно чрезъ таковое соединеніе надѣется вѣрнѣе ихъ достигнуть. Посему должно, чтобы Государства, находясь въ соединеніи и безпрерывно дѣйствуя другъ на друга, не только не препятствовали, а споспѣшествовали одно дру-

гому въ достиженіи цѣли, для всѣхъ ихъ одинаковой — *благоденствія*. Изъ сего слѣдуетъ, что необходимы нѣкоторыя общія правила, по которымъ бы Государства дѣйствовали, чтобы ихъ сосуществованіе было возможно, и чтобы каждое могло невозбранно достигать своей цѣли. Правила сіи и дѣйствительно существуютъ для Государствъ, и опредѣляются между ними, или *общественнымъ мнѣніемъ*, или, еще положительнѣе, *договорами*. Совокупность таковыхъ правилъ, по которымъ Государства должны дѣйствовать, чтобы каждое невозбранно достигало своей цѣли, называется *Народнымъ Правомъ*.

25. Но сколь бы ни опредѣлительно Правомъ Народнымъ обозначены были отношенія между Государствами, они могутъ быть нарушаемы, и весьма часто. Государства въ дѣйствіяхъ своихъ совершенно свободны. Нѣтъ надъ ними верховной власти, которая бы удерживала ихъ въ предѣлахъ законности; нѣтъ судіи, который бы произносилъ приговоръ ихъ поступкамъ. Изъ сего явствуетъ, что самыя постановленія Народнаго Права тогда только могутъ имѣть прочность и служить залогомъ благоденствія народовъ, когда отношенія между Государствами такъ устроены, чтобы покушенія одного на независимость другаго были невозможны, или, по крайней мѣрѣ, сколько можно менѣе возможны. Когда же могутъ устроиться таковыя отношенія? Какимъ образомъ Верховная Власть каждаго Государства достигнетъ того, чтобы не имѣть опасенія на счетъ своей безопасности государственной со стороны сосѣдей? Одно къ сему средство: должно сдѣлать Государство столь сильнымъ, чтобы сосѣди не могли надѣяться безнаказанно нарушать его безопасность; ибо одна только сила, при совершенно свободныхъ дѣйствіяхъ Государствъ, можетъ каждому изъ нихъ служить ручательствомъ за безопасность внѣшнюю, безъ которой благоденствіе невозможно. Но каковы же должны быть тѣ отношенія, въ которыхъ находясь, Государство можетъ полагать, что оно достигло этой степени силы, и въ состояніи не бояться нарушенія безопасности со стороны сосѣдей?

ГЛАВА III.

Возможные способы къ огражденію безопасности Государствъ другъ отъ друга при ихъ тѣсной связи и безпрерывномъ другъ на друга дѣйствованіи; разборъ каждаго изъ нихъ.

---

26. Коль скоро уже совершенно уединенное существованіе Государствъ сдѣлалось невозможнымъ, и безпрерывное ихъ другъ на друга дѣйствіе необходимымъ (23), то представляются только *три* способа, при которыхъ возможно сохраненіе безопасности Государства отъ вредныхъ замысловъ сосѣдей:

I. Государство можетъ стремиться къ тому, чтобы другія или совершенно признали власть его надъ собою, или бы по крайней мѣрѣ принуждены были располагать свои дѣйствія по его предписаніямъ.

II. Государства могутъ учредить общее судилище, конгрессъ, въ родѣ Амфиктіонскаго суда древнихъ Греческихъ областей, на которомъ бы рѣшались ихъ недоразумѣнія, распри и ссоры.

III. Они могутъ, оставаясь совершенно свободными въ своихъ дѣйствіяхъ, обезпечивать себя отъ невыгоднаго на нихъ дѣйствія Государствъ постороннихъ, союзами, посредствомъ которыхъ они будутъ стараться не дать одному какому-либо Государству опаснаго перевѣса надъ всѣми прочими, или, по крайней мѣрѣ, не дать ему употреблять во зло своего перевѣса. Разсмотримъ, которое изъ сихъ положеній Государствъ относительно другъ къ дру-

гу можетъ представить наилучшее ручательство за независимость и безопасность всѣхъ ихъ.

27. I. Не иначе можно представить себѣ первое положеніе Государствъ, какъ принявъ, что одинъ какой-нибудь народъ властвуетъ, и что всѣ другіе подчиняютъ свои дѣйствія его властительству и, слѣдственно, жертвуютъ ему своимъ драгоцѣннѣйшимъ благомъ — самобытностію. Таковой порядокъ вещей осуществился бы во *всемірной монархіи*. Но какимъ образомъ можетъ произойти всемірная монархія? Какимъ образомъ одинъ народъ можетъ подчинить своему властительству другіе народы?—Не иначе, какъ войною и кровопролитіями, насиліями и злодѣйствами. Не этимъ ли кровавымъ слѣдомъ означенъ въ Исторіи путь завоевателей, начиная отъ древнихъ полубаснословныхъ воителей Востока и оканчивая временами новѣйшими? И къ чему стремились ослѣпленные? Достигали ли они когда-нибудь того, чтобы покорить *всѣ* народы? Всегда оставалось больше странъ и народовъ независимыхъ, нежели сколько они успѣвали оныхъ поработить себѣ. Долговѣчны ли были огромныя Монархіи, ими сооруженныя? Онѣ рѣдко переживали своихъ основателей! Ихъ творенія, противныя природѣ (23), распадались какъ скоро въ душахъ народовъ, оглушенныхъ громомъ оружія и побѣдными кликами, оживали воспоминанія старины; ибо, уничтожая самобытность народовъ, завоеватели не могли уничтожить ихъ Исторіи; минувшее, какъ и будущее, не въ ихъ власти. Если же покоренные народы, переживъ сами себя, и не воскресаютъ для Исторіи, то и въ семъ случаѣ Государство, котораго составныя части не только ничѣмъ не связаны, но еще враждебны между собою, дѣлается легкою добычею перваго отважнаго непріятеля. И какими гибельными переворотами сопровождается таковое насильственное расторженіе огромныхъ Монархій, сдвинутыхъ изъ разнороднѣйшихъ частей завоеваніями, это ясно представляетъ Исторія, на скрижаляхъ которой кровавыми чертами обозначена окончательная судьба ихъ.

28. Но забудемъ на-время и способы, какими завоеватели созидали огромныя Монархіи, не будемъ представлять и обстоятельствъ, коими сопровождалось ихъ паденіе, и бросимъ взглядъ на состояніе таковой Монархіи во время ея существованія, повидимому цвѣтущаго. Сущность таковаго владычества, какъ выше сказано, въ томъ состоитъ, что есть одно *главное*, или центральное Государство, которое содержитъ *многія* другія Государства и народы

или въ совершенномъ и полномъ подданствѣ, или, подъ обольстительнымъ названіемъ союзниковъ, въ тягостной отъ себя зависимости. Сіе послѣднее отношеніе есть обыкновенно только временное, и переходитъ, рано или поздно, неминуемо въ первое. Слiяніе сихъ двухъ элементовъ въ одно стройное цѣлое возможно только въ одномъ случаѣ: когда властительный народъ превосходитъ *всѣ* покоренные народы числомъ, богатствомъ, образованіемъ: случай рѣдкій, развѣ если таковой народъ утверждаетъ власть свою надъ странами, которыя еще не имѣли Исторіи. Но и въ семъ послѣднемъ случаѣ необыкновенная мудрость, необыкновенная дѣятельность и умѣренность Правительства и многіе вѣки потребны къ тому, чтобы сплавить разнородныя части въ одно нераздѣльное цѣлое. Посему всего естественнѣе принять, что сіи разнородныя части и останутся навсегда разнородными и, слѣдственно, враждебными: выгоды и виды ихъ совершенно противоположны. Народы зависимые, влекомые силою Исторіи, ежели они не вовсе для нея отжили, будутъ стремиться къ возвращенію своей независимости, а между-тѣмъ, пока наступитъ благопріятная минута, принуждены жертвовать всѣмъ своимъ благомъ пользамъ и выгодамъ властительнаго народа, или страстямъ и своенравію завоевателя. Горделивые правители, поставляемые его рукою, и съ ними толпа мелкихъ чиновниковъ, приносятъ съ собою въ страны, имъ ввѣряемыя, которыхъ ни языка, ни нравовъ они не знаютъ, чванство, нахальство, нерѣдко презрѣніе къ народу покоренному;

Земли не влюбитъ нашей,
Кто нашимъ юношамъ товарищъ не былъ,
Кому языкъ нашъ въ душу не бѣжитъ.

Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ судьба побѣжденныхъ народовъ будетъ непрерывною цѣпью страданій, изъ которыхъ наибольшимъ почтено должно быть это глубоко-оскорбительное чувство униженнаго національнаго достоинства, когда народъ видитъ, какъ иностранцы тучнѣютъ его богатствами, и жнутъ, гдѣ не сѣяли; какъ пути къ отличіямъ и выгодамъ житейскимъ заставлены ими (*)!

(*) Иногда народъ и не вслѣдствіе завоеванія, а по стеченію обстоятельствъ, или по видамъ Правительства, дѣйствующаго въ благомъ желаніи образовать оный, подчиняется вліянію чужеземныхъ обычаевъ и обра-

29. Но не лучше, или, по крайней мѣрѣ не на долго лучше и состояніе властительнаго народа. Онъ можетъ держаться только силою оружія: ибо покоренные народы однимъ страхомъ могутъ быть удержаны въ повиновеніи. Отъ сего необходимо образованіе

зованія. Сіе обстоятельство, благодѣтельное вначалѣ, можетъ имѣть противныя послѣдствія, коль скоро водворяется явное и общее предпочтеніе чужому передъ своимъ народнымъ. Высшіе классы принимаютъ тогда обычаи совершенно иноземные и отдѣляются отъ своего народа; даже правительство привыкаетъ нечувствительно смотрѣть на народъ свой какъ на народъ младенчествующій, хотя младенчество его, можетъ быть, давно уже прошло; привыкаетъ думать, что народъ его въ Наукахъ, Искусствахъ и промышлености никакъ не въ состояніи равняться съ покровительствуемыми чужеземцами, которые, находясь, яко переселенцы среди природныхъ жителей въ небольшомъ числѣ, составляютъ собою какъ бы особенное общество, твердо держатся другъ за друга, и хитро стараются питать мысль о своемъ превосходствѣ въ лицахъ правительствующихъ. И кто жъ бываютъ эти переселенцы? Безъ сомнѣнія, рѣдко самые лучшіе люди той страны, изъ которой они переселяются! Наконецъ, и въ самомъ народѣ раждается недовѣріе къ собственнымъ своимъ силамъ и способностямъ; духъ рабскаго подражанія овладѣваетъ имъ, и нація надолго, можетъ быть, навѣки, коснѣетъ въ незначительности, утративъ въ одной своей части совершенно свою народную физіономію, а въ другой сохранивъ только грубость и невѣжество старины. Таково положеніе Венгерскаго народа. Кипучая кровь Азіятская течетъ въ его жилахъ; онъ занялъ страну, щедро надѣленную отъ природы всякимъ привольемъ для жизни и промысловъ, одну изъ прекраснѣйшихъ странъ въ мірѣ; какой бы, можетъ быть, высоты достигъ этотъ народъ, если бы національное его развитіе не было въ самомъ началѣ остановлено и, такъ сказать, поглощено вліяніемъ чужеземнымъ! Король Стефанъ (отъ 997 — 1038), принявъ изъ Германіи Христіанскую Вѣру, хотѣлъ водворить и устройство Германіи среди своего, еще полукочеваго народа. Избравъ себѣ во всемъ за образецъ Германію, онъ положилъ основаніе тому предпочтенію, которымъ пользовались Нѣмцы въ Венгріи, къ обидѣ природныхъ жителей. Въ добромъ желаніи имѣть для разнородныхъ націй, изъ которыхъ состояло населеніе его Королевства, общій языкъ, и тѣмъ самымъ ускорить ихъ сліяніе въ одинъ народъ, онъ ввелъ въ употребленіе языкъ Латинскій, и тѣмъ лишилъ Венгерцевъ и національной Литературы. Преемники его дѣйствовали въ этомъ же странномъ ослѣпленіи. И что сталось съ Венгерскою націею, исполненною духа доблестнаго? Какое мѣсто занимаетъ она нынѣ въ семействѣ рода человѣческаго? Что прибавила она къ общему образованію человѣчества?

и содержаніе огромной вооруженной силы, которая была бы въ состояніи подавить всякое движеніе между покоренными народами. Сія вооруженная сила должна увеличиваться по мѣрѣ увеличиванія завоеваній, пока, наконецъ, цѣлый властительный народъ сдѣлается, такъ сказать, народомъ солдатъ. Кичливость, духъ своевольства и хищенія, торопливость наслаждаться легко пріобрѣтенными сокровищами — добычами войны насильственной — оттого роскошь безразсудная и хвастливая пышность немногихъ, обогатившихся войною, въ противоположность съ жестокою бѣдностію прочаго народа; презрѣніе къ мирному гражданскому быту, къ сословіямъ, непринадлежащимъ къ воинственной кастѣ, и къ ихъ занятіямъ; дикая праздность въ тѣ промежутки времени, когда умолкаетъ звукъ оружія, — вотъ качества, которыми будетъ отличаться народъ-завоеватель. Таково было положеніе Рима во время его всемірнаго властительства; таковое же готовилось Франціи подъ властію Наполеона. Военная дисциплина — эта душа воинства, имѣющаго высокое назначеніе охранять безопасность отечества и престола отъ всякихъ враждебныхъ замысловъ — ослабѣваетъ въ отдаленныхъ и долговременныхъ походахъ, и наконецъ совсѣмъ истребляется; войны пріучаются къ мысли, что участь народовъ въ рукахъ ихъ и ихъ предводителя; слава и корысть поглощаютъ въ душахъ ихъ всѣ страсти; и съ равнодушіемъ они будутъ готовы обратить свое оружіе противу своихъ соотечественниковъ, какъ и противу враговъ. Не видимъ ли мы многочисленныхъ тому примѣровъ въ Исторіи Рима? Не выводили ли Марій и Силла, Помпей и Юлій Цезарь, Октавій и Антоній сотни тысячъ Римскихъ воиновъ другъ противъ друга? Сіи сотни тысячъ рѣзались не за благоденствіе и славу Рима, а за то, которому изъ вождей быть первымъ и властвовать.

30. Но по крайней мѣрѣ, казалось бы, что внѣшняя безопасность Государства тогда будетъ вполнѣ достигнута, когда всѣ Государства составятъ одно, и что бичъ народовъ—война, которая не перестанетъ дотолѣ, пока будутъ существовать другъ подлѣ друга независимыя Государства, что война будетъ невозможна и народы будутъ благоденствовать въ вѣчномъ мирѣ. Дѣйствительно, сія мысль могла увлекать многихъ завоевателей. Мы не въ правѣ считать ихъ всѣхъ только слѣпыми честолюбцами и полагать, что они вели войны для одного удовольствія проливать кровь, или для одного насыщенія своего славолюбія, а не поставляли своимъ

дѣйствіямъ какой-нибудь благородной и возвышенной цѣли. Древніе завоеватели Востока, при тогдашнемъ состояніи географическихъ познаній, могли еще, сверхъ того, быть обмануты и своими понятіями о землѣ, и считать возможнымъ осуществить мечту свою: завоевать цѣлый міръ. Въ самомъ дѣлѣ, какое благоденствіе воцарилось бы, повидимому, во вселенной, когда всѣ народы, живя въ вѣчномъ покоѣ, безмятежно наслаждались бы своею жизнію! . . .

31. Но жить значитъ дѣйствовать. Въ природѣ все живетъ, потому-что все находится въ безпрерывной дѣятельности, усиливающейся соразмѣрно съ препятствіями, ей противопоставляемыми; остановка сей дѣятельности была бы всеобщая смерть. Такъ и въ родѣ человѣческомъ. Только препятствіями и нуждами возбуждается и растетъ наша дѣятельность; только среди опасностей духъ человѣческій сознаетъ свою безсмертую силу и раскрываетъ въ себѣ свойства возвышенныя, которыя исчезли бы въ дремотѣ непрерывнаго покоя. Когда подвиги самоотверженія, чудеса патріотизма и чаще и блистательнѣе свершаются, какъ не въ годину бѣдствій? Когда человѣкъ довѣрчивѣе и искреннѣе тѣснится къ человѣку, какъ не въ минуту опасностей войны? Нѣтъ! война не есть величайшее зло для народовъ: утрата своего національнаго достоинства, ослабленіе доблестныхъ силъ человѣческаго духа, праздность, грубыя чувственныя наслажденія и развращеніе нравовъ, всего скорѣе происходящее въ народѣ, лелѣемомъ покоемъ долговременнымъ, составляетъ гораздо бо́льшее зло. Какъ день и ночь, зима и лѣто, сонъ и бодрствованіе, такъ же естественна подлѣ мира война; основаніе ея лежитъ въ природѣ человѣка; она неизбѣжна, пока образованіе человѣчества не сдѣлалось тѣмъ, чѣмъ оно, вѣроятно, никогда не будетъ—общимъ и совершеннымъ; она содѣйствуетъ успѣхамъ сего образованія, именно тѣмъ, что способствуетъ развитію и усовершенствованію силъ духа человѣческаго. Посему и соглашаясь съ тѣмъ, что война есть источникъ великихъ бѣдъ для людей, подвергающихся ея дѣйствіямъ, ее именно поэтому и должно почитать орудіемъ, которое употребляетъ Провидѣніе для искушенія народовъ бѣдствіями и для ихъ возрожденія.

Ниспосылаемый Имъ Ангелъ разрушенья
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена,
И обновленныя — пышнѣе расцвѣтаютъ.
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возраждаютъ.

32. Слѣдовательно добродушное желаніе филантроповъ, чтобъ вовсе не было войны между народами, сходно было бы съ желаніемъ, чтобы бури вовсе истребились въ природѣ, а озера и болота остались. Притомъ, дѣйствительно ли смолкнетъ война, коль скоро утвердилась бы Всемірная Монархія? Нѣтъ! припоминая (27, 28), какимъ образомъ сооружается таковая Монархія и чѣмъ она держится, должно считать войну неизбѣжною на все время ея существованія и для того уже, чтобы вооруженныя силы въ безпрестанной были дѣятельности, чтобы не погасъ въ нихъ воинственный духъ, и чтобы въ народахъ покоренныхъ не ослабѣло это чувство страха къ силамъ народа-завоевателя, чувство, которое удерживаетъ ихъ въ повиновеніи сему послѣднему. Миръ есть смерть для народа-завоевателя; онъ долженъ отыскивать безпрерывно новыхъ непріятелей, и между-тѣмъ (*), чѣмъ далѣе расширяются завоеванія, тѣмъ болѣе удаляются они отъ средоточія Государства, тѣмъ труднѣе они дѣлаются, тѣмъ слабѣе сила, тѣмъ многочисленнѣе мѣста, на которыя можетъ пасть ударъ непріятеля, тѣмъ огромнѣе суммы, которыя нужны для военныхъ предпріятій. Наконецъ, издержки, которыхъ требуютъ завоеванія, не будутъ вознаграждаться тѣмъ, что пріобрѣтается ими; препятствія разнаго рода, скопляясь, принудятъ наконецъ остановиться. Всякая такая остановка есть обратное шествіе. Бѣдное и разслабленное внутри; войска, одичалыя въ войнѣ, или въ мирѣ необузданныя, праздныя, утратившія свой воинственный духъ; народъ — сборище расточителей и нищихъ, безъ силы и характера: въ такомъ видѣ явится рано или поздно всякое Государство, которое живетъ завоеваніями, коль скоро наконецъ искусственное напряженіе ослабѣетъ, и оно принуждено будетъ остановиться. Въ такомъ положеніи неизбѣжно совершенное паденіе подобнаго Государства и отторженіе отдаленныхъ провинцій; возмущенія намѣстниковъ и подчиненныхъ союзниковъ приводятъ наконецъ неминуемое расторженіе нестройной громады, если еще прежде нападеніе мужественнаго непріятеля не ниспровергнуло шаткаго зданія. И когда въ Римѣ, по утвержденіи его всемірнаго владычества, происходили наиболѣе ужасныя сцены, какъ не въ то время, коль скоро прекращались завоеванія внѣшнія? И обновился ли,

(*) Завоевадъ

усилися ли, облагородился ли Римъ въ этотъ, столь несправедливо историками называемый *золотой вѣкъ Римской Имперіи*, отъ Нервы до кончины Марка Аврелія (отъ 95 — 180 г. по Р. Х.)? Если бы дѣйствительно обновились его силы и возвратились къ нему прежнія доблести, то возможно ли, чтобы по кончинѣ Марка Аврелія столь быстро и столь неудержимо Имперія устремилась къ своему паденію? Нѣтъ, и въ сіи, несправедливо превозносимыя времена, человѣчество подъ властію Римлянъ страдало попрежнему; это счастіе, по словамъ Лудена, состояло въ спокойномъ отдохновеніи людей утомленныхъ, состояло въ привольной тишинѣ послѣ страшныхъ бурь, состояло въ удобствахъ жизни, нѣгѣ и сластолюбіи. Разрушеніе продолжалось, но не столь было примѣчаемо: это былъ тихій сонъ больнаго, котораго лелѣютъ сладкія видѣнія! Нѣтъ! всемірное владычество не можетъ служить залогомъ благоденствія ни для народа властвующаго, ни еще менѣе для народовъ подвластныхъ.

33. II. Еще менѣе ручательства за независимость и безопасность внѣшнюю Государствъ представило бы *учрежденіе Европейскаго Конгресса*. Таковой Конгрессъ имѣлъ бы цѣлью составлять собою судилище, котораго опредѣленія служили бы законами для всѣхъ Государствъ. Но кто же бы составлялъ таковой Конгрессъ? Сами Государи, или уполномоченные отъ нихъ? Первое неудобно, потому-что Государи были бы судьями и подсудимыми въ собственномъ своемъ дѣлѣ; второе еще неудобнѣе, потому-что Государи обязаны были бы въ семъ случаѣ подчинять свои дѣйствія приговорамъ своихъ подданныхъ. И гдѣ же таковой Конгрессъ взялъ бы средства принудить дѣйствовать сообразно своимъ опредѣленіямъ всякое Государство, которое бы имѣло и силу и волю противиться онымъ? Что дѣйствительно подобное учрежденіе не произвело бы того, чего себѣ отъ онаго обѣщаютъ, то ясно доказываетъ Исторія. Какую власть имѣлъ Амфиктіонскій сеймъ въ древней Греціи? Онъ не остановилъ ни одной войны между Греческими Государствами, не положилъ преграды ни одному притѣсненію сильнѣйшихъ, и самъ трепеталъ то предъ Аѳинами, то передъ Спартою. То же скажемъ и о подобномъ учрежденіи, бывшемъ въ древней Руси. Планъ Мономаха, остановить посредствомъ княжескихъ съѣздовъ обнаруженіе междоусобій, дѣлаетъ болѣе чести его сердцу, чѣмъ его дальновидности. Что́ вышло изъ этихъ съѣздовъ? Олегъ Святославичъ, наприм., рѣшительно объявилъ, что онъ

не пойдетъ на съѣздъ и не признаетъ суда его и ни чьего надъ собою; а Давиду Игоревичу не помѣшалъ этотъ съѣздъ совершить ужасное злодѣйство надъ благодушнымъ витяземъ Васильком Ростиславичемъ.

34. Самый обширный планъ сего рода былъ мечтательный планъ Генриха IV: учрежденіе въ Европѣ такъ называемой *Христіанской Республики*. Добродушный Король Франціи, и Министръ, другъ его Сюлли, предполагали раздѣлить Европу на 15, сколько можно равныхъ силами другъ другу Государствъ, въ числѣ которыхъ, по предположенію, должно было быть: шесть наслѣдственныхъ (*), пять избирательныхъ (**) Монархій и четыре демократическія Республики (***); и сіи 15 членовъ Христіанской Республики должны были въ спорахъ и распряхъ своихъ подчинять себя рѣшенію общаго Европейскаго Конгресса.—Какими же средствами могъ надѣяться Генрихъ IV достигнуть предположенной цѣли? Надобно было перестроить всё политическое зданіе тогдашней Европы; надобно было вовсе уничтожить нѣсколько Государствъ; у однихъ насильственно отнять часть ихъ владѣній, къ другимъ насильственно присоединить земли: слѣдственно одно средство къ сему могла быть война, которая неминуемо обхватила бы всю Европу, истощила и погубила бы, безъ сомнѣнія, и Францію, какъ виновницу таковаго кровопролитія; и если, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели, Генрихъ IV надѣялся разсѣять грозныя тучи, уже застлавшія политическій горизонтъ Европы около времени его кончины (г. 1610); если думалъ остановить этимъ войну, которая съ мину-

---

(*) Наслѣдственныя Монархіи были: Франція, Англія, Швеція (къ которой должна присоединиться и Данія), Испанія (за исключеніемъ всего того, что принадлежало ей внѣ Пиренейскаго полуострова), Австрія (за исключеніемъ Нидерландскихъ и Италіянскихъ земель), Ломбардія, долженствовавшая составиться изъ Савоіи, Медіолана и Монферрата.

(**) Избирательныя Монархіи: Богемія, Венгрія, Польша, Имперія Германская и Церковная Область съ присоединеніемъ къ ней Неаполя.

(***) Венеція, къ которой придать Сицилію, Швейцарія, Белгія, составленная изъ Нидерландской Республики и Испанскихъ Нидерландъ, наконецъ Италіянская Республика, которую составить изъ соединенія всѣхъ мелкихъ владѣній, какъ-то: Генуи, Флоренціи, Мантуи, Модены, Пармы, Лукки, Болоніи и Феррары.

ты на минуту угрожала воспылать тогда (тридцатилѣтняя война), то не должно ли сказать, что онъ хотѣлъ тушить пожаръ пожаромъ? И можно ли, для осуществленія мечтательнаго плана, такъ жестоко играть судьбою народовъ?

35. Но положимъ, что, употребивъ не человѣческія усилія, Генрихъ достигнулъ бы своей цѣли: Европа была бы, сообразно съ его предположеніемъ, раздѣлена на 15 равныхъ Государствъ: на долго ли сохранилось бы это равенство, или, лучше, возможно ли, чтобъ оно когда-нибудь существовать могло?

36. Въ Государствѣ есть два рода силъ: *вещественныя* и *нравственныя*. Положимъ, что вещественныя силы, *землю* и *жителей*, можно раздѣлить между Государствами по-ровну, измѣривъ одну и пересчитавъ другихъ; гдѣ взять масштабъ для измѣренія нравственныхъ силъ Государства, состоящихъ въ *духѣ народа, въ его любви къ отечеству, въ его дѣятельности умственной и промышленной?* А при различіи нравственныхъ силъ, какъ бы ни уравнивать силы матеріяльныя, останется всегда безконечная разница между Государствами. Притомъ, по учрежденіи таковой Христіанской Республики, или Франція приняла бы на себя охраненіе ея существованія, и тогда она стала бы на степень первенствующаго Государства, съ которой одинъ шагъ оставалось бы ей сдѣлать до Всемірной Монархіи (28); или Франція выпустила бы изъ рукъ своихъ управленіе отношеніями Европейскихъ Государствъ, и тогда, значитъ, Генрихъ IV дѣйствовалъ бы противу выгодъ своей страны; скажемъ болѣе: онъ дѣйствовалъ бы противу природы; ибо, размежевать Европу на равныя Государства и учредить Конгрессъ, который бы имѣлъ цѣлію охранять, содержать это равенство, не значило ли желать навсегда остановить развитіе и усовершенствованіе жизни народовъ и осудить ихъ на неподвижное единообразіе? Дѣйствительно, трудно понять, какъ планъ, столь мало основательный, могъ овладѣть душею Генриха и Сюллія! Развѣ предположить, что настоящею цѣлію таковаго намѣренія было желаніе поставить преграду усиленію могущества Австрійскаго Дома: въ такомъ случаѣ, конечно, и сей планъ можно найти совмѣстнымъ съ тогдашнею политикою Франціи. Справедливому проклятію и омерзѣнію обречена голосомъ современниковъ и потомства память злодѣя, посягнувшаго на жизнь Государя, благодѣтеля Франціи; но посвящая слезу умиленія любезной памяти Генриха IV, кто скажетъ, что онъ рано скончался для своей славы? Онъ сошелъ

въ могилу, осіянный славою неукоризненною; кто знаетъ, сохранилъ ли бы онъ ее, если бы возжегъ, для исполненія своего плана, эту войну, которой ходъ и направленіе никакая человѣческая мудрость предвидѣть и никакая человѣческая сила остановить была бы не въ состояніи?

37. III. Итакъ, если первое отношеніе, яко противное природѣ (23), поелику при немъ невозможно независимое сосуществованіе нѣсколькихъ Государствъ, состоять не можетъ, а тѣмъ менѣе, слѣдственно, можетъ быть ручательствомъ за благоденствіе народовъ; если и при второмъ оное не болѣе обезпечивается (28): то остается Государству находить вѣрнѣйшій залогъ своей независимости и безопасности внѣшней въ независимости всѣхъ прочихъ, и усердно содѣйствовать съ своей стороны къ сохраненію и удержанію сей общей независимости. Для сего нужно, чтобы Государства, оставаясь совершенно свободными въ своихъ дѣйстіяхъ, стремились устроить свои отношенія такъ, чтобы ни одно изъ нихъ не пріобрѣтало опаснаго перевѣса надъ прочими, или бы, по крайней мѣрѣ, не употребляло онаго во зло, покушаясь на независимость сосѣдей. Таковое положеніе государствъ возможно только тогда, когда между ними существуетъ равновѣсіе силъ, которыми каждое изъ нихъ располагать можетъ; слѣдственно возможно лучшее ручательство за безопасность *Государствъ, и цѣль, которой они во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ должны стремиться достигнуть, есть сохраненіе и поддержаніе равновѣсія силъ Государствъ.*

ГЛАВА IV.

Политическое равновѣсіе есть возможно лучшее ручательство за безопасность Государствъ другъ отъ друга, при ихъ тѣсной связи и безпрерывномъ другъ на друга дѣйствованіи; объясненіе понятія о политическомъ равновѣсіи и доказательство возможности его существованія.

---

38. *Равновѣсіе силъ Государствъ или политическое равновѣсіе*, не состоитъ въ математическомъ равенствѣ Государствъ, которое невозможно (23, 28), а состоитъ въ такомъ ихъ относительно другъ къ другу положеніи, чтобъ ни одно Государство не было останавливаемо въ своемъ развитіи и усовершенствованіи насильственными дѣйствіями другаго. Въ семъ положеніи Государствъ, они, въ случаѣ слишкомъ рѣшительнаго перевѣса одного изъ нихъ надъ всѣми прочими, или въ случаѣ злоупотребленія таковаго перевѣса, соединяясь между собою, противопоставятъ тотчасъ равносильныя преграды его покушеніямъ на независимость и безопасность другихъ, и тѣмъ уничтожатъ вредныя слѣдствія, кои могли бы произойти отъ таковыхъ покушеній. При таковомъ равновѣсіи, слѣдственно, не только возможно, но и необходимо свободное стремленіе каждаго Государства къ развитію и усовершенствованію своихъ собственныхъ силъ; ибо въ семъ только одномъ оно найдетъ средство сохранить политическое равновѣсіе. Посему политическое равновѣсіе не есть это механическое равновѣсіе, которое происходитъ отъ противодѣйствія равныхъ другъ другу силъ, поглощающихъ, уничтожающихъ одна другую и производящихъ

чрезъ сіе уничтоженіе мертвый покой; нѣтъ, его лучше уподобить исполненному жизни равновѣсію звѣздъ, которыя, взаимно дѣйствуя другъ на друга, держатся въ безпредѣльности мірозданія на путяхъ, назначенныхъ имъ премудрою и всемогущею рукою, и между-тѣмъ каждая изъ нихъ совершенно свободно движется въ сей безпредѣльности по своему собственному пути и обладаетъ силою сохранить свой путь и свободное свое движеніе въ пространствѣ вселенной. Стремленіе къ сохраненію политическаго равновѣсія производитъ между Государствами благодѣтельное для каждаго изъ нихъ въ особенности и для всѣхъ вообще соперничество: они будутъ стремиться превзойти другъ друга степенью благоденствія, до котораго каждое будетъ усиливаться достигнуть; будутъ стремиться доводить до возможно высшаго совершенства промышленость, Науки и Искусства, ибо въ семъ состоитъ ихъ собственная сила и средства къ огражденію ихъ безопасности отъ покушенія сосѣдей. Увѣренность, которую каждое Государство при утвердившемся равновѣсіи получитъ въ томъ, что его стремленіе къ таковому совершенству не будетъ подавлено насиліемъ Государства посторонняго, и дастъ всѣмъ имъ возможность достигнуть той степени благоденствія, какая каждому свойственна можетъ быть по его состоянію, силамъ и способамъ.

39. Стремленіе къ сохраненію политическаго равновѣсія замѣчаемо было всякой разъ, какъ скоро устроивались нѣсколько образованныхъ и промышленныхъ Государствъ въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ. Сіе представляютъ намъ Государства Древней Греціи, когда, по причинѣ большихъ перемѣнъ въ судьбѣ своей, приведены они были въ близкое другъ съ другомъ соприкосновеніе, и когда, вслѣдствіе распространившагося образованія, каждое изъ нихъ ознакомилось и съ собственными силами и съ силами сосѣдей, и начало постигать опасность, которая могла произойти отъ слишкомъ большаго перевѣса силы одного изъ нихъ надъ всѣми прочими. Отсюда соперничество между Спартою и Аѳинами, соперничество, въ которомъ приняла участіе цѣлая Греція. Но мелочная зависть Спарты къ заслуженной славѣ и могуществу Аѳинъ, и своекорыстное желаніе властвовать надъ всѣми, были причиною, что, ополчая Грецію на Аѳинянъ, не того хотѣла Спарта, чтобы отнять у нихъ опасный перевѣсъ, а желала погибели ненавистныхъ соперниковъ, и сама погибла вмѣстѣ съ ними, или вслѣдъ за ними. То же самое стремленіе представляется въ соперничествѣ

Государствъ, происшедшихъ изъ развалинъ Александровой Монархіи; того же хотѣлъ Гіеронъ Сиракузскій, поставленный судьбою между Карѳагеномъ и Римомъ, и въ семъ же духѣ дѣйствовали Филиппъ IV и Персей, Антіохъ и Митридатъ.

40. И въ средніе вѣки найдемъ подобное стремленіе между мелкими Государствами, и въ особенности торговыми Республиками Италіи; но при недостаткѣ обстоятельствъ, которыя бы служили къ сближенію и соединенію Государствъ въ тѣ времена (10, 12), таковое стремленіе не могло быть ни продолжительно, ни прочно: оно не было общее. Въ средніе вѣки, сверхъ этого, духовная власть Папы, соединявшая Западную Европу нѣкоторымъ образомъ въ одно цѣлое, замѣняла собою политическое равновѣсіе. Но когда вѣра во всемогущество Римскаго Первосвященника пала, когда Крестовые походы съ ихъ слѣдствіями измѣнили совершенно положеніе и отношенія Государствъ и жизнь народовъ Европейскихъ; когда разумъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ чувственностію: тогда — вслѣдствіе возвысившагося и распространившагося повсюду образованія, вслѣдствіе происшедшаго отъ того разнообразія потребностей и умноженія пунктовъ соприкосновенія между Государствами — произошла система политическаго равновѣсія, а грозный и страшный перевѣсъ Австро-Испанскаго Дома побудилъ Государства Европейскія стремиться къ сохраненію онаго и находить въ немъ возможно лучшее ручательство за свою независимость, за свое благоденствіе.

41. Чтобы на идеѣ политическаго равновѣсія могли Европейскія Государства основывать свою независимость и безопасность внѣшнюю, должно, чтобъ оно сохранялось прочно. Математическаго равновѣсія между Государствами быть не можетъ и не должно (23, 28, 38); политическое же равновѣсіе не только не исключаетъ, но еще требуетъ свободнаго развитія и усовершенствованія Государствъ, слѣдственно неизбѣжно частое его нарушеніе; слѣдственно необходимо нужны подпоры, на которыхъ бы оно могло утверждаться и поддерживаться. Какія же существуютъ для него въ Европѣ подпоры?

42. Первая и важная подпора есть утвердившееся, вслѣдствіе успѣховъ образованія, понятіе о *Народномъ правѣ* (24), которое обязываетъ каждое Государство признавать ненарушимость самостоятельности каждаго другаго. И хотя Европейскія Государства далеки еще отъ того правомѣрнаго состоянія, въ какомъ бы

по теоріи можно ихъ было представлять себѣ; хотя доселѣ Народное Право составляетъ еще слабую оборону политическаго равновѣсія Европы; но самыя нарушенія его уставовъ служатъ къ бо́льшему его укрѣпленію; самые завоеватели новѣйшихъ временъ признавали обязывающую силу сихъ уставовъ, только превратно ихъ истолковывали; и нарушая Народное Право, объявляли, что дѣйствуютъ во имя его. Такъ Наполеонъ, обламывая Европу, на Прокустовомъ ложѣ своей континентальной системы, объявлялъ, что онъ имѣетъ цѣлію защищеніе Права Народовъ Европы и освобожденіе Европейской промышлености отъ той зависимости, въ которую привела ее монополія Англіи. Самыя сіи превратныя толкованія людей, которые, казалось, по силамъ своимъ не имѣли бы нужды прикрывать свои дѣйствованія объясненіями благовидными, не доказываютъ ли, что уставы Народнаго Права не суть мечта пустая; что они суть изреченія здраваго разума, — изреченія тѣмъ болѣе внятныя, чѣмъ выше образованіе народа, чѣмъ сильнѣе вліяніе общественнаго мнѣнія! Чѣмъ святѣе будутъ соблюдаемы уставы Народнаго Права, тѣмъ прочнѣе сохранится политическое равновѣсіе; и съ другой стороны, чѣмъ болѣе утверждается понятіе о равновѣсіи политическомъ, тѣмъ менѣе средствъ одному Государству взять перевѣсъ надъ другими, тѣмъ менѣе возможности нарушать Народное Право. Слѣдствіемъ уваженія къ уставамъ Народнаго Права было сохраненіе и утвержденіе мысли о неприкосновенности и независимости Государствъ, чему много способствовало и то, что почти всѣ Государства Европейскія суть наслѣдственныя Монархіи.

43. *Второю* подпорою политическаго равновѣсія должно признать *морскія Державы*: исключительная принадлежность Европы, и притомъ только трехъ послѣднихъ вѣковъ (17). Не потому сіи Державы считать должно подпорою политическаго равновѣсія, чтобы онѣ въ дѣйствіяхъ своихъ руководимы были большею законностію и умѣренностію, чѣмъ Государства континентальныя; а потому, во-первыхъ, что морская сила гораздо удобнѣе для обороны, чѣмъ для нападенія; и во-вторыхъ, и главно потому, что могущество таковыхъ Державъ основывается на мореплаваніи и торговлѣ, а всякое преобладаніе какого-нибудь одного Государства угрожаетъ стѣснить, или даже уничтожить сіи источники ихъ могущества. Вотъ почему Голландія такъ долго и такъ усердно помогала Европѣ ограничивать самовластіе Лудовика XIV, и трое-

кратно была душею составлявшихся противу него союзовъ; вотъ почему въ новѣйшія времена Англія разсыпала милліоны по Европѣ, чтобъ низложить Наполеона, страшнаго ей своимъ геніемъ и силою, своими замыслами и своею континентальною системою!

44. *Третья* подпора состоитъ въ существованіи среди Европы страны, составляющей соединеніе второстепенныхъ и третьестепенныхъ Государствъ — *Германіи*. Ежели смотрѣть на жизнь и судьбу народовъ съ той точки, что перевороты въ оной премудро устрояются рукою невидимою и всемогущею — можно ли сказать, что случай одинъ поставилъ въ самомъ центрѣ Европы это соединеніе небольшихъ Государствъ, для всѣхъ важныхъ и ни для кого не опасныхъ? То по крайней мѣрѣ понятно, что если бы Германія съ своимъ разнообразнымъ привольемъ для жизни и промысловъ, съ своимъ народонаселеніемъ и многочисленнымъ и дѣятельнымъ, съ своимъ, наконецъ, многостороннимъ образованіемъ составляла *одно* Государство, судьба Европы не могла бы быть такова, какова она нынѣ. Отъ того-то предметомъ политики Европейской, въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ, и въ особенности со времени Вестфальскаго мира, было сохраненіе того положенія Германіи, какое дала сей странѣ Исторія, въ увѣренности, что съ сохраненіемъ сего положенія связано сохраненіе существующаго порядка вещей въ Европѣ.

45. Никто не будетъ утверждать, чтобы политическое равновѣсіе было непреложное ручательство и ограда непоколебимая внѣшней безопасности и независимости Государствъ: оно было и будетъ нарушаемо; но Исторія трехъ послѣднихъ столѣтій доказываетъ, что оно рѣдко безнаказанно было нарушаемо, и никогда не было нарушаемо на-долго; что оно всегда возстановлялось по нарушеніи и снова утверждалось. Такъ поверхность воды находится въ безпрерывномъ колебаніи и безпрерывно стремится прійти въ состояніе равновѣсія, по силѣ закона природы, которому она повинуется. Политическое равновѣсіе, какъ и всякое человѣческое учрежденіе, имѣетъ свои недостатки, и справедливы, по видимому, упреки, которые дѣлаютъ ему въ томъ, что отъ усилій достигнуть и сохранить сего (*): a) не только происходили новыя войны, но войны между двумя Государствами дѣлались общими всѣмъ; b) оно было причиною, что кровопролитнѣйшія войны окан-

(*) Луденъ.

чивались миромъ, по которому порядокъ вещей оставался точно такой же, какой былъ прежде; c) оно произвело безчисленные переговоры и обставило взаимыя отношенія между Государствами множествомъ условныхъ церемоній, по видимому маловажныхъ, но нарушеніе которыхъ нерѣдко пораждало новыя войны; d) оно побуждало къ безмѣрному увеличенію постоянныхъ войскъ, и потому e) не только дѣлало необходимымъ всегда новыя подати, но еще f) заставляло прибѣгать къ разнымъ искусственнымъ средствамъ временнаго увеличенія силы Правительства, наприм. къ умноженію бумажныхъ денегъ, что было опять причиною безмѣрныхъ долговъ, которыми обременена бо́льшая часть Европейскихъ Правительствъ, до того, что одно изъ Государствъ (Франція) явило собою двукратный примѣръ банкрутства государственнаго, и что, наконецъ, g) не смотря на все сіе, желанная цѣль никогда не была достигнута.

46. Но сіи упреки падаютъ не на самую идею политическаго равновѣсія, а на осуществленіе оной. Наибольшая часть невыгодъ системы политическаго равновѣсія проистекала оттого, что она не могла, какъ само собою разумѣется, образовываться по предначертанному и обдуманному плану, а развивалась изъ необходимости, и что развитіе ея получало нерѣдко ложное направленіе отъ вліянія личныхъ наклонностей, а нерѣдко страстей и причудъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на дѣла государственнаго управленія. Но и при всемъ томъ важность сихъ упрековъ значительно уменьшается, когда представить себѣ: a) что войны и при всякомъ другомъ порядкѣ вещей неизбѣжны (27 — 32), и что во всякомъ случаѣ войны за свою независимость, за свое національное достоинство, гораздо возвышеннѣе и благороднѣе нежели тѣ, которыя пораждаются честолюбіемъ и которыя имѣютъ цѣлію пріобрѣтеніе того или другаго участка земли и расширеніе своихъ владѣній и своего могущества. b) Весьма сомнительно, чтобы война произвела лучшія послѣдствія, еслибъ она каждый разъ оканчивалась совершеннымъ разрушеніемъ одного или нѣсколькихъ Государствъ. Не видимъ ли мы множества примѣровъ, что на развалинахъ ниспровергнутыхъ устарѣлыхъ Государствъ завоеватели сооружали новыя, ни чѣмъ не лучшія прежнихъ? И если война есть средство искушенія народовъ, служащее къ тому, чтобы въ дремотѣ покоя не ослабѣли силы ихъ, то цѣль ея достигнута, когда, послѣ мира, Государства останутся въ томъ же относительномъ положеніи, въ

какомъ были до начала войны. Они не останутся, собственно говоря, въ прежнемъ положеніи. То изъ нихъ, которое было виновникомъ войны, отраженное могущественно союзомъ прочихъ и доведенное до опасеній за собственное свое существованіе, получитъ чрезъ то спасительный урокъ умѣренности и будетъ находить свою славу и свое благоденствіе въ томъ, въ чемъ они дѣйствительно состоятъ: въ развитіи и усовершенствованіи своихъ собственныхъ внутреннихъ силъ, промышлености и образованія. Другія, которыя были предметомъ нападеній, увидятъ въ опасностяхъ войны, какими ошибками они навлекли на себя сіи опасности; и если способны еще научаться изъ опытовъ, возродятся неминуемо для новой, лучшей жизни, для новаго, болѣе совершеннаго государственнаго устройства; если же до того утратили свои національныя доблести, что опасности не улучшаютъ ихъ — въ такомъ случаѣ онѣ не достойны самобытнаго существованія; и заслуженная гибель ихъ не должна возбуждать сожалѣнія. c) Нѣтъ сомнѣнія, что переговоры служили много къ усиленію образованія, къ поясненію и утвержденію мыслей о народѣ, объ отечествѣ, о правѣ и законѣ. Въ церемоніяхъ же, которыми окружены бываютъ сіи переговоры, должно видѣть только выраженіе равной независимости каждаго Государства и его національной чести. А что церемоніи имѣютъ важность только тогда, когда ни одна изъ враждующихъ сторонъ не желаетъ искренно возстановленія и сохраненія мира, и что, въ противномъ случаѣ, онѣ не помѣшаютъ и откровенности и благородству переговоровъ, это доказываютъ Вилліамъ Темпль и Іоаннъ Девиттъ, Вилларъ и Принцъ Евгеній въ переговорахъ между собою, и Императоръ Александръ въ переговорахъ съ цѣлою Европою. d. e. f) Что касается до содержанія огромныхъ вооруженныхъ силъ и до издержекъ, съ симъ сопряженныхъ, то изъ вышесказаннаго явствуетъ, что и при другомъ порядкѣ вещей онѣ не будутъ менѣе (30); напротивъ, утвердительно можно сказать, что и огромныя дисциплинированныя арміи и менѣе стоятъ, и менѣе тягостны для народовъ, нежели феодальныя ополченія Среднихъ вѣковъ, или тѣ вооруженныя толпы, которыя водили за собою Мансфельдъ, Тилли и Валленштейнъ въ тридцатилѣтнюю войну, и для которыхъ война составляла промыселъ, а военная добыча была наградою. Притомъ, Филиппъ II погубилъ Испанію, Лудовикъ XIV разстроилъ Францію, и оба ввели свои Государства въ неоплатные долги, конечно, вовсе не потому,

чтобы они ратовали за сохраненіе равновѣсія Европейскаго и издерживались на войны, порожденныя онымъ. Наконецъ g), если идея политическаго равновѣсія никогда вполнѣ осуществлена не была и можетъ быть и не будетъ, слѣдуетъ ли изъ того, что она есть мечта несбыточная? Совершенство есть цѣль, къ которой стремятся лучшіе изъ людей; оно служитъ для нихъ путеводительной звѣздою на цѣлую жизнь; и должны ли люди отказаться отъ сего стремленія, потому-что этой цѣли никто вполнѣ не достигаетъ? Не имѣетъ ли уже высокаго достоинства одно сіе самое стремленіе — свойство благородныхъ душъ? Согласимся ли, посему, съ однимъ изъ нашихъ достойнѣйшихъ историческихъ писателей (*), который желаетъ доказать, что политическаго равновѣсія никогда не существовало и существовать не можетъ; и что оно, слѣдовательно, не можетъ служить основаніемъ Европейской государственной системы. Оно не существовало вещественно; оно, конечно, есть идеи: но идеи управляютъ міромъ, и стремленіе къ осуществленію сей идеи есть основаніе многосторонняго развитія силъ Европейскихъ Государствъ.

47. Съ утвержденіемъ мысли о политическомъ равновѣсіи неразлучно утвержденіе мысли о неприкосновенности каждаго Государства. Отъ сего проистекло доброе слѣдствіе, что независимость и права малыхъ и слабыхъ Государствъ признаются столь же священными и неприкосновенными, какъ независимость и права самыхъ большихъ и сильныхъ: такъ въ благоустроенномъ обществѣ равномѣрно охраняются личность и собственность всякаго, начиная отъ перваго вельможи до простолюдина, незнатнаго и бѣднаго. Всякому покушенію сильнаго Государства на независимость слабаго противопоставляется рѣшительнѣйшее сопротивленіе со стороны другихъ Государствъ, дабы удача таковыхъ покушеній не была приманкою для честолюбія, и сіе самое придало великую политическую важность небольшимъ владѣніямъ въ Европейской государственной системѣ, которой они сдѣлались необходимыми членами, и поселило въ нихъ самихъ увѣренность, что самобытность ихъ охраняется собственными выгодами большихъ Государствъ, ихъ неослабнымъ вниманіемъ къ дѣйствіямъ другъ друга, и ихъ общимъ стремленіемъ не дать ни которому усилиться на

(*) Погодинъ.

счетъ другихъ. При сей увѣренности въ защитѣ своего существованія, малыя Государства, чувствуя, что имъ и безполезно и невозможно было бы предаваться заботамъ внѣшней политики, предоставляютъ сіе Государствамъ большимъ и сильнымъ, а сами тѣмъ съ большею нераздѣльностію дѣйствуютъ для усиленія своего внутренняго благосостоянія, и нерѣдко таковое малое Государство больше совершаетъ для успѣховъ народнаго образованія, нежели иная держава, огромная и сильная. Такъ Веймаръ, столица небольшаго Герцогства, сдѣлавшись мѣстопребываніемъ Шиллера, Гердера, Гёте, здѣсь отличенныхъ и уваженныхъ, получившихъ здѣсь и изобильное обезпеченіе скромныхъ потребностей жизни, и привольный досугъ, столь необходимый для произведенія свободныхъ созданій творческаго духа, едва ли не болѣе имѣетъ участія въ образованіи человѣчества, нежели столицы многихъ большихъ Европейскихъ Монархій. Другое доброе послѣдствіе утвердившейся мысли о политическомъ равновѣсіи было то, что Государства усугубили свое вниманіе другъ къ другу; тщательно стали изучать силы и способы своихъ сосѣдей, и увеличивать собственныя свои силы и способы, чтобы не отстать отъ нихъ ни въ чемъ. Соперничество, изъ сего происходящее, можетъ, конечно, быть источникомъ вражды и войны; но оно же, съ другой стороны, ведетъ къ образованію и возвышенію чувства народности, къ уваженію высокому своего національнаго достоинства, безъ котораго народъ не заслуживаетъ быть народомъ самобытнымъ. Чѣмъ больше имѣетъ народъ опасеній утратить свою самобытность, тѣмъ болѣе чувствуетъ высокую ея цѣну, тѣмъ болѣе имѣетъ привязанности къ своему родному, и утверждается въ мысли, что не тамъ отечество, гдѣ хорошо, а тамъ хорошо, гдѣ отечество. Чему обязаны Аѳины въ отношеніи къ Спартѣ и цѣлой Греціи, Карѳагенъ въ отношеніи къ Риму, Англія и Франція въ отношеніи другъ къ другу, тою великою славою, которая составляетъ удѣлъ ихъ въ Исторіи, какъ не этому соперничеству, которое стремило ихъ наперерывъ другъ передъ другомъ развивать свои силы? Не должно ли согласиться, что и Россія не шагнула бы столь исполински къ свѣту и образованію, если бы при самомъ началѣ своего къ тому стремленія не должна была выдержать борьбу упорную и опасную съ Карломъ XII; борьбу, которая, требуя необыкновенныхъ усилій, столь могущественно и столь быстро дѣйствовала на развитіе ея силъ и способовъ. Этими взаимными усиліями Государства дости-

гаютъ возможно-высшей степени благоденствія, и человѣчество предохраняется отъ того односторонняго образованія, которое неминуемо было бы его удѣломъ при утвержденіи преобладанія одного какого-нибудь народа, коему всѣ другіе должны были бы жертвовать своею національностію.

ГЛАВА V.

Сохраненіе политическаго равновѣсія — цѣль усилій Европейскихъ Государствъ въ три послѣдніе вѣка; основанное на семъ понятіи опредѣленіе главнаго источника перемѣнъ, совершившихся въ Европѣ въ это время, учебнаго объема Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ, и ея раздѣленія.

---

47. *Сохраненіе политическаго равновѣсія*, какъ возможно-лучшаго ручательства за безопасность Государствъ другъ отъ друга при ихъ тѣсномъ соединеніи и безпрерывномъ другъ на друга дѣйствованіи, составляло цѣль усилій Европейскихъ Государствъ въ три послѣдніе вѣка. Посему и содержаніе этой части Исторіи состоитъ главно въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ политическое равновѣсіе было нарушаемо стремленіемъ то одной державы, то другой, къ преобладанію, и опять возстановляемо совокупнымъ противодѣйствіемъ прочихъ державъ. На семъ основаніи можно опредѣлить главный источникъ, изъ котораго проистекали всѣ важнѣйшія перемѣны въ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ Государствъ въ три послѣдніе вѣка; можно сказать, что важнѣйшія происшествія сей части Исторіи были слѣдствія *одной* общей причины. Эта главная и общая причина происшествій въ три послѣдніе вѣка и была именно: *стремленіе то одного Государства, то другаго къ преобладанію* (нарушеніе политическаго равновѣсія) *и противодѣйствіе сему стремленію со стороны другихъ державъ* (возстановленіе политическаго равновѣсія).

48. Но возводя такимъ образомъ всѣ великіе перевороты въ

судьбѣ Европейскихъ Государствъ, а черезъ нихъ и въ другихъ частяхъ Историческаго міра, къ одному общему источнику; выставляя ихъ какъ проявленіе одной и той же причины, можно было бы подумать, что Новая Исторія составляетъ единообразно утомительное повтореніе одинаковыхъ сценъ. Но живыя страсти, источники и неразлучные сопутники всѣхъ нашихъ дѣяній, и добрыхъ и худыхъ, до безконечности разнообразятъ сіи сцены. Какое великое различіе въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ, и въ театрѣ и способахъ дѣйствій! Нѣтъ, не мертвое единообразіе, но живую картину судьбы народовъ, какъ Исторія вообще, представляетъ и Исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ! Характеристическая разница въ семъ отношеніи между ею и прочими частями Исторіи въ томъ главно состоитъ, что *націи* менѣе являются на театрѣ историческихъ событій, менѣе дѣйствуютъ въ нихъ, а болѣе рѣшаются таковыя событія дѣйствіями Государей и ихъ Министровъ, или такъ называемою *политикою Кабинетовъ*, что опять есть весьма натуральное послѣдствіе господствующаго въ Европѣ монархическаго наслѣдственнаго образа Правленія.

49. На семъ же самомъ основаніи должны быть опредѣлены и точные предѣлы Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ, необходимые въ учебномъ отношеніи. Допуская вышесказанный (47) общій источникъ всѣхъ главныхъ перемѣнъ, въ сіе время происходившихъ, принять должно, что настоящею точкою отшествія, первымъ звеномъ въ цѣпи происшествій Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ будетъ то событіе, въ которомъ *впервые* явственно усматривается и *стремленіе какого-нибудь Государства къ преобладанію, и противодѣйствіе ему другихъ Государствъ*; то время, въ которое идея о сохраненіи политическаго равновѣсія въ первый разъ явственно составила для Государствъ правило Практической Политики. Въ первый разъ движенія постороннихъ Государствъ къ постановленію преграды усиленію и стремленію одного изъ нихъ пріобрѣсть себѣ перевѣсъ надъ прочими, явственно усматриваются въ союзахъ, составленныхъ противу Франціи при нападеніи Карла VIII на Италію, въ 1494 году. Но сіе событіе находится по срединѣ и въ близости съ двумя великими открытіями: Америки, въ 1492, и морскаго пути въ Остъ-Индію, въ 1498 годахъ. Сколь могущественно и многообразно было вліяніе сихъ двухъ открытій, и особенно перваго изъ нихъ, на судьбу Государствъ и народовъ, на это намѣкнули мы выше (17); слѣдствен-

но по современности съ тѣмъ происшествіемъ, въ которомъ открывается, такъ сказать, зарожденіе политическаго разновѣсія, происшествія столь великаго своими послѣдствіями, каково открытіе Америки, и можно принять сіе послѣднее за учебное начало Новой Исторіи. Отъ сего пункта (г. 1492) продолжается Новая Исторія до нашихъ временъ. Будущее, обнаруживъ послѣдствія переворотовъ новѣйшихъ, укажетъ вмѣстѣ и эпоху, которою всего приличнѣе заключить сіе отдѣленіе Всеобщей Исторіи. Нынѣ должно принять за таковую эпоху событіе, когда, въ *послѣдній разъ*, относительно къ намъ, совокупнымъ противодѣйствіемъ Европейскихъ державъ (г. 1814 и 1815) уничтожено преобладаніе одной изъ нихъ (Франціи), и нарушенное ею политическое равновѣсіе опять возстановлено; когда, вслѣдствіе сего, на конгрессѣ въ Аахенѣ (г. 1818) устроено нынѣшнее современное положеніе Государствъ Европейскихъ, и опредѣлены тѣ взаимныя отношенія ихъ, которыя, въ главныхъ основаніяхъ, существуютъ и доселѣ. Слѣдственно Исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ заключаетъ въ себѣ время отъ 1494 до 1818 года.

50. Заключая въ себѣ съ небольшимъ три вѣка, и далеко, слѣдственно, уступая въ объемѣ своемъ и Древней и такъ называемой Средней Исторіи, Исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ далеко опять превосходитъ и ту и другую въ многосложности, богатствѣ и разнообразіи событій, составляющихъ ея содержаніе. Міръ историческій съ XVI вѣка объемлетъ почти всю землю (2); хотя на этомъ всемірномъ театрѣ главные дѣйствователи одни — Европейцы, но эти дѣйствователи находятся и въ многообразныхъ, безпрерывныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, и въ столь же многообразныхъ отношеніяхъ къ народамъ другихъ частей Свѣта; потому дѣйствія ихъ многосложнѣе и историческихъ памятниковъ объ этихъ дѣйствіяхъ великое множество. Если въ другихъ частяхъ Исторіи скудость извѣстій и памятниковъ затрудняютъ Историка въ указаніи и объясненіи причинъ иныхъ важныхъ явленій въ жизни и судьбѣ народовъ, то здѣсь еще большее затрудненіе представляетъ ему великое изобиліе и разнообразіе извѣстій.

51. Изъ сего слѣдуетъ необходимость раздѣлить и Исторію трехъ послѣднихъ вѣковъ на періоды. Въ основаніе сего раздѣленія должно принять то, что составляетъ главный источникъ событій и перемѣнъ, происходившихъ въ Историческомъ мірѣ въ три послѣдніе вѣка. Посему періоды сей части Исторіи обозначатся

сами собою черезъ поочередное, такъ сказать, стремленіе то одного, то другаго Государства къ преобладанію, или, другими словами: Исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ раздѣлится на *столько* періодовъ, *сколько* разъ обнаружено было стремленіе къ преобладанію, или утверждалось дѣйствительно преобладаніе какой-нибудь Державы въ извѣстное время, и каждый періодъ можетъ быть названъ именемъ той Державы, которая дѣйствительно первенствовала, или стремилась къ утвержденію своего первенства надъ прочими въ это время.

52. Окинемъ бѣглымъ взглядомъ событія и перемѣны въ этихъ періодахъ Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ. Обозрѣніе сихъ переворотовъ, возведенныхъ къ одной общей имъ причинѣ, и разсмотрѣнныхъ съ сей точки зрѣнія (*), представитъ зарожденіе и развитіе и разныя измѣненія въ политической системѣ, которой Государства Европейскія послѣдовали отъ исхода XV вѣка, чтобы пріобрѣсти или сохранить независимое существованіе, противополагая силу силѣ и могуществу могущество. Таковое обозрѣніе и составитъ *изображеніе содержанія Исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій.*

(*) Ансильонъ.

ПЕРІОДЪ I.

Стремленіе Франціи къ преобладанію отъ 1494 — 1515 года.

---

53. Какъ выше (49) сказано, нападеніе Французовъ на Италію было первымъ событіемъ, въ которомъ явственно выражается идея сохраненія политическаго равновѣсія, въ противоборствіи югозападныхъ Державъ предпріятіямъ Франціи. Итакъ, Франція первая между Государствами Европы, обнаруживъ замыслы на приведеніе въ зависимость отъ себя постороннихъ земель, возбудила совокупное ихъ противодѣйствіе сему стремленію. Сіе Государство дѣйствительно ранѣе прочихъ вышло изъ феодальнаго неустройства, и укрѣпилось и возросло въ могуществѣ подъ рукою хитраго и жестокаго, но умнаго и сильнаго характеромъ Лудовика XI (1461 — 1483). Карлъ VIII, сынъ и преемникъ его, по супружеству съ Анною Бретанскою, единственною наслѣдницею сей страны, присоединилъ и эту область, составлявшую послѣдній памятникъ Феодальной раздѣльности, къ коронѣ. Слѣдственно въ то время, когда въ прочихъ Государствахъ западной Европы Монархи были еще въ борьбѣ съ могущественными и упорными Вассаллами, и нерѣдко еще изнемогали въ сей борьбѣ, во Франціи единодержавіе утвердилось вполнѣ и силы государственныя, дотолѣ раздробленныя и расторженныя, сосредоточились въ рукахъ Монарха. Карлъ

VIII, оставленный преступнымъ небреженіемъ родителя въ постыдномъ невѣжествѣ, получилъ престолъ въ ранней юности, и со всею силою пылкой души своей и со всѣмъ жаднымъ любопытствомъ молодости предался ученію, желая тѣмъ вознаградить упущенное, не по его винѣ, время. Чтеніе повѣствованій о подвигахъ Александра Македонскаго, Юлія Цесаря и Карла Великаго овладѣло воображеніемъ юнаго Короля и наполнило его жаждою славы военной; а избытокъ внутренней жизни во Франціи, полное спокойствіе и безопасность, въ какой тогда находилось Государство, цвѣтущая промышленость и изобильные доходы правительства, давали ему и способы удовлетворить своей пламенной страсти. Взоры его обратились на Италію.

54. Дѣйствительно страна сія, цвѣтущая и прелестная своею природою, гдѣ

Нѣгой дышитъ лѣсъ,
Златой лимонъ горитъ во мглѣ древесъ,
И вѣтерокъ жаръ неба холодитъ,
И тихо миртъ, и гордо лавръ стоитъ,

изобильная успѣхами промышлености и многообразной дѣятельности человѣческой, блистающая высокимъ своимъ образованіемъ, которое, какъ плодъ ранняго изобилія и приволья для жизни, ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ новой Европы, здѣсь водворилось; страна, наконецъ, къ которой привязаны были столь великія историческія воспоминанія, и съ другой стороны земля, раздробленная издавна на множество мелкихъ владѣній и, слѣдственно, слабая въ политическомъ отношеніи, могла представлять пылкому и опрометчивому Карлу VIII добычу и приманчивую и легкую. Онъ предпринялъ завоевать Неаполь, основывая притязанія свои на сію землю на томъ, что отрасль Французскаго Королевскаго Дома, происходившая отъ Карла Анжу, младшаго сына Лудовика IX, царствовала въ сей землѣ (г. 1265 — 1435) прежде младшей Арагонской линіи, властвовавшей тогда въ Неаполѣ, и что престолъ Неаполитанскій, по мнѣнію Карла VIII, былъ его достояніемъ, какъ наслѣдіе предковъ.

55. Ибо когда Карлъ II, второй Неаполитанскій Король изъ Анжуйскаго Дома, отдѣлилъ Графство Анжу своей дочери Маргаритѣ, тогда это владѣніе перешло въ домъ Валуа, по супружеству Маргариты съ Карломъ Валуа, сыномъ Короля Французскаго Филиппа III и братомъ Филиппа IV, Красиваго. Сынъ Карла Валуа, Филиппъ, долженствовавшій наслѣдовать отцу своему въ Графствѣ Анжу, получилъ (г. 1328) престолъ Франціи по прекращеніи старшей Капетинской линіи, и тогда онъ, Король Филиппъ VI, назначилъ Графомъ Анжу своего сына Іоанна. Когда же Іоаннъ, по смерти отца (г. 1350), вступилъ на престолъ Франціи, то и онъ отдѣлилъ Графство Анжу второму своему сыну Лудовику, возведя это Графство въ достоинство Герцогства. Лудовикъ I Герцогъ Анжуйскій и былъ родоначальникъ новой линіи Анжуйскаго Дома, родственной со старою и по общему ихъ обѣихъ происхожденію отъ Короля Лудовика VIII (г. 1223 — 1226), и по супружеству Маргариты Неаполитанской съ Карломъ Валуа, прадѣдомъ Герцога Лудовика I. Сему-то Лудовику завѣщала (г. 1380) престолъ Неаполитанскій еще Королева Іоанна I, не желая, чтобы троюродный братъ ея, Карлъ Дураццо, получилъ послѣ нея Неаполитанскую корону. Съ тѣхъ поръ Лудовикъ I, его сынъ и внукъ, ему соименные, и носили титло Королей Неаполитанскихъ, не будучи въ силахъ воспрепятствовать Карлу Дураццо низложить съ престола Іоанну и воцариться въ Неаполѣ, но оспоривая однако же царство вооруженною рукою и у него и у его сына Ланцелота (Владислава). Когда, послѣ бездѣтной смерти сего послѣдняго (г. 1414), вступила на престолъ сестра его Іоанна II, то и она, будучи послѣднею отраслію Анжуйско-Неаполитанскаго Дома, назначила (г. 1421) своимъ преемникомъ въ Неаполѣ Лудовика III Анжу, внука Герцогу Лудовику I. Лудовикъ III, подобно дѣду и отцу своему, носилъ только титулъ Короля Неаполитанскаго, никогда не царствовавъ въ Неаполѣ, которымъ по смерти Іоанны II (г. 1435) овладѣлъ Алфонсъ V (въ Неаполѣ I) Король Арагона и Сициліи. Титло Короля Неаполитанскаго и Герцога Анжу, послѣ бездѣтной смерти (г. 1434) Лудовика III, принялъ братъ его, Рене, который былъ Герцогомъ Лотарингскимъ. Рене, титулярный Король Неаполя, пережилъ своего сына (Іоанна † 1470) и внука (Николая † 147☋ и Король Лудовикъ XI, истребившій и силою хитростію феоды, воспользовался этимъ пресѣченіемъ мужеской

линіи Герцоговъ Анжу (*), и объявилъ это важное владѣніе навсегда присоединеннымъ къ коронѣ. Съ тѣхъ поръ сыновья Королей Французскихъ носили титло Герцоговъ Анжу, не будучи уже владѣтельными ; самъ Карлъ VIII прежде воцаренія своего носилъ это титло, съ которымъ, по его мыслямъ, сопрягались и всѣ права, какія прежде имѣли владѣтельные Герцоги Анжу,—и вотъ основаніе его притязаній на Неаполитанскую корону.

56. Но тогда владѣла уже Неаполитанскимъ престоломъ линія Арагонская. Арагонскій Домъ велъ свои права на престолъ Королевства Обѣихъ Сицилій отъ супружества Педро III (съ 1276 — 1285), сына Короля Іакова I, съ Констанціею, дочерью Манфреда, послѣдняго Короля Обѣихъ Сицилій изъ Дома Гогенштауфеновъ. Донъ Педро III овладѣлъ Сициліею, возненавидѣвшею владычество Французовъ, и отпавшею отъ Карла I Анжу (Сицилійская вечерня, г. 1282), и съ тѣхъ поръ престолы Неаполя и Сициліи раздѣлились, и съ тѣхъ же самыхъ поръ идетъ соперничество и вражда между Арагонскимъ Домомъ, владѣвшимъ Сициліею, и Анжуйскимъ, царствовавшимъ въ Неаполѣ, не смотря на неоднократныя супружескія связи между этими Домами. Отъ Іакова II, сына Донъ Педро III, пошелъ родъ Арагоно-Сицилійскихъ Королей до пресѣченія его въ мужескомъ колѣнѣ смертію (г. 1410) Мартина, правнука Іакову II. По супружеству своему съ Елеонорою, сестрою Короля Мартина и единственною наслѣдницею престоловъ Арагона и Сициліи, получилъ сіи владѣнія Фердинандъ, меньшой сынъ Короля Іоанна Кастильскаго, тогда-какъ старшій братъ Фердинанда, Генрихъ (III), наслѣдовалъ послѣ отца Кастильскую корону. Алфонсъ V (въ Неаполѣ I), сынъ Короля Фердинанда, вопреки завѣщанію Королевы Іоанны II, овладѣлъ по ея смерти (съ 1435) Неаполемъ,

---

(*) Герцогство Лотарингія, которое получилъ Рене по супружеству своему съ Изабеллою, единственною отраслію старшей линіи Герцоговъ Лотарингскихъ, поступило, какъ наслѣдіе его дочери, Іоланты, въ младшую линію того же Дома, по супружеству Іоланты съ Герцогомъ Фридрихомъ. Іоланта пережила своего супруга и еще, при жизни своей (съ 1473) передала Герцогство сыну своему Рене († г. 1508). Отъ Антонія, старшаго сына Рене II, продолжалась линія Герцоговъ Лотарингскихъ, а отъ Клавдія, младшаго его сына, пошла фамилія Гюизовъ, столь достопамятныхъ для Франціи во второй половинѣ XVI вѣка.

и отстаивалъ Королевство Обѣихъ Сицилій отъ всѣхъ притязаній втораго Анжуйскаго Дома. Король Алфонсъ не имѣлъ законныхъ дѣтей, и послѣ его смерти (г. 1458) престолы Арагона и Сициліи достались меньшому брату его Іоанну († 1479), а отъ него достопамятному сыну его Фердинанду-Католику; однако же Алфонсъ успѣлъ утвердить престолъ Неаполя за своимъ побочнымъ сыномъ, Фердинандомъ I, по смерти котораго (г. 1494) вступилъ на престолъ Неаполя сынъ его (Фердинанда), Алфонсъ. Противу него-то и поднялъ оружіе Карлъ VIII. Между-тѣмъ уже въ это время Фердинандъ-Католикъ дѣлался Королемъ всей Испаніи. Линія Кастильскихъ Королей пресѣклась смертію (г. 1474) Генриха IV, внука Генриху III. Генрихъ IV еще съ г. 1469 лишенъ былъ престола, и сестра его, и единственная наслѣдница Кастильскаго рода, объявлена была Королевою. Съ нею-то вступилъ въ супружество (г. 1470) Фердинандъ-Католикъ. Устроивая дѣла свои въ Испаніи, онъ зорко слѣдилъ дѣйствія Карла VIII; явился изъ первыхъ между его противниками, какъ для противодѣйствія могуществу Франціи, такъ и для вмѣшательства въ дѣла Неаполя, который онъ уже обрекалъ себѣ въ добычу.

57. Предпріятіе Карла VIII было быстро и начато и выполнено. Въ нѣсколько мѣсяцевъ (г. 1494—1495) Карлъ видѣлъ себя въ обладаніи Неаполемъ, и уже, въ упоеніи успѣха своего, основывалъ на семъ исполинскіе планы для дальнѣйшихъ подвиговъ. Но въ то же самое время составился противу него союзъ, котораго цѣлію было изгнать Французовъ изъ Италіи, не дать Франціи усилиться симъ завоеваніемъ и пріобрѣсти себѣ перевѣсъ, опасный для Державъ сосѣдственныхъ. Венеція, какъ Государство морское и, слѣдственно, больше другихъ могшее терять отъ пріобрѣтенія Франціею сего перевѣса, и была душею союза, въ которому пристали Папа Александръ VI, Фердинандъ-Католикъ, Король Испанскій, и Максиміліанъ I, Императоръ Германскій; и Карлъ VIII еще скорѣе потерялъ Неаполь, чѣмъ пріобрѣлъ его. Желаніе отмстить своимъ противникамъ не совершилось, по причинѣ скорой его кончины (г. 1498).

58. Лудовикъ XII, его преемникъ, желалъ быть рыцаремъ Французской чести. Не оставляя притязаній прежнихъ на Неаполь, Лудовикъ присоединилъ къ нимъ еще новыя на Медіоланъ, на томъ основаніи, что бабка его, Валентина Висконти, была послѣдняя отрасль Дома Висконтіевъ, владѣвшаго Медіоланомъ еще съ

XI вѣка, въ 1395 возведеннаго въ достоинство Герцоговъ, и прекратившагося смертію Герцога Филиппа, брата Валентины, въ 1417 г.; и что тогдашній обладатель Медіолана, Лудовикъ Моро, изъ дома Сфорца, былъ преступный похититель престола. Опытъ Карла VIII доказывалъ, что Лудовикъ не могъ обѣщать себѣ успѣха въ предпринимаемомъ имъ походѣ безъ согласія сосѣдственныхъ державъ, и потому онъ склонилъ на свою сторону и Венецію, первую виновницу утраты завоеваній Карла VIII, и Папу, и Медіоланъ былъ завоеванъ (г. 1499).

59. Намѣреваясь понести свои побѣдныя знамена въ предѣлы Неаполя, Лудовикъ чувствовалъ, что для сего нужно и содѣйствіе Фердинанда-Католика. Хитрый и вѣроломный Король Испаніи, считавшій политику искусствомъ обманывать, и нестыдившійся хвалиться симъ искусствомъ, обманулъ и въ семъ случаѣ своего родственника, бывшаго Короля Неаполитанскаго, Фридриха, и союзника своего, Лудовика XII. Фердинандъ съ радостію принялъ предложеніе Французскаго Короля: завоевать вмѣстѣ Неаполь и раздѣлить между собою завоеваніе, такъ, чтобъ Лудовикъ получилъ СЗ. часть и столицу съ титломъ Королевства, а Фердинандъ ЮВ. подъ именемъ Герцогства; на семъ основаніи и заключенъ договоръ между обоими Королями (Нояб. 1500). Фридрихъ II, тогдашній Король Неаполя, преемникъ умершаго (г. 1496) бездѣтнымъ племянника своего Фердинанда II, свѣдавъ о намѣреніяхъ Лудовика XII, прибѣгнулъ къ помощи и защитѣ родственника своего Фердинанда-Католика, которой ему (столь далеко простиралось вѣроломство Короля Испаніи!) и обѣщалъ ее, и послалъ своего знаменитаго воеводу (Gran Capitano), Гонзальва Кордуанскаго, съ войскомъ, занять крѣпости въ Калабріи. Но когда Лудовикъ вступилъ съ войскомъ своимъ въ Неаполь, Фердинандъ объявилъ себя непріятелемъ Фридриха, а занятыя Испанскими гарнизонами крѣпости — своимъ законнымъ пріобрѣтеніемъ; однакоже не помогалъ Лудовику въ завоеваніи Неаполя. Фридрихъ, столь вѣроломно обманутый, бѣжалъ съ своимъ семействомъ на островъ Ишію, и рѣшился отдаться на великодушіе другаго своего прямодушнаго непріятеля. Лудовикъ XII назначилъ развѣнчанному Королю Неаполя Герцогство Анжу въ пожизненное владѣніе, и Фридрихъ II умеръ (г. 1505) во Франціи частнымъ человѣкомъ. Неаполь былъ въ рукахъ Лудовика XII. Тогда оказалось, что не безъ намѣренія со стороны Фердинанда-Католика оставлены условія раздѣла не точно

опредѣленными; возникъ споръ между союзниками; Гонзальвъ, по повелѣнію своего Короля, обратилъ оружіе противу Французовъ; въ двухъ сраженіяхъ въ Апуліи они были разбиты и вовсе вытѣснены изъ Неаполя (Дек. 1503), которымъ овладѣваетъ Фердинандъ-Католикъ и утверждаетъ за собою это пріобрѣтеніе трактатомъ съ Лудовикомъ XII (г. 1505) Такимъ образомъ въ Италіи утвердили свое владычество два Государства: Испанія въ Неаполѣ, и Франція въ Медіоланѣ.

60. Между-тѣмъ новый Папа Юлій II (съ 1503), охотно мѣнявшій на мечъ воина мечъ Св. Петра, и на шлемъ Папскую тіару, злобствуя на Венеціянъ за присвоеніе ими нѣкоторыхъ округовъ, принадлежавшихъ прежде къ Церковной Области, убѣдилъ къ союзу противу гордой и могущественной Республики и Лудовика XII, и Фердинанда-Католика, и Императора Максимиліана. Союзъ Камбрэйскій (г. 1508) имѣлъ цѣлію не менѣе, какъ отнять у Венеціянъ всѣ владѣнія ихъ на твердой землѣ, раздѣлить сіи владѣнія между собою, а республику ограничить одними лагунами Венеціи и тѣмъ лишить ее первенства, которое, по своему богатству, торговлѣ и своей морской силѣ, имѣла Венеція въ то время въ Италіи и въ цѣлой Европѣ, возбуждая къ себѣ зависть Державъ могущественнѣйшихъ. Короли Венгерскій и Англійскій, Герцоги Савойскій, Феррарскій и Мантуанскій приглашаемы были ко вступленію въ союзъ; и дѣйствительно, кромѣ Англійскаго, всѣ вступили, такъ-что это былъ обширнѣйшій союзъ въ Новой Европѣ, состоявшій изъ Государствъ, совершенно различествовавшихъ по своимъ видамъ.

61. Исполненіе плановъ союза начато Лудовикомъ XII подъ предзнаменованіями, страшными для Венеціи: сильное Венеціянское войско разбито Французами при Агнадело; Папа налагаетъ проклятіе на Венецію, и республикѣ грозитъ, казалось, неминуемое разрушеніе. Но опытное въ дѣлахъ политики правительство Венеціянское умѣло вскорѣ расторгнуть союзъ: республика примирилась съ Папою и получила разрѣшеніе отъ проклятія (г. 1510); Камбрэйскій союзъ уничтожился, и республика, съ помощію Папы, образовала изъ расторженнаго новый — противу Франціи (г. 1511); Папа, Венеція, Фердинандъ-Католикъ и Швейцарія составляли сей союзъ; къ нему приглашены были Императоръ Максиміліанъ и Генрихъ VIII, Король Англіи; цѣлъ союза была вытѣснить совершенно Французовъ изъ Аппенинскаго полуострова, и не смотря

на побѣды, которыми ознаменованы были первыя дѣйствія Лудовика XII противу сего, такъ называемаго *Святаго Союза*, Французы съ великими тратами должны были оставить свои завоеванія въ Италіи; Медіоланъ, возстановленный по прежнему въ качествѣ Герцогства подъ управленіемъ фамиліи Сфорцовъ, возвратился подъ зависимость Императора Максимиліана, яко ленъ Германскаго Императора, и Лудовику XII, изъ всѣхъ завоеваній въ Италіи, остались одни только притязанія, а вскорѣ постигшая его кончина (г. 1515) помѣшала ему возобновить сіи притязанія.

62. Такимъ образомъ двукратныя усилія Франціи, дорого ей стоившія, уничтожены были противодѣйствіями Державъ посторонних. Потерпѣвъ чувствительные удары, Франція по необходимости должна была войти въ предѣлы умѣренности; имѣла нужду въ отдыхѣ, чтобы собрать свои силы для новыхъ подвиговъ. Между-тѣмъ ея воинственныя усилія возбудили заботливыя опасенія въ сосѣдственныхъ Державахъ, и положили основаніе этимъ соединеніямъ, которыя отселѣ всякой разъ происходить будутъ, коль скоро одно какое-либо Государство обнаружитъ стремленіе къ усиленію себя на счетъ другихъ. Сравнивая, что̀ сказано было выше (10) о равнодушіи сосѣдственныхъ Державъ при покушеніяхъ Германскихъ Императоровъ на овладѣніе Италіею, съ тѣмъ, что̀ происходило нынѣ при подобныхъ же покушеніяхъ Французскихъ Королей, нельзя не замѣтить различія временъ прежнихъ отъ тогдашняго; нельзя не видѣть, что отселѣ начинается новый порядокъ вещей въ Европѣ. Впрочемъ (*), при всей своей дѣятельности, политика сего времени является еще во младенчествѣ. Вѣроломное коварство Фердинанда, разсѣянная и суетливая дѣятельность Максимиліана, слѣпая жажда пріобрѣтеній Лудовика, были причиною, что нити ея смутно перепутывались одна съ другою. Не великія цѣли, не великіе характеры, не прочное благо народовъ, а только благо минутное властителей приводило ее въ движеніе. Отъ того-то не было и крѣпкихъ союзовъ, а вѣчное измѣненіе! И какъ бы могли произойти таковые тамъ, гдѣ не скрывали, что имѣли цѣлію только обманывать другъ друга? — Съ намѣреніемъ дано здѣсь, въ общемъ взглядѣ на содержаніе Новой Исторіи, изображенію войнъ и споровъ за Италію, равно какъ и объ-

(*) Геереиъ.

ясненію родственныхъ отношеній между владѣтельными Домами пространство, повидимому, несоразмѣрное ихъ важности: въ нихъ колыбель Европейской политики; въ нихъ первое проявленіе идеи о политическомъ равновѣсіи; въ нихъ первое доказательство, сколь важное мѣсто родственныя связи царственныхъ Домовъ между собою занимаютъ въ событіяхъ Европы, состоящей съ XVI вѣка почти исключительно изъ наслѣдственныхъ Монархій, и — вот относительная важность этихъ споровъ! Поспѣшимъ ко временамъ послѣдующимъ.

ПЕРІОДЪ II.

Преобладаніе Австро-Испаніи, или время Карла V отъ 1516 — 1556.

---

63. Францискъ I, преемникъ Лудовика XII (г. 1515), не смотря на то, что безплодныя усилія двухъ его предшественниковъ утвердиться въ Италіи дорого Франціи стоили, считалъ унизительнымъ для своей чести оставить вовсе прежніе виды, и первымъ предпріятіемъ его, по вступленіи на престолъ, былъ опять походъ на Медіоланъ и завоеваніе сего Герцогства. Слѣдственно Франція, не смотря на свои траты, ясно обнаруживала, что она не отказывается отъ своихъ прежнихъ намѣреній. Между-тѣмъ Фердинандъ-Католикъ, противопоставляя коварство и обманъ простодушію рыцарскому Французскихъ Королей, и сражаясь съ Карломъ VIII и Лудовикомъ XII, возвысилъ Испанію и утвердилъ вліяніе ея на Италію. Открытіе Америки уже начинало въ это время обнаруживать, сколь необъятные источники могущества и богатства представитъ страна сія для Испаніи, и съ такими ли средствами сіе Государство могло отказаться отъ выгоднаго для него соперничества съ Франціею? Въ самое время завоеванія Франциcкомъ Медіолана скончался Фердинандъ-Католикъ (Янв. 1516), и сильную уже Испанію получилъ 16-ти лѣтній внукъ его Карлъ, который, три года спустя послѣ того, по смерти своего дѣда съ отцовой стороны, Императора Максимиліана, получилъ родовыя Австрійскія земли и Императорскую Нѣмецкую корону (г. 1519). Такимъ

образомъ въ началѣ XVI вѣка судьба западной Европы находилась въ рукахъ двухъ молодыхъ Монарховъ: Франциска, который съ пылкою, ослѣпительною храбростію юнаго воина соединялъ знаніе военнаго дѣла и таланты полководца опытнаго, и котораго страсть къ подвигамъ военнымъ и замыслы славолюбія и честолюбія возбуждены были въ высокой степени побѣдами надъ непобѣдимыми дотолѣ Швейцарами, и быстрымъ завоеваніемъ Медіолана; — и Карла, не менѣе честолюбиваго, но болѣе хладнокровнаго, хитраго, расчетливаго, ученѣйшаго и умнѣйшаго Государя своего времени. Прибавивъ, что сіи соперники по политикѣ и честолюбію были еще и личными соперниками, потому-что и Францискъ домогался по смерти Императора Максимиліана Нѣмецкой короны, и не получилъ ея, легко поймемъ, что борьба между обоими неизбѣжна.

64. Францискъ долженъ былъ начать борьбу сію, чтобъ не быть подавленнымъ силами своего соперника и не дать утвердиться Европейской Монархіи, учрежденіе которой сдѣлалось тайною цѣлію желаній Карла. Императоръ Карлъ V (въ Испаніи Карлъ I) былъ конечно самый могущественный Монархъ своего времени. На юной главѣ его сіяла корона Императора Римскаго, которая отъ времени Карла Великаго считалась еще въ Европѣ знаменіемъ самаго высшаго достоинства между владыками земными; подлѣ нея, менѣе уважаемая, но еще болѣе блистательная корона Испаніи, и корона Неаполя и Сициліи; ему принадлежали цвѣтущіе своею промышленостію и кипящіе богатымъ народомъ Нидерланды — страна его юности; для него отважная предпріимчивость удальцовъ, сопровождавшихъ Кортеца и Пизарро, открыла и покорила Мексику (1519 — 1521) и Перу (1532 — 1535); для него Фердинандъ Магелланъ совершилъ первое путешествіе вокругъ Свѣта (1519 — 1522). Карлъ V, какъ сѣтію, окружалъ соперника своими владѣніями: съ С. Нидерландами, съ В. Германіею, съ Ю. Испаніею; только съ З. и съ СЗ., прикасаясь къ морю, Франція избѣгала встрѣчи съ владѣніями Карла, но она еще не имѣла флота, а Испанія уже совершила великіе подвиги на поприщѣ мореплаванія, и была уже сильною морскою Державою.

65. Положеніе Франциска, слѣдственно, было таково, что онъ, или долженъ былъ низойти до степени зависимаго Государя, и владѣть спокойно своею землею подъ вліяніемъ Карла и по его волѣ; или бороться съ нимъ и не дать ему утвердить своего перевѣса.

Послѣднее было сообразнѣе съ рыцарскимъ характеромъ Франциска I, который любилъ играть опасностями, совмѣстнѣе и съ достоинствомъ его народа и — скажемъ — благоразумнѣе. Борьба началась съ 1521-го и продолжалась съ прерывами до 1544-го года; въ ней принимали участіе Генрихъ VIII, Король Англіи, нерѣдко измѣнявшій свою политику и принимавшій поперемѣнно то одну, то другую сторону, не столько по расчетамъ, сколько по внушенію своего упрямства и своенравія, и Солиманъ II, Султанъ Турецкій, яко союзникъ Франціи: новое доказательство распространенія связей между Государствами! Посему войны между Франциском I и Карломъ V были истинныя Европейскія войны. Оба соперника, равно утомленные борьбою, ничего не выиграли. Франція конечно потеряла Медіоланъ, перешедшій въ руки Карла; но сія потеря не могла почесться для нея чувствительнымъ урономъ, потому-что обладаніе сею страною требовало бы отъ Франціи всегда новыхъ усилій для ея сохраненія, вовлекало бы ее всегда въ новыя войны; а могла ли бы Франція подъять таковыя усилія и вынести таковыя войны во времена горя и бѣдъ, которыя ей предстояли? Европа выиграла отъ сего боренія: оно послужило къ новой, большей связи между Государствами, и остановивъ распространеніе могущества Карла V, сдѣлало невозможнымъ утвержденіе власти его надъ всѣми, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за противоборствіемъ Франціи, новая оппозиція замысламъ уставшаго отъ войны Карла V составилась въ союзѣ Протестантскихъ Князей Германіи.

66. Много причинъ думать, что вся борьба, которую велъ Карлъ V съ Франциском I, была для дальновиднаго Императора не цѣлію, а только средствомъ. Нельзя предположить, чтобы Карлъ V имѣлъ въ виду дѣйствительное завоеваніе Франціи, и думалъ, что страна, населенная почти 16 милліонами народа единоплеменнаго и единовѣрнаго, народа, имѣвшаго свою тысячелѣтнюю Исторію, богатую славными воспоминаніями, могла сдѣлаться *провинціею* его Государства; нѣтъ; ему нужно было ослабить Францію, чтобы не опасаться вмѣшательства Франциска I въ дѣла Германіи, на которую теперь Императоръ обратилъ свою главную дѣятельность, стремясь къ достиженію давнишней цѣли Императоровъ изъ Дома Австрійскаго, къ утвержденію *Императорскаго полновластія въ Германіи*. Карлъ V по собственному своему утомленію заключалъ, что онъ не можетъ опасаться вмѣшательства Фран-

ціи въ Германскія дѣла свои; а тогдашнее положеніе Германіи служило ему ручательствомъ, съ другой стороны, что, уничтожая права самодержавія Германскихъ Князей, онъ не только не встрѣтитъ совокупнаго отъ нихъ противодѣйствія, но можетъ надѣяться на усердное содѣйствіе себѣ однихъ къ уничтоженію другихъ: такъ враждебно раздѣлена была Германія на это время!

67. Сія враждебная раздѣльность Германіи была слѣдствіемъ разномыслія религіознаго, которое съ начала XVI и до половины XVII вѣка дѣлается одною изъ главнѣйшихъ причинъ переворотовъ, испытанныхъ Европою въ это время. Издалека готовилась эта перемѣна въ религіозныхъ правилахъ и мнѣніяхъ (I. Гл. VII, VIII), и необходимость преобразованія Западной Церкви *во главѣ и членахъ* признана и высказана гласно на соборахъ въ Пизѣ (г. 1412) и въ Костницѣ (г. 1415). Но эта реформа, начатая *сверху*, отъ самой духовной власти, не имѣла успѣха; а между-тѣмъ понятія народныя измѣнялись быстро, и быстро распространялись мнѣнія, противныя самымъ основаніямъ Папской власти, и реформа получила обратное направленіе, она стала восходить *снизу*, изъ самаго общества, такъ-что *Реформація* не была ни дѣломъ дикой силы, буйно и внезапно ниспровергающей существующій порядокъ вещей, ни дѣломъ глубокихъ политическихъ соображеній; она была послѣдствіемъ постепенныхъ измѣненій, которыя событіями предшествовавшими: изобрѣтеніемъ компаса и пороха, изобрѣтеніемъ книгопечатанія и великими открытіями на моряхъ (13 — 17), произведены въ идеяхъ и знаніяхъ народовъ Европы; нечувствительно вышли они изъ состоянія варварства, суевѣрія и фанатизма, въ которое приведены были событіями V вѣка. Посему продажа Индулгенцій по повелѣнію Папы Льва X, дѣло не новое въ Западномъ Христіанствѣ, была только послѣднимъ поводомъ къ Реформаціи; а Лютеръ въ Виттенбергѣ (г. 1517 — 1546), Цвинглій въ Еинзидельнѣ, а потомъ въ Цирихѣ (г. 1518 — 1531) и Кальвинъ въ Женевѣ (г. 1535 — 1564), были только выраженіемъ своего вѣка, и напрасно Папы думали противопоставить преграду распространявшимся новымъ идеямъ, и удержать за собою по прежнему владычество надъ общественнымъ мнѣніемъ, въ достопамятномъ учрежденіи Игнатія Лойолы (г. 1534) *Орденъ* или *Обществъ Іезуитовъ*, утвержденномъ Папою Павломъ III (г. 1540).

68. Но Реформація съ самаго начала своего должна была принять политическій характеръ, ибо въ ней дѣло шло не объ измѣ-

ненiи только церковныхъ уставовъ, а объ измѣненiи Папской власти и ея отношенiй ко власти свѣтской. Она и приняла этотъ политическiй характеръ; была такъ сказать послѣднимъ актомъ весьма давняго и великаго процесса, веденнаго между духовною и свѣтскою властiю черезъ все протяженiе Среднихъ вѣковъ и съ особенною силою съ исхода XI столѣтiя (I. Гл. VII). Существенное различiе этой послѣдней тяжбы отъ прежнихъ обстоятельствъ и явленiй ея заключалось въ томъ, что въ ней свѣтская власть имѣла на своей сторонѣ *общественное мнѣнiе*, тогда-какъ при прежнихъ тяжбахъ это мнѣнiе стояло на сторонѣ Папы. Книгопечатанiе помогало быстрому разливу мнѣнiй Реформатовъ, и въ теченiе первой половины XVI вѣка знатная часть Европы отпала отъ Папы и отъ Римской Церкви, и приняла ученiе Лютера (Лютеране), или Цвинглiя и Кальвина (Реформаты). Половина Германiи (преимущественно Германiя сѣверная), Данiя, Норвегiя, Швецiя, Прусciя, Ливонiя приняли Лютерово ученiе; Англiя, Шотландiя, Соединенные Нидерланды и большая часть Швейцарiи обратились къ догматамъ Цвинглiя и Кальвина. Новое ученiе сдѣлало сверхъ того великiе успѣхи во Францiи, Венгрiи, Трансильванiи, Богемiи, Силезiи и Польшѣ (*). Великiя бѣдствiя сопровождали всюду сей переворотъ. Власть подобная Папской, подкрѣпляемая всѣмъ тѣмъ, что внушаетъ почтенiе, не могла быть поколебана въ своихъ основанiяхъ безъ того, чтобы вмѣстѣ съ нею не поколебалась Европа. Возникли междоусобiя въ Германiи, Францiи, Нидерландахъ, Швейцарiи, Венгрiи, Польшѣ; всюду разномыслiе религiозное проливало рѣки крови; всюду ревность къ защищенiю прежнихъ религiозныхъ уставовъ и правилъ съ одной стороны, и съ другой такая же ревность къ утвержденiю новыхъ догматовъ, раздѣляла общество на двѣ до изступленiя враждебныя партiи. Но при этихъ борьбахъ партiй дѣло вѣры служило большею частiю только прикрытiемъ разнаго рода страстей: честолюбiя сильныхъ земли, мятежнаго духа недовольныхъ всякаго рода. Если Реформацiя содѣйствовала (долго спустя послѣ) успѣхамъ просвѣщенiя въ Протестантскихъ земляхъ, то она остановила въ свое время эти успѣхи въ земляхъ Католическихъ; если она окончательно освободила общество и умъ человѣческiй отъ Папской опеки (I. Гл. VII), то произвела въ немъ фанатическiй духъ нетерпимости, которымъ объя-

(*) Кохъ.

тые люди убѣждены были въ справедливости *только* своихъ мнѣній Въ самыхъ Протестантекихъ земляхъ реформація дала направленіе умамъ къ спорнымъ богословскимъ преніямъ, исполненнымъ схоластическихъ тонкостей, и отвратила ихъ отъ занятій болѣе полезныхъ и для усовершенствованія человѣческаго духа и для улучшенія быта общественнаго. Если свобода совѣсти въ дѣлѣ вѣры пробудила много и во многихъ человѣческій разумъ, то она же повела его къ заблужденіямъ, безпримѣрнымъ въ предшествовавшихъ вѣкахъ. Изступленныя войны, опустошавшія Францію въ XV вѣкѣ; злодѣйства, совершавшіяся въ Англіи въ XVII; опасныя и разрушительныя ученія, распространившіяся въ XVIII вѣкѣ, и духъ революціонный, который поколебалъ и ниспровергъ политическое зданіе Европы въ концѣ сего вѣка и въ началѣ XIX, могутъ по справедливости быть приписываемы этой дерзновенной самонадѣянности человѣческаго разума, освобожденнаго реформаціею отъ спасительнаго смиренія передъ Вѣрою, и эти погибельныя послѣдствія уравновѣшиваютъ и отчасти перевѣшиваютъ то доброе, что произведено было реформаціею для общества Европейскаго.

69. Въ Германіи реформація весьма скоро пріобрѣла гласность и стала столько же дѣломъ Князей, сколько и дѣломъ народовъ. Вормскій Соборъ (г. 1521), на которомъ присутствовалъ самъ новоизбранный Императоръ Карлъ V, и который долженъ былъ судить и осудить Лютера, имѣлъ только то послѣдствіе, что вниманіе общее приковано стало съ тѣхъ поръ и къ дѣлу и къ имени малоизвѣстнаго дотолѣ Августинскаго монаха. Опредѣленіе Вормскаго Собора, по которому объявлены Лютеръ и всѣ его приверженцы въ опалѣ, и велѣно преслѣдовать ихъ какъ враговъ Имперіи, приводили въ волненіе умы во всей Германіи. Послѣ Вормскаго Собора сдѣланы были многія неудачныя попытки согласить старое и новое ученіе; умы раздражались болѣе и болѣе, и уже въ 1525 въ Дессау Князья Католическіе заключили между собою союзъ для единодушнаго дѣйствованія и взаимной помощи, а въ слѣдующемъ году то же, и для той же цѣли, сдѣлали въ Торгау Князья, принявшіе новое ученіе: первое выраженіе двухъ враждебныхъ партій, порожденныхъ разномыслiемъ религіознымъ, и готовыхъ дѣйствовать одна противъ другой оружіемъ. Ожидали великихъ послѣдствій отъ новаго Собора, о которомъ давно уже говорили, и новый Соборъ назначенъ въ Шпейерѣ (г. 1529). Шпейерскій

Соборъ опредѣлилъ только: «воспретить и преслѣдовать всякія дальнѣйшія реформы, и въ особенности принятіе Лютерова ученія въ тѣхъ частяхъ Германіи, куда оно еще не проникло; въ тѣхъ же, въ которыхъ оно уже принято, оставить in statu quo, до рѣшенія новаго Собора. Князья Лютеранскіе представили *протестъ* противу этого опредѣленія Собора; отъ того названіе всѣхъ послѣдователей Лютера *Протестантами*, названіе, сдѣлавшееся историческимъ. Императоръ, отвергнувъ этотъ протестъ, назначилъ въ слѣдующій годъ новый Соборъ въ Аугсбургѣ. Протестанты должны были представить на разсмотрѣніе Собора систему своего ученія, отъ того названіе Лютеранизма *Аугсбургскимъ исповѣданіемъ*. Но Аугсбургскій Соборъ повторилъ только опредѣленія Шпейерскаго, и повелѣлъ всѣмъ Протестантамъ въ теченіе опредѣленнаго времени возстановить въ богослуженіи и управленіи церковномъ правила Католической Церкви. Это повело только къ тому, что *всѣ* Протестантскіе Князья заключили между собою въ Шмалкалденѣ союзъ (г. 1531) и приготовились защищать права свои оружіемъ. Такимъ образомъ все предвѣщало Германіи тогда же междоусобную войну, которая и открылась бы немпнуемо, если бы не отвратили ее новыя и общія опасности отъ Турокъ, которые, пройдя съ оружіемъ въ рукахъ всю Венгрію, уже подошли къ границамъ Германіи. Это невольно сблизило обѣ враждебныя партіи и привело ихъ къ перемирію въ Нюренбергѣ (г. 1532); оно возобновляемо было потомъ (отъ 1534 — 1544) нѣсколько разъ; но главный предметъ спора оставался по прежнему нерѣшеннымъ, и вражда не ослабѣвала, а укрѣплялась.

70. Карлъ V немного обращалъ до-сихъ-поръ вниманія на Германію, погруженный въ дѣла внѣшней политики, и въ особенности занятый борьбою своею съ Францискомъ I; или, можетъ быть, не обнаруживалъ своего вниманія, находя въ распространеніи Протестантства явный подрывъ могуществу Папскому, которому Карлъ, по своимъ планамъ и видамъ, не могъ благопріятствовать, находя и въ успленіи разномыслія и вражды въ Германіи какъ бы содѣйствіе этимъ своимъ планамъ (66). Но теперь, когда миромъ въ Крепи (г. 1544) кончена была брань съ Францискомъ I; когда и съ Солиманомъ II кончилась война, и Венгрія утверждена за Эрцгерцогомъ Фердинандомъ,—теперь считалъ Императоръ возможнымъ и удобнымъ приступить къ осуществленію своихъ плановъ въ Германіи. Отказъ Протестантскихъ Князей подвергнуть свою судьбу

рѣшенію Тридентскаго Собора, открывшагося наконецъ послѣ долгихъ объ немъ совѣщаній, съ Дек. 1545, былъ для Карла V поводомъ къ дѣйствованію оружіемъ противу Шмалкальденскаго союза. Если бы Карлъ V имѣлъ при семъ въ виду *только* уничтоженіе ереси и утвержденіе Католическаго православія, то ему стоило бы только встать во главѣ союза Католическихъ Князей и ринуть Католическую Германію на Протестантскую. Онъ не хотѣлъ того; онъ смотрѣлъ на Шмалкальденскій союзъ съ совершенно политической точки зрѣнія; хотѣлъ видѣть въ немъ только соединеніе Князей, ослушниковъ волѣ Императора, и желалъ уничтожить оный своими собственными средствами. Онъ раздѣлилъ Шмалкальденскій союзъ тѣмъ, что объявилъ въ опалѣ только двухъ главныхъ Князей союза: Іоанна Фридриха, Курфирста Саксонскаго, и Ландграфа Гессенскаго Филиппа; тѣмъ самымъ Императоръ, если не привлекъ на свою сторону, то по крайней мѣрѣ сдѣлалъ неутральными прочихъ Протестантскихъ Князей, а одного изъ нихъ имѣлъ и ревностнымъ себѣ союзникомъ и главнымъ исполнителемъ своихъ намѣреній. Это былъ Морицъ, Герцогъ Мейссенскій, изъ младшей (Албертинской) линіи Саксонскаго Дома; Морицъ, котораго и послѣ долгаго знакомства такъ мало зналъ Карлъ V. Битва при Милбергѣ (Апр. 1547), гдѣ Морицъ съ Императорскими войсками разбилъ и взялъ въ плѣнъ Курфирста, передала Іоанна Фридриха въ руки Императора, а Курфиршество Саксонское, по обѣщанію и волѣ Карла V, въ руки Морица; Ландграфъ Филиппъ, обнадеженный ходатайствомъ зятя своего, Морица, передъ Императоромъ, самъ отдался на его великодушіе; прочіе малосильные члены Шмалкальденскаго союза въ смиренной покорности ожидали своей судьбы. Карлъ V могъ считать себя полновластнымъ владыкою Протестантской Германіи, могъ предоставить времени дальнѣйшее и большее укрѣпленіе своей власти, и на Сеймѣ въ Аугсбургѣ (г. 1548) выразился какъ повелитель Князей, уничтоженнаго имъ Шмалкальденскаго союза, обнародовавъ свой достопамятный *Интеримъ*, которымъ предоставлялось Протестантамъ удержать *пока* (interim), впредь до рѣшенія Собора двѣ изъ сдѣланныхъ ими перемѣнъ въ правилахъ Церкви: причащеніе въ *обоихъ видахъ* (sub utraque forma) (*) и право священникамъ вступать въ браки.

(*) Т. е. вкушеніемъ хлѣба и вина; у Католиковъ причащеніе совершается только вкушеніемъ хлѣба.

71. За этими успѣхами Карла V, долженствовавшими, казалось, положить основаніе его Императорскому полновластію въ Германіи, вскорѣ послѣдовали неудачи, которыя затмили всю славу его царствованія и уничтожили всѣ его планы. Курфирстъ Морицъ, давно проникнувшій планы Карла V и постигавшій, что пока судьба Шмалкальденскаго союза и всей сѣверной Германіи будетъ находиться въ рукахъ добродушнаго, но нерѣшительнаго Іоанна Фридриха и мужественнаго, но слишкомъ опрометчиваго Ландграфа Филиппа, дотолѣ не устоятъ ни Протестантству, ни утвержденной вѣками независимости Германскихъ Князей; Курфирстъ Морицъ, коварными, правда, путями, но достигъ того, что всталъ теперь во главѣ Протестантской Германіи, и въ силахъ былъ предупредить Карла V въ его властительныхъ намѣреніяхъ. Прикрывая еще до времени свои настоящіе виды, онъ длилъ осаду сильнаго и богатаго Магдебурга, который возмутился и не принялъ Интерима; это давало ему поводъ содержать значительную армію; въ то же время привлекалъ онъ къ себѣ Протестантскихъ Князей, и сносился съ Генрихомъ II, Королемъ Французскимъ, убѣждая его къ союзу противу Карла V. Между-тѣмъ Императоръ спокойно жилъ въ Инспрукѣ, тщательно наблюдая ходъ совѣщаній, происходившихъ въ Тридентѣ, и всего менѣе опасаясь имѣть себѣ врага въ Курфирстѣ Саксонскомъ, ему одолженномъ своимъ возвышеніемъ; а Морицъ, вполнѣ изготовясь къ нанесенію вѣрнаго удара, рпнулся въ Тироль, едва не захватилъ въ свои руки Карла V, и принудилъ его къ заключенію, въ Пассау (г. 1552), договора, который, уже по смерти Морица (г. 1553) послужилъ основаніемъ къ такъ называемому *великому Религіозному миру* (der grosse Religions-friede) въ Аугсбургѣ (г. 1555). По Аугсбургскому миру, была опредѣлена свобода Протестантскаго исповѣданія и утверждены одинаковыя права Протестантовъ съ Католиками; постановлено, далѣе, правило, что народъ долженъ быть съ своимъ владѣтелемъ одной вѣры (cujus regio, ejus religio), правило, бывшее впослѣдствіи источникомъ многихъ смутъ въ Германіи: ибо Князьямъ предоставлено было право переходить отъ одного вѣроисповѣданія къ другому, а по переходѣ владѣльца и жители въ его владѣніи, на основаніи этого правила, должны были принять ту же вѣру Изъ этого права, переходить отъ одного вѣроисповѣданія къ другому, исключались духовные Князья (reservatum ecclesiasticum), которые не иначе могли перейти къ другому вѣроисповѣданію, какъ отказавшись отъ сво-

ихъ духовныхъ званій и отъ принадлежащихъ имъ по этому званію владѣній. Вслѣдъ за симъ Карлъ, испытавшій неудачи и въ войнѣ, начатой имъ противу союзника Морицова, Генриха II; наскучившій заботами и суетами власти; видѣвшій, что Германія и Европа, такъ сказать, ушла изъ рукъ его и невозвратно, сложилъ съ себя корону и раздѣлилъ свои владѣнія (г. 1556). Братъ его, Фердинандъ, получилъ Австрійскія родовыя земли, увеличенныя присоединеніемъ Венгріи и Богеміи (г. 1526), и Императорскую Германскую корону, а сынъ Филиппъ все остальное.

ПЕРІОДЪ III.

Преобладаніе Испаніи, или время Филиппа II отъ 1556 — 1598.

---

72. По отреченіи Карла V измѣнилось положеніе Европы Западной, и политическое равновѣсіе утверждено было, по видимому, прочнѣе прежняго. Во второй половинѣ XVI вѣка три могущественные Государя стояли, такъ сказать, на стражѣ безопасности Европы: Филиппъ II, Король Испаніи, Генрихъ II, Король Французскій, и Германскій Императоръ Фердинандъ I, обладатель обширныхъ родовыхъ земель Австрійскаго Дома, тогда увеличенныхъ еще (съ 1526) присоединеніемъ Богеміи и Венгріи; но первый изъ сихъ трехъ первостепенныхъ Государей-современниковъ, неоспоримо былъ могущественнѣе прочихъ. Филиппъ II, Король Испаніи, обладатель Нидерландовъ, Медіолана, Неаполя, острововъ Вестъ-Индскихъ и лучшей и бо́льшей части материка Американскаго на обоихъ полушаріяхъ, откуда рѣки золота и серебра уже лились въ Испанію, цвѣтущую, многолюдную, промышленную, могъ безъ преувеличенія говорить о себѣ: «Я богатѣйшій Монархъ Христіанскаго міра; солнце не заходитъ въ моихъ владѣніяхъ.» — Сіи огромныя владѣнія увеличилъ онъ еще присоединеніемъ Португаліи (1580) и ея Остъ-Индскихъ, Африканскихъ и Американскихъ владѣній. Безъ всякаго сомнѣнія, сей Государь, котораго власть была чтима въ четырехъ частяхъ Свѣта, былъ могущественнѣйшій Государь своего времени, и Испанія была безъ сравненія пер-

вое Государство между всѣми. Филиппъ могъ бы, по средствамъ и силамъ своимъ, быть благодѣтелемъ Европы,—и сдѣлался ея мучителемъ. Почти въ полвѣка своего царствованія (г. 1556—1598) онъ губилъ силы подвластныхъ ему народовъ въ ссорахъ съ цѣлою Европою, разсыпая золото, чтобы питать духъ партій и раздора въ Государствахъ сосѣдственныхъ, содержа огромныя силы и на морѣ и на сушѣ, чтобы завоевать все, чтобы заставить всѣхъ думать и дѣйствовать по-своему. Чѣмъ менѣе видѣлъ удачи, тѣмъ болѣе злобствовалъ Филиппъ, тѣмъ болѣе напрягалъ свои силы, и слѣдствіемъ сихъ безплодныхъ напряженій его было то, что, получивъ Испанію многолюдную, богатую, цвѣтущую, онъ оставилъ ее безлюдною, бѣдною, увядшею. Сей «богатѣйшій Монархъ Христіанскаго міра» долженъ былъ подъ конецъ своего царствованія прибѣгнуть къ средствамъ недостойнымъ, прибѣгнуть къ суевѣрію своего народа, и чрезъ монаховъ собирать пожертвованія для продолженія войны противу своихъ Нидерландскихъ подданныхъ, полезнѣйшей, дѣятельнѣйшей части народонаселенія своего Государства, но части ненавистной и деспотизму Филиппову, ибо Нидерландцы крѣпко держались за свои старинные уставы и законы; ненавистной и его мрачному суевѣрію, которое было причиною, что онъ почиталъ всѣхъ, непослѣдующихъ правиламъ Римско-Католической Церкви, за еретиковъ и безбожниковъ, а Нидерландцы отклонились отъ оной и стали послѣдовать новымъ религіознымъ (Протестантскимъ) правиламъ, распространившимся тогда по Западной Европѣ. Нидерланды возстали (съ г. 1567), и не одни Протестанты, бывшіе въ особенности предметомъ гоненій и преслѣдованій Филиппа, но и Католики, страдавшіе отъ его тяжелаго и насильственнаго самовластія, возстали, раздраженные, доведенные до отчаянія жестокостями Герцога Альбы, который назначенъ былъ Генералъ-Губернаторомъ Нидерландскихъ областей, облеченный безпредѣльною властію (г. 1567 — 1573), и соединившіеся договоромъ въ Гентѣ (г. 1576) для дружной и совокупной защиты себя отъ Испаніи. Донъ Жуанъ, побочный сынъ Императора Карла V, назначенный (г. 1577) Генералъ-Губернаторомъ, старался мѣрами предусмотрительнаго благоразумія и снисходительной твердости успокоить умы и усилить Испанскую партію въ Южныхъ (Католическихъ) областяхъ Нидерландовъ; скорая кончина его остановила успѣхи его дѣйствій; но преемникъ его (г. 1578—1592), сынъ Маргариты Пармской, первой Правительницы Нидер-

ландовъ Александръ Фарнезе, столь же дальновидный политикъ, какъ и храбрый воевода, вполнѣ воспользовался недостаткомъ согласія Южныхъ (Католическихъ) областей съ Сѣверными (Протестантскими); утвердилъ въ первыхъ Испанскую власть и сохранилъ ихъ еще на долго для Испаніи. Но это повело только къ тому, что Сѣверныя области еще тѣснѣе соединились между собою: Вильгельмъ Оранскій, уже объявленный (г. 1573) чинами Голландіи, Зеландіи и Утрехта Штатгалтеромъ сихъ областей, соединилъ уполномоченныхъ отъ семи (Протестантскихъ) областей: Голландіи, Зеландіи, Утрехта, Фрисландіи, Гренингена и Оберъ-Исселя въ Утрехтѣ, которые, заключивъ между собою *Союзъ* 1579), объявили себя независимыми отъ Испаніи, и клятвенно обязались одна безъ другой не вступать ни въ какія сношенія съ Испаніею; вотъ начало *Республики Семи соединенныхъ Нидерландовъ*; Вильгельмъ Оранскій объявленъ Штатгалтеромъ республики.

73. Война противу Республики наполняетъ все остальное время царствованія Филиппа II, и завѣщанная имъ сыну его и преемнику Филиппу III, продолжается и по кончинѣ Филиппа II, къ погибели Испаніи. Но республика долго еще стояла одна противу всего могущества Филиппова; постороннія Государства боялись еще принять участіе въ судьбѣ ея, страшась могущества Испаніи; только съ 1587 Англія, и Франція съ 1595, когда уже замѣтно стало ослабленіе этого могущества, помогаютъ открыто Нидерландамъ. Въ этой-то войнѣ Филиппъ утратилъ всѣ свои силы; онъ пережилъ величіе своей Державы, и годъ его кончины (1598) есть крайній предѣлъ того перевѣса, который Испанія въ теченіе почти цѣлаго XVI вѣка имѣла на своей сторонѣ. Государство осталось въ послѣдней степени изнеможенія, обремененное болѣе нежели 550 милліонами червонныхъ долгу, обезлюдѣвшее и изгнаніемъ цѣлыхъ сотенъ тысячъ полезныхъ жителей (Морисковъ), и переселеніями въ Америку, и войнами безпрерывными и, всего болѣе, упадкомъ промышлености народной, которая одна служитъ основаніемъ народонаселенія. Послѣдующія царствованія не только не поправили сего разстройства, а еще усугубили оное, и Испанія навсегда утратила свое первенство.

74. Державы подъ конецъ царствованія Филиппа II, наиболѣе содѣйствовавшія изнеможенію Испаніи, наиболѣе и усилились. Это были: *Франція*, которая, перейдя длинный и страшный путь разо-

ренія и бѣдствій, порожденныхъ религіозными войнами (г. 1560 — 1593), воскресла, ожила подъ державною рукою Генриха IV (г. 1589—1610), и при отеческой расчетливости друга его Сюлли, щедраго, когда дѣло шло о поощреніи таланта, о приведеніи въ дѣйство предпріятія полезнаго, и скупаго на издержки пустой роскоши и суетности; *Англія*, которая также, выпутавшись изъ замѣшательствъ, порожденныхъ религіознымъ разномыслiемъ, начинала новый періодъ своего блистательнаго бытія подъ правленіемъ Елисаветы (г. 1558 — 1602), отвергшей руку Филиппа и лично имъ ненавидимой, самой постоянной, самой страшной и самой осторожной его соперницы, которая тогда лишь (г. 1587) вступила съ нимъ въ открытый бой, когда чувствовала, что силы Государства ея возрасли въ той же мѣрѣ, въ какой ослабѣли силы ея противника; наконецъ *Нидерланды*, жестокостями Филиппа вынужденные на войну съ нимъ, въ самой войнѣ сей нашедшіе источники будущаго своего величія и могущества, и съ 1579 года, подъ управленіемъ Штатгалтера Вильгельма Оранскаго, приготовившіеся къ существованію въ качествѣ Государства самобытнаго. Такимъ образомъ охраненіе политическаго равновѣсія въ Европѣ въ началѣ XVII вѣка было уже предметомъ попеченій нѣсколькихъ Державъ могущественныхъ, изъ которыхъ каждая имѣла собственный интересъ поддерживать оное.

ПЕРІОДЪ IV.

Стремленіе Австріи къ преобладанію, или время тридцатилѣтней войны отъ 1618 — 1648.

---

75. Но на первомъ планѣ между Государствами Европы стояли въ послѣдніе годы XVI и въ первые XVII вѣка Франція и Англія. Подъ самыми счастливыми для себя предзнаменованіями начали оба эти Государства XVII вѣкъ, и можно было думать, что они и будутъ главными дѣйствователями въ новомъ вѣкѣ. Эта вѣроятность не оправдалась! Франція съ кончиною Генриха IV (г. 1610) и съ удаленіемъ Сюлли, пошла назадъ въ благоденствіи, и ушла бы, можетъ быть, далеко, если бы не удержана была во-время могучею рукою Кардинала Ришелье (г. 1624), который и возвратилъ ее на прежнюю степень силы, и положилъ основаніе будущему ея перевѣсу. Въ Англіи, послѣ обильнаго многообразно славою царствованія Елисаветы, наступило слабое и смутное царствованіе Іакова I Стюарта (г. 1603 — 1625), и собирались на ея политическомъ горизонтѣ тучи, которыя вскорѣ должны были разразиться потрясеніями ужасными. Такимъ образомъ при началѣ втораго десятилѣтія XVII вѣка не было въ Западной Европѣ ни одной Державы, на которую бы можно было указать какъ на Государство, имѣющее рѣшительное первенство надъ всѣми прочими. Это было также состояніе *равновѣсія*, но равновѣсія не силы, а безсилія! Таково было состояніе Греческихъ Республикъ послѣ битвы при Мантинеѣ

(г. 262 до Р. Х.); какъ въ то время, такъ теперь новый Филиппъ Македонскій могъ наложить свою руку на обезсилѣвшія Государства.

76. Въ это время общаго изнеможенія и разстройства Государствъ Западной Европы, Нѣмецкая линія Дома Карла V, послѣ долгаго неучастія въ дѣлахъ Европы, частію по благоразумному добродушію и миролюбію двухъ первыхъ преемниковъ Карла, Фердинанда I и Максимиліана II; частію по неспособности двухъ слѣдующихъ властителей, Рудольфа II и Матіаса, возстала опять съ съ своими планами на утвержденіе своего преобладанія въ Европѣ. Бездѣтный и больной Матіасъ объявилъ еще при жизни своей (г. 1617) наслѣдникомъ родовыхъ Австрійскихъ земель двоюроднаго брата своего Фердинанда, Герцога Штейермаркскаго. Фердинандъ, въ полныхъ силахъ молодости, съ умомъ проницательнымъ и образованнымъ, воспитанный Іезуитами и посвященный во всѣ таинства ихъ коварной политики, былъ объявленъ наслѣдникомъ и Германской Императорской короны; еще при жизни Матіаса, и принялъ власть, ему заранѣе назначенную, въ тотъ моментъ (г. 1619), когда уже вспыхнулъ пожаръ, готовившійся издавна. Началась *тридцатилѣтняя война*, въ которой участвовала вся Западная Европа, населенная Германскими и Германо-Латинскими народами (19), за исключеніемъ Англіи, которая во весь этотъ періодъ, и долго спустя послѣ, занята была своими смутами. Среди бурь сей брани, озирая положеніе Европы, Фердинандъ II почиталъ возможнымъ и удобнымъ осуществить прежній планъ Австрійскаго Дома: утвердить неограниченную власть свою сначала въ Германіи, и, опираясь на сосредоточенныхъ силахъ сей страны, обильной силами (44), возцарствовать потомъ надъ всею Европою, въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, чтобъ имѣть въ прочихъ Государствахъ зависимыхъ отъ себя союзниковъ (28).

77. Дѣйствительно, Фердинандъ, при тогдашнемъ положеніи Европы, могъ считать не мечтою исполненіе своего намѣренія. Слабая Испанія, къ судьбѣ которой была прикована и Португалія, вовлечена была имъ въ его планы; произошло вновь соединеніе дружественное обѣихъ линій Дома Карла V, Австро-Нѣмецкой и Австро-Испанской, разлученныхъ болѣе полувѣка, со временъ Филиппа II, взаимною холодностію, проистекавшею изъ того, что Филиппъ злобствовалъ на дядю, какъ на виновника раздѣла земель отцовскихъ, злобствовалъ и на двоюроднаго брата Максимиліана II, какъ на наслѣдника чувствъ и правилъ своего родителя; происте-

кавшею еще болѣе изъ того, что Филиппъ съ одной, и Фердинандъ и Максимиліанъ II съ другой стороны, были люди совершенно различныхъ свойствъ, которые во всѣхъ дѣйствіяхъ своей жизни не имѣли ни одного пункта для дружественной встрѣчи. Само собою разумѣется, что при таковомъ соединеніи обѣихъ линій Австрійскаго Дома, слабый духомъ и безпечный характеромъ Филиппъ III могъ быть только слѣпымъ орудіемъ своего дальновиднаго и хитраго родственника. Франція, такъ-какъ и Англія, разслабѣвали внутренно отъ дурнаго управленія и разномыслія между правительствомъ и народомъ, съ тою только разницею, что для первой готовилось скорое возрожденіе, а вторая еще должна была испытать перевороты страшные. Нидерланды, хотя подвигами великодушнаго мужества и искупили свое освобожденіе, но еще не были утверждены въ своей политической самобытности; еще мечъ висѣлъ надъ ними! Государства Скандинавскаго Сѣвера еще мало значили для Европы, и въ теченіе XVI вѣка перевѣдывались только между собою и съ ближайшими сосѣдями; а тотъ геній, которому суждено было сдѣлаться побѣдителемъ Фердинанда и его величайшихъ полководцевъ, Густавъ Адольфъ, Король Швеціи, еще только начиналъ свое царственное поприще, и дѣйствовалъ въ кругу, мало замѣтномъ и для дальновиднаго Фердинанда: сверхъ того, на рукахъ его была война (хотя успѣшная) противу Польши. Славянскій сѣверовостокъ еще менѣе могъ озабочивать Фердинанда. Польша, влекомая правилами религіозными къ народамъ Западной Европы, Германскимъ и Германо-Латинскимъ, влекомая языкомъ и Исторіею къ народамъ Европы Восточной, и обоимъ чуждая, не достигла никогда своего назначенія, состоявшаго, повидимому, въ томъ, чтобъ быть ей посредницею образованія Европы Славянской и Германской; Польша похоронила съ послѣднимъ Ягеллономъ (г. 1572) свои счастливые дни, и тогда—страна хвастливаго многоглаголанія и своевольнаго упрямства — гибла и отъ собственнаго разномыслія и отъ ударовъ Густава Адольфа. Россія жила еще своею отдѣльною жизнію: отдыхала и успокоивалась послѣ недавнихъ бурь, наполнявшихъ промежутокъ между прекращеніемъ Дома Рюрикова и вступленіемъ на престолъ Дома Романовыхъ, (1598 — 1613); Россія еще не имѣла постояннаго соприкосновенія съ Европою, и непричастна была ни ея бѣдствіямъ, ни ея выгодамъ. Турція съ смертію Солимана II (г. 1566), утратила свой духъ религіознаго изступленія и отчаянной храбрости;

прошло для нея время воинственныхъ подвиговъ и удальства наѣзднического, отъ котораго не задолго передъ симъ трепетала вся Европа; начиналось время спокойнаго пользованія пріобрѣтеннымъ, время нѣги, и не среди стана военнаго, не при кликахъ побѣдъ мужали отселѣ ея Султаны, а внутри сералей, на рукахъ женъ и евнуховъ, и вступали на престолъ, не зная ни свѣта, ни людей, ни дѣлъ — жалкой игрушкою любимцевъ и Янычаръ, буйныхъ и своевольныхъ. Италія на С. и Ю. подчиненная сомнительному владычеству Испаніи, въ прочихъ частяхъ раздробленная и слабая, и уже весьма явственно начинавшая тогда утрачивать свое первенство въ торговлѣ, Наукахъ и художествахъ, должна была, по волѣ Испаніи и Папы, подкрѣплять Фердинанда въ его дѣйствіяхъ. Вотъ въ какомъ положеніи была вся Европа, когда Фердинандъ II возобновилъ планы Карла V (66 и слѣд.)! Ручательствомъ ему за возможность ихъ выполненія въ эту эпоху служило и разстройство, въ какомъ находились Государства Западной Европы и въ особенности разстройство Германіи, раздѣленной снова на двѣ враждебныя и уже вооруженныя партіи, готовыя ринуться другъ на друга при первомъ поводѣ.

78. Германія отнюдь не умирена была великимъ религіознымъ миромъ (71). Потребно было и время и благодушное попеченіе Императоровъ, чтобы вражду религіозныхъ партій, уничтоженную наружно, истребить и внутренно. Это и было предметомъ заботливости Фердинанда I (г. 1556 — 1564) и сына и преемника его Максимиліана II (г. 1564 — 1576). И тотъ и другой, исполненные духа вѣротерпимости въ дѣлѣ вѣры, и духа умѣренности въ дѣлѣ политики, оставили мечты Карла V, и дѣйствовали въ томъ убѣжденіи, что Германію надобно принимать въ томъ видѣ, какой дала странѣ сей Исторія; Фердинандъ I и Максимиліанъ уклонясь отъ участія въ дѣлахъ политики внѣшней, заключились въ благотворномъ кругу внутренней дѣятельности, блюдя Германію отъ возобновленія безпокойствъ и кровопролитій подобныхъ тѣмъ, какимъ ознаменована для сей страны первая половина XVI вѣка. Но двухъ десятилѣтій, въ теченіе которыхъ продолжались эти оба царствованія, недостаточно было для того, чтобы чувство вражды между Католиками и Протестантами истребилось; нужно было, чтобы Фердинандъ I и Максимиліанъ II повторились въ своихъ преемникахъ. Но тогда настало продолжительное царствованіе Рудольфа II (отъ 1576 — 1612), сына Максимиліанова. Странный Рудольфъ, увлек-

шись своими астрологическими и алхимическими мечтаніями, забылъ свое царство и весь свѣтъ, и Германія предоставлена была своей собственной судьбѣ. Въ теченіе 36 лѣтъ какъ Рудольфъ носилъ имя Императора, вражда религіозная, притихнувшая при его преемникахъ, находила себѣ обильную пищу и въ сочиненіяхъ, въ которыхъ обѣ партіи безпощадно терзали другъ друга, и которыя, какъ соотвѣтствующія духу времени, съ жадностію были читаемы; и въ самыхъ проповѣдяхъ, въ которыхъ духовные обѣихъ партій, желая укрѣпить своихъ послѣдователей въ правилахъ своей Церкви, выставляли правила противниковъ въ чудовищномъ образѣ, такъ-что Христіане изъ храмовъ выносили въ душахъ не миръ и любовь, по слову Евангельскому, а чувство вражды непримиримой, чувство тѣмъ болѣе опасное, что оно выставлялось чѣмъ-то богоугоднымъ. Это чувство и выражалось уже въ Германіи въ разныхъ мѣстахъ и въ разныхъ видахъ: бунты въ Аахенѣ, въ Ингольштадтѣ и Донаувертѣ проистекали всѣ изъ этого источника; и что эти взрывы не были слѣдствіемъ мѣстныхъ и случайныхъ обстоятельствъ, а были выраженіемъ одинаковаго духа, распространеннаго по всей Германіи, этому лучшимъ доказательствомъ служитъ, что *вся* Германія раздѣлилась наконецъ на *двѣ* вооруженныя партіи: *Протестантская Унія* (г. 1608) и *Католическая Лига* (г. 1609); Курфирстъ Пфальцскій Фридрихъ былъ главою первой; послѣдняя состояла подъ начальствомъ Максимиліана Герцога, Баваріи.

79. Императоръ Рудольфъ былъ какъ бы чужой всѣмъ этимъ событіямъ; онъ былъ устраненъ братомъ своимъ Матіасомъ отъ управленія родовыми Австрійскими землями (г. 1610), и остался съ однимъ титломъ Императора Римскаго, какъ бы для того, чтобы показать на дѣлѣ, что́ значилъ Римскій Императоръ безъ родовыхъ собственныхъ земель. Рудольфъ недолго пережилъ свое уничиженіе, и по кончинѣ его (г. 1612) Матіасъ вступилъ на престолъ Императорскій. Смутна была Германія при началѣ новаго царствованія, и новый Императоръ не имѣлъ тѣхъ качествъ, которыя требовались для усмиренія тогдашнихъ безпокойствъ и для предупрежденія будущихъ. *Эрцгерцогъ* Матіасъ, домогаясь власти, желалъ пріобрѣсть для себя партію, и покровительствовалъ Протестантамъ въ родовыхъ Австрійскихъ земляхъ, на которыхъ не простирались постановленія Аугсбурскаго мира; по его старанію, дана была Богемскимъ Протестантамъ граммата (Majestätsbrief),

г. 1610), по которой имъ дозволялось строить церкви, и избирать изъ среды себя защитника, который бы отстаивалъ права ихъ передъ правительствомъ, и завѣдывалъ бы всѣмъ тѣмъ, что касалось до ихъ церковнаго устройства по отношенію Церкви къ обществу, съ полномочіемъ дѣлать и перемѣны въ устройствѣ церковномъ, не относясь къ Императору: право, излишнее во времена спокойствія и благоустройства, и право, опасное въ смутныя эпохи. *Императоръ* Матіасъ перемѣнилъ свою прежнюю систему. Боясь прослыть за приверженца Протестантовъ, боясь распространенія молвы, будто онъ самъ въ тайнѣ Протестантъ, Императоръ Матіасъ столь же ревностно сталъ искать теперь расположенія къ себѣ Католиковъ, не заботясь о Протестантахъ. Этимъ двуличіемъ Матіасъ потерялъ къ себѣ довѣріе и той и другой партіи: Протестанты перестали ему вѣрить, видя настоящее; Католики не начинали ему вѣрить, помня прошедшее. Слѣдственно Матіасъ менѣе всего былъ способенъ отвратить бури, неизбѣжно грозившія Германіи, а чрезъ него и всей Европѣ.

80. Взрывъ въ Богеміи (Май г. 1618) со стороны Протестантовъ, находившихъ, что права ихъ, вопреки Императорской грамматѣ, нарушаются, и возбуждаемыхъ коварными внушеніями Графа Турна, желавшаго, и достигнувшаго что Богемскіе Протестанты избрали его своимъ защитникомъ, былъ небольшимъ началомъ огромнаго событія, котораго и ходъ, и въ особенности послѣдствія, касаются, посредственно или непосредственно, всѣхъ Государствъ Западной Европы, былъ началомъ тридцатилѣтней войны (1618 — 1648). Матіасъ долженъ былъ употребить силу для смиренія мятежныхъ своихъ подданныхъ, и умеръ (г. 1619) при самомъ началѣ битвъ, въ которыхъ ополченія Богемскихъ Протестантовъ, ополченія, предводимыя Графомъ Турномъ, мужественно и успѣшно встрѣчались съ войсками Австрійскими. Богемцы, страшась за свою будущность при новомъ владыкѣ, Фердинандѣ II, рѣшились отложиться отъ подданства Австріи и возобновить свой національный престолъ, избравъ Королемъ своимъ Фридриха Пфальцскаго, въ надеждѣ, что и Протестантская унія, которой онъ былъ главою, и Король Великобританіи Іаковъ I, котораго дочь онъ имѣлъ въ супружествѣ, и Штатгалтеръ Морицъ Оранскій, который былъ ему дядя по матери, помогутъ Богемцамъ въ предстоящей войнѣ съ Фердинандомъ II. Ни одна изъ этихъ надеждъ не сбылась, а новый Король Богеміи не умѣлъ употребить въ свою

пользу энтузіазма, съ которымъ Богемцы возобновляли для него престолъ древнихъ Королей своихъ; онъ не устоялъ противу Фердинанда; сраженіе при Бѣлой горѣ близъ Праги (Нояб. 1620) рѣшило судьбу и Короля и Королевства; Богемія сохранила только это титло и до нашихъ дней; но, покоренная оружіемъ Фердинанда II, она гораздо крѣпче, чѣмъ прежде, стала принадлежать Австріи.

81. Фердинандъ II перебросилъ пламенникъ войны, потухшій въ Богеміи, въ Германію, въ которой такъ много было горючихъ матеріяловъ; онъ явилъ надъ Курфирствомъ Пфальцскимъ первый опытъ своего полновластія: лишилъ его и титла и владѣній, и отдалъ и то и другое товарищу своему по воспитанію, и помощнику своему въ покореніи Богеміи, Максимиліану Герцогу Баварскому; Императоръ уполномочилъ новопожалованнаго Курфирста принять во владѣніе Пфальцъ вооруженною рукою, и Тилли, побѣдоносный воевода Максимиліановъ, понесъ ужасъ своего имени и буйство своихъ солдатъ въ несчастный Пфальцъ. Страна сія запылала въ разныхъ концахъ,—и вотъ настоящее начало тридцатилѣтней войны, и съ этихъ поръ она дѣлается Европейскимъ событіемъ; сначала нѣкоторые Германскіе Князья, имѣвшіе болѣе отваги чѣмъ силы, вступаются за Пфальцъ и за права свои, нарушенныя въ лицѣ Курфирста Фридриха; потомъ горизонтъ войны болѣе расширяется: Данія, Швеція, Франція, Нидерланды, Испанія, Италіянскія земли принимаютъ въ ней участіе.

82. Тридцатилѣтняя война (г. 1618 — 1648) представляетъ особенный и весьма важный отдѣлъ Исторіи, и по своему ходу и по своимъ слѣдствіямъ. Она была послѣднее проявленіе духа Среднихъ вѣковъ, тогда уже сильно вытѣсняемаго новымъ порядкомъ вещей; въ ней представляется оригинальная смѣсь феодальныхъ ополченій съ войсками дисциплинированными; оружіе рыцарей и артиллерія; наѣздническія стибки, и великія сраженія по всѣмъ правиламъ высшей Тактики и Стратегіи; въ ней, наконецъ, представляется, можно сказать, картинная галлерея героевъ и великихъ политиковъ, которые, какъ бы на аренѣ Олимпійской, состязаются другъ съ другомъ о первенствѣ. По обширному объему и многосложному содержанію своему, это событіе, при изученіи, должно быть разложено на отдѣлы, которые опредѣлятся самымъ ходомъ его. Основываясь на переходѣ военнаго счастія отъ одной стороны къ другой, можно указать *четыре* періода войны, довольно

отличные другъ отъ друга: I. Періодъ перевѣса Католиковъ надъ Протестантами, отъ 1618 (1620) — 1630; II Періодъ перевѣса Простестантовъ надъ Католиками отъ 1630 — 1634; III Періодъ перевѣса Католиковъ надъ Протестантами, и потомъ равновѣсія обѣихъ сторонъ отъ 1634 — 1641; IV Періодъ переговоровъ о мирѣ отъ 1641 — 1648.

83 I Отъ 1618 (1620) — 1630. Въ теченіе сего періода Фердинандъ ниспровергаетъ всѣхъ своихъ враговъ и заставляетъ трепетать предъ собою Германію отъ Альповъ Швейцаріи и Тироля, до Нѣмецкаго и Балтійскаго морей. Ему оставалось сдѣлать шагъ одинъ до неограниченнаго властительства въ Германіи; но на этомъ послѣднемъ шагу остановилъ его Ришельё, который уже въ это время воздвигнулъ Францію отъ разслабленія и незначительности, и поставилъ ее опять на то мѣсто, какое довлѣетъ ей по ея силамъ внутреннимъ; — Ришельё заботливо смотрѣлъ на успѣхи Фердинанда и, вѣрный политикѣ, которой въ теченіе 100 лѣтъ послѣдовала Франція: не допускать Австрійскій Домъ до пріобрѣтенія опаснаго перевѣса въ Европѣ, Ришельё обязаннымъ себя считалъ противопоставить и здѣсь преграду успѣхамъ Фердинанда II. Его званіе Министра Католической Державы, и еще болѣе Кардинальскій санъ, были для него сначала препятствіемъ прямо противодѣйствовать Императору Нѣмецкому: ибо Фердинандъ воевалъ, какъ онъ говорилъ, противу еретиковъ, и имѣлъ цѣлію только обратить ихъ въ нѣдра Католической Церкви, хотя, впрочемъ, подъ сею религіозною наружностію скрывались побужденія чисто-политическія. Ришельё желалъ найти противника Фердинанду между Государями Протестантскими, и нашелъ его въ Шведскомъ Королѣ Густавѣ Адольфѣ.

84. II. Отъ 1630 — 1634. Со вступленія Густава Адольфа въ Германію все принимаетъ другой видъ. Отъ Лейпцига, гдѣ пораженъ былъ имъ дотолѣ непобѣдимый Тилли, Густавъ Адольфъ побѣдоносно проходитъ всю Германію, возвращается по слѣдамъ Валленштейна, съ Ю. снова на С. При Люценѣ въ первый разъ затмилась звѣзда Герцога Фридландскаго: онъ разбитъ; но Густавъ Адольфъ платитъ жизнію своею (г. 1632) за свою побѣду. Перевѣсъ стороны Протестантской поддержался однако же мужествомъ и искусствомъ героевъ, воспитавшихся въ школѣ Густава Адольфа, а всего болѣе умомъ и характеромъ знаменитаго Шведскаго Канцлера Оксенштирны, который, по смерти своего Государя и

друга, сдѣлался, такъ сказать, хозяиномъ войны. Сраженіе при Нёрдлингенѣ (г. 1634) положило предѣлъ успѣхамъ Протестантовъ: здѣсь они были рѣшительно разбиты войсками Императора

85. III. Отъ 1634—1641. Первое невыгодное и весьма опасное для Протестантовъ слѣдствіе Нёрдлингенскаго сраженія было то, что сильнѣйшій изъ Протестантскихъ Князей, Курфирстъ Саксонскій, отступилъ отъ союза и заключилъ отдѣльный миръ съ Императоромъ; примѣръ его увлекъ и другихъ, если не къ подобному же отступничеству, по крайней мѣрѣ къ робкому бездѣйствію; успѣхъ перешелъ рѣшительно на сторону Фердинанда. Но тогда Ришельё сталъ уже непосредственно противоборствовать сему успѣху; онъ вновь заключилъ союзъ со Шведами съ одной, съ Голландіею съ другой, и съ Бернгардомъ, Герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ, достойнымъ сподвижникомъ Густава Адольфа и преемникомъ его въ Лютценской битвѣ, съ третьей стороны, и объявилъ уже открыто войну Австріи (г. 1636): такъ измѣнился характеръ тридцатилѣтней войны! Изъ религіозной дѣлается она чисто-политическою; и если въ двухъ первыхъ ея періодахъ Католики составляли одну, а Протестанты другую воюющую сторону, то въ двухъ послѣднихъ ея періодахъ уже не считалось ни невозможнымъ, ни неприличнымъ, что Католики союзились съ Протестантами. А между-тѣмъ смерть умчала въ короткое время многихъ дѣйствователей: Фердинандъ II (г. 1637), Бернгардъ (г. 1639), Баннеръ (г. 1641) сошли въ могилу; и между-тѣмъ пепелъ городовъ и селъ, опустошенныя области и вопли народовъ, истомленныхъ войною, громко требовали мира; обстоятельства измѣнились во многомъ; новый Императоръ Фердинандъ III (1637 — 1657) не по слухамъ зналъ объ ужасахъ и разоренiяхъ, всюду причиненныхъ войною: онъ ихъ видѣлъ собственными очами и чувствовалъ собственнымъ сердцемъ; онъ не походилъ на своего родителя, по своимъ политическимъ видамъ, касательно Германіи, размышляя, подобно какъ нѣкогда Фердинандъ I и Максимиліанъ II (77), что напрасны будутъ усилія человѣческой воли перемѣнить въ одинъ краткій человѣческій вѣкъ порядокъ вещей, утвердившійся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и что, слѣдственно, утвержденіе полновластія Императорскаго въ Германіи есть мечта, которая никогда не осуществится; Фердинандъ не походилъ, далѣе, на своего родителя и по своимъ религіознымъ правиламъ: онъ былъ Католикъ ревностный, но, чуждый фанатизма слѣпаго и односторонняго, не считалъ Протестан-

товъ врагами Бога и людей, и не полагалъ обязанностію своею преслѣдовать и истреблять ихъ. Такимъ образомъ обѣ стороны приведены были къ мирному расположенію, и въ Гамбургѣ открылись первые переговоры, въ 1641 году.

86. IV. Отъ 1641 — 1648, періодъ переговоровъ о мирѣ, параллельно съ которыми продолжалась война, по прежнему опустошительная, но не по прежнему дѣятельная. Утомленіе было примѣтно въ равной степени на обѣихъ сторонахъ; но многосложность вопросовъ, которые должны были рѣшиться миромъ, и перемѣна военнаго счастія отдаляли окончательное заключеніе трактата. Побѣды Торстенсона, Фельдмаршала Шведскаго, замыкающаго собою этотъ величественный рядъ героевъ, которые дѣйствовали въ тридцатилѣтнюю войну, и благоразумная умѣренность и ловкая уступчивость Траутмансдорфа, Императорскаго Министра на Конгрессѣ, привели наконецъ къ желанному миру, заключенному въ Минстерѣ и Оснабрикѣ, тогда вольныхъ Имперскихъ городахъ, въ 1648 году.

87. Это былъ знаменитый Вестфальскій миръ, краеугольный камень общей Европейской Дипломатики, основаніе Европейской системы Государствъ и сношеній и связи между ними, до самыхъ тѣхъ поръ, какъ Французская революція ниспровергла весь существовавшій дотолѣ порядокъ вещей и дала Европейской политикѣ совершенно другое направленіе. Признаніе полной свободы Богослуженія обоимъ родамъ Протестантскаго исповѣданія, Лютеранскому и Реформатскому, и уравненіе Протестантовъ во всѣхъ правахъ съ Католиками; законное утвержденіе того, что Германія будетъ составлять отселѣ союзъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ Государствъ, именемъ только однимъ подчиненныхъ одному общему Владыкѣ, который носитъ освященный вѣками титулъ Римскаго Императора; что Германскіе Князья не будутъ уже считаться Вассаллами Императора Римскаго, а каждый будетъ полнымъ Государемъ въ землѣ своей; признаніе всѣми, и Испаніею, самобытности Нидерландской Республики: вотъ главное содержаніе Вестфальскаго мира. Слѣдствія его для системы равновѣсія были тѣ, что Австрійскій Домъ долженъ былъ отказаться, и навсегда, отъ своихъ видовъ на преобладаніе въ Европѣ; что въ самой Германіи образовалась противу него законная оппозиція: ибо Князья Римской Имперіи, признанные полными Государями въ своихъ владѣніяхъ, для собственной выгоды своей, должны были тщательно наблюдать дви-

женіе Австріи и поставлять ей преграды, коль скоро она вновь устремилась бы къ преобладанію. Между всѣми Германскими Князьями сего времени блистаетъ, какъ звѣзда необыкновенной величины, Фридрихъ Вильгельмъ, Курфирстъ Бранденбургскій, *Великій Курфирстъ*. Въ теченіе почти полувѣка (г. 1640 — 1688) онъ въ тишинѣ созидалъ величіе своей страны и приготовилъ путь, по которому съ такимъ ослѣпительнымъ блескомъ потекъ къ безсмертію великій правнукъ его, Фридрихъ II.

88. Франція и Швеція выиграли болѣе всѣхъ и болѣе всѣхъ усилены были тридцатилѣтнею войною. Заключивъ между собою союзъ военнаго братства на поляхъ Германіи, союзъ, скрѣпленный и общими опасностями и общею славою, онѣ усердно помогали другъ другу и во время переговоровъ. Пріобрѣтя право громко говорить на Вестфальскомъ конгрессѣ, онѣ смѣло и настойчиво поддерживали свои обоюдныя требованія, и тѣмъ усерднѣе, что, состоя каждая въ своемъ кругу политической дѣятельности, онѣ могли обѣ стремиться къ усиленію, не опасаясь другъ друга. Франція по Вестфальскому миру утвердила за собою, пріобрѣтенныя еще Генрихомъ II, Лотарингскія Епископства Мецъ, Туль и Верденъ, и получила Алзасъ, за исключеніемъ Страсбурга, который сохранилъ свое званіе и устройство вольнаго Имперскаго города; сверхъ того, пріобрѣла право содержать въ крѣпости Филиппсбургѣ (на правомъ берегу Рейна) свой гарнизонъ, а чрезъ это получила въ свои руки ключъ ко входу въ Германію. Отселѣ мелкіе Князья южной Германіи не имѣли уже ограды со стороны Франціи, и потому пришли подъ ея вліяніе. Швеціи уступлена вся часть Померанiи къ З. отъ рѣки Одера (передняя Померанія) и часть Померанiи Восточной (задняя Померанія) по правому берегу Одера со включеніемъ устьевъ сей рѣки; потомъ вольный городъ Висмаръ и земли, принадлежавшія Архіепископу Бременскому и Епископу Верденскому, заключающіяся между нижними частями Везера и Эльбы; сверхъ того, 5 милліоновъ талеровъ контрибуціи. Эти завоеванія, вмѣстѣ съ тѣмъ, что Швеція пріобрѣла отъ Польши, распространили владѣнія ея вокругъ Балтійскаго моря, которое, почти какъ озеро, заключалось теперь въ областяхъ Шведскихъ. Отселѣ оба эти Государства будутъ главными виновниками событій въ Европѣ во все остальное время XVII и въ началѣ слѣдующаго вѣка: Франція остается главнымъ дѣйствователемъ на ЮЗ. Европы; подъ ея вліяніемъ болѣе или менѣе состоятъ Государ-

ства Пиренейскаго и Аппенинскаго полуострова, Германія, Нидерланды, Англія; кругъ дѣятельности Швеціи объемлетъ СВ.; Данія, Польша, Россія, попеременно испытываютъ надъ собою тяжесть руки ея. Посему и изложеніе событій Европейскихъ, со временъ Вестфальскаго мира до исхода первой четверти XVIII вѣка, должно быть раздѣлено на два параллельные или современные другъ другу періода: I. Періодъ преобладанія Франціи на ЮЗ. и II. Періодъ преобладанія Швеціи на СВ. Европы.

ПЕРІОДЪ V.

Время преобладанія Франціи на ЮЗ. Европы, или вѣкъ Лудовика XIV, отъ 1648 — 1715.

---

89. Франція, дѣятельно противоборствуя Австрійскому Дому и положивъ конецъ преобладанію его въ Германіи, Франція, еще 11 лѣтъ послѣ заключенія Вестфальскаго мира наносившая удары и другой линіи Австрійскаго Дома, Испанской, усилилась ослабленіемъ могущества обѣихъ линій сего Дома: такъ въ XVI вѣкѣ Испанія усилилась, ослабивъ Францію. Геній Кардинала Ришельё далъ сему Государству могущественное вліяніе на дѣла Европы; Вестфальскій миръ, на которомъ Франція уже пріобрѣла себѣ рѣшащій голосъ, утвердилъ это вліяніе, а миръ Пиренейскій (г. 1659), который она продиктовала Испаніи, поставилъ ее на первую степень между югозападными Европейскими Державами. Отселѣ рѣшительный и опасный перевѣсъ Франціи до 1715 года. Защитивъ Европейское равновѣсіе отъ преобладанія Австрійскаго Дома, она сама встревожила и устрашила Европу своею силою, своими притязаніями, своими успѣхами. Дѣйствительно, въ эпоху Пиренейскаго мира Франція стояла выше всѣхъ Государствъ, и потому, что другія были слабы, и потому, что ея собственныя внутреннія силы и средства были столь велики, что и при другомъ положеніи Европы они занимали бы первое мѣсто между современными Государствами.

90. Вотъ въ какомъ положеніи находилась тогда Западная Европа: Испанія, ослабленная и изнеможенная, соединена была съ Франціею узами родства (Лудовикъ XIV, Король Франціи, сочетался бракомъ съ старшею дочерью Филиппа IV), и должна была беречь ея дружбу. Португалія, отторгшаяся отъ Испаніи (г. 1640) и также ослабѣвшая въ 60-ти-лѣтній періодъ своей зависимости, должна была равномѣрно искать дружбы Франціи, чтобы, подъ ея защитою, устоять противъ притязаній Испаніи; Голландія, вышедшая со славою изъ боя, богатая, цвѣтущая промышленною дѣятельностію своихъ жителей, предана была единственно заботамъ своей торговли и мирнаго мореплаванія, и даже (г. 1650) распустила свое войско, и была, со временъ послѣдней своей войны противу Испаніи (съ 1621), въ союзѣ съ Франціею. Англія въ теченіе тридцатилѣтней войны была наполнена волненіями, приготовившими тѣ ужасныя сцены, которыя происходили въ ней отъ 1641 — 1649. Это было слѣдствіемъ того смутнаго состоянія, въ которомъ оставилъ свое Государство Іаковъ I. Сынъ и преемникъ его Карлъ I (г. 1625 — 1649) имѣлъ по своему уму и сердцу гораздо болѣе, чѣмъ его родитель, правъ на царствованіе спокойное и счастливое; но онъ не обладалъ этой непоколебимой силою воли и этой предусмотрительной дѣятельностію, какая необходима была къ тому, чтобы разсѣять грозныя тучи, заслонявшія политическій горизонтъ Великобританіи. Партіи религіозныя получили здѣсь совершенно политическій характеръ; Пуритане и Индепенденты безразсудно и мятежно смѣшивали съ понятіями объ равенствѣ Христіанъ въ смыслѣ духовномъ, понятія объ равенствѣ политическомъ; они были глашатаями этихъ возмутительныхъ и правилъ и мнѣній, которыя сдѣлались господствующими и дали обществу Великобританскому направленіе мятежное, и тѣмъ болѣе ужасное, что республиканское необузданное буйство прикрывалось ризою фанатизма религіознаго. Естественно, что Англія должна была, вслѣдствіе этихъ смутъ, сойти съ высоты, на которой она стояла при Елисаветѣ, и утратить свою относительную важность въ Европѣ. Незаконное властительство славнаго Кромвеля (г. 1649 — 1658), утвердивъ спокойствіе внутри, возвратило Англіи и ея достоинство между Европейскими Государствами; но Карлъ II Стюартъ, возвратясь на престолъ (г. 1660) несчастнаго своего родителя, не принесъ съ собою мудрости державной, хотя и былъ воспитанникомъ опыта и бѣдъ: во все свое царствованіе

(г 1660 — 1685) онъ былъ орудіемъ политики Лудовика XIV. Италія, по прежнему раздробленная, по прежнему въ С. и Ю. своей части зависимая отъ слабой Испаніи, послѣ Вестфальскаго мира, вовсе перестала быть значущею землею для Европы, и Папа, котораго вліяніе на дѣла Европы видимо упало, такъ-что напр., протестъ Иннокентія X противу Вестфальскаго мира не былъ и принятъ въ уваженіе, Папа долженъ былъ искать благосклонности Короля Французскаго, а не противникомъ былъ ему. Князья Германской Имперіи большею частію были ему преданы, какъ хранителю постановленій Вестфальскаго мира, и слѣдовательно защитнику ихъ независимости отъ притязаній Австрійскаго Дома. Австрія, наконецъ, чувствительно пораженная и ослабленная послѣднею войною, немощная и слабостію своего тогдашняго владыки Леопольда I (отъ 1657 — 1705), не только не могла тогда мечтать о возобновленіи прежнихъ притязаній, но нападеніями Турокъ приведена была въ ужасъ и опасеніе за свое собственное бытіе. Сѣверныя Государства: Данія, претерпѣвшая сильное пораженіе и въ тридцатилѣтней войнѣ, и вновь поколебанная до основанія быстрымъ и нежданнымъ ударомъ Карла X (г. 1658), отдыхала отъ опасностей въ спокойной тишинѣ, подъ правленіемъ добродушнаго Фридриха III (отъ 1648 — 1670), и весьма далека была отъ всякихъ предпріятій внѣшнихъ. Швеція, вышедшая изъ тридцатилѣтней войны съ величайшею славою, оставившая въ Европѣ высокое мнѣніе о непоколебимомъ мужествѣ своихъ воиновъ и искусствѣ вождей своихъ, Швеція также потерпѣла отъ новыхъ подвиговъ, славныхъ, но вовсе безполезныхъ, совершенныхъ Королемъ ея Карломъ X (отъ 1654—1660): она находилась въ утомленіи отъ напряженія силъ своихъ, и при малолѣтствѣ Короля своего Карла XI, подъ вліяніемъ аристократіи, всегда неготовой на предпріятія, требовавшія усилій и пожертвованій, уклонилась отъ участія въ дѣлахъ; сверхъ того, давнишній союзъ и военное братство со временъ Густава Адольфа дѣлали Швецію расположенною къ Франціи. Кто же оставался тогда въ Европѣ для противоборствія замысламъ Лудовика XIV?

91. И не легко было рѣшиться на противоборствіе его замысламъ при развившихся тогда внутреннихъ силахъ Франціи. Ришельё и хитрымъ, неусыпнымъ трудомъ, и непреклонной волею смялъ строптивость вельможъ, успокоилъ Францію внутри, возвысилъ власть королевскую и достоинство Государства во внѣшнихъ

отношеніяхъ. Въ Кардиналѣ Мазарини онъ имѣлъ преемника, который, не обладая желѣзною твердостію характера своего предшественника, и не внушая къ себѣ того оковывающаго и дѣйствія и самыя мысли страха, какой ощущала Франція во время 18-тилѣтняго (1624 — 1642) министерства Ришельё, превосходилъ его гибкостію, проницательностію ума, и вполнѣ вошелъ въ виды и планы предшественника. Облеченный безпредѣльною довѣренностію Королевы-Правительницы, при малолѣтствѣ Короля Лудовика XIV, Мазарини былъ всемогущъ, какъ Ришельё, и войны Фронды (г. 1648—1652), имѣвшія цѣлію ниспровергнуть ненавистнаго Министра и поколебать и самый престолъ, произвели совершенно противныя тому послѣдствія и послужили къ укрѣпленію и того и другаго: онѣ были послѣднимъ отголоскомъ феодальной аристократіи, которая отселѣ смолкла навсегда предъ могуществомъ власти монархической, такъ-что Луковикъ XIV, получивъ въ собственное управленіе Францію (г. 1661), могъ назваться самымъ полновластнымъ владыкою между всѣми современными Монархами.

92. Государь юный, величественно-прекрасной наружности, не воспитанный, но исполненный ума пылкаго, которымъ онъ угадывалъ то, что другіе познавали наукою, Лудовикъ XIV пріобрѣлъ при Дворѣ своей матери и эту рыцарскую вѣжливость, и эту страсть къ щеголеватому и исполненному изящества блеску, которымъ онъ отличался во все свое продолжительное царствованіе (отъ 1661—1715), которымъ онъ ослѣплялъ всю Европу и сдѣлался законодателемъ вкуса и утонченности дворской. Мазарини, умирая, представилъ ему Колберта, и тѣмъ, какъ онъ самъ говорилъ, заплатилъ вполнѣ долгъ свой Франціи. Колбертъ можетъ по справедливости назваться первоначальникомъ славы Лудовика XIV; и хотя, какъ и всякій человѣкъ, Колбертъ былъ воспитанникомъ идей своего вѣка, и въ управленіи народною промышленостію слѣдовалъ односторонней (Меркантильной) системѣ, но слѣдствія этого пристрастнаго предпочтенія одной отрасли промышлености (Мануфактурной) всѣмъ другимъ оказались позже. Во время же своего министерства (г. 1661 — 1683) онъ возбудилъ внутреннія силы Государства, учредилъ фабрики, которыя подъ его рукою достигли степени первенства въ Европѣ; положилъ основаніе обширнѣйшей торговлѣ и моремъ и сухимъ путемъ; прорѣзалъ внутренность Франціи удобными дорогами и превосходными каналами; устроилъ Академіи, создалъ флотъ и крѣпости и, обогативъ народъ разви-

тіемъ и поощреніемъ промышлености, обогатилъ и правительство изобильными доходами, которые уплачивались и своевременно и безъ отягощенія для народа. Колбертъ далъ своему Королю средства и содержать огромную армію, какой тогда вся Европа, вмѣстѣ взятая, не имѣла, и разсыпать щедрыя поощренія всякому таланту, и сооружать зданія — храмы роскоши и вкуса, и давать праздники, которыхъ описаніе показалось бы баснею потомкамъ, если бы не было столь многочисленныхъ современныхъ свидѣтельствъ, которыя заявляютъ ихъ дѣйствительность. Мудрено ли, что Лудовикъ XIV, при своемъ славолюбіи и суетности и при такихъ способахъ, считалъ себя всемогущимъ и средства свои неистощимыми?

93. И что Лудовикъ XIV употребитъ таковой избытокъ своихъ силъ на то, чтобы подчинить Европу своей волѣ, это показалъ онъ еще тогда, когда сіи силы и сіи средства не были столь велики. Какому уничиженію напр., долженъ былъ подвергнуться тесть его, Филиппъ IV, за причиненное Посланнику Французскому въ Лондонѣ оскорбленіе (г. 1661), которое, истинно или ложно, поставлено было въ вину Испанскому Посланнику? Какъ долженъ былъ смириться Папа Александръ VII, вслѣдствіе подобнаго же случая съ Французскимъ Посланникомъ въ Римѣ (г. 1662)? Съ 1667 года собственно начинается этотъ періодъ насильствъ Лудовика XIV, которыя привели въ страхъ всю Европу, вооружили ее противу Франціи и были наконецъ причиною ослабленія сей послѣдней. Не смотря на торжественное отреченіе своей супруги отъ всякихъ притязаній на наслѣдство земель Испанскихъ, Лудовикъ, по смерти тестя своего, занимаетъ своими войсками Испанскія Нидерланды, примѣнивъ произвольно существовавшій въ Нидерландахъ законъ для наслѣдствъ частныхъ людей къ наслѣдству государственному, и утверждая, что сіи земли принадлежатъ его супругѣ. Опасность, въ какую приведено было таковымъ поступкомъ равновѣсіе Европейское, заставляетъ Голландію, Англію и Швецію прервать свои дружественныя сношенія съ Франціею; сіи три Государства заключаютъ между собою союзъ, котораго цѣль противоборствовать дальнѣйшимъ замысламъ Франціи. Сей *тройственный* союзъ принуждаетъ Лудовика XIV ограничиться частію тѣхъ земель, которыя онъ захватилъ, и возвратить остальное Испаніи (г. 1668).

94. Но Лудовикъ XIV, уступя на сей разъ необходимости, не

могъ и не хотѣлъ забыть, что Голландія была главною виновницею его неуспѣха. Зависть къ цвѣтущей промышлености и богатству сей Республики; ложная мысль, что, разрушивъ ея мореплаваніе и подорвавъ ея торговлю, онъ подниметъ промышленость Франціи, и, наконецъ, гордость Лудовика XIV, которому непонятнымъ казалось, какимъ образомъ нація торгашей (peuple marchand), какъ называлъ презрительно Голландцевъ надменный Король, осмѣлилась противоборствовать могущественнѣйшему Монарху: все сіе было причиною, что, принимая условія Аахенскаго мира (г. 1668), Лудовикъ уже готовилъ войну мести Нидерландской Республикѣ; и чтобы вѣрнѣе былъ ударъ, онъ предварительно отвлекъ уже отъ союза съ нею и Англію и Швецію. Внезапное его вторженіе въ предѣлы Голландіи (г. 1672), привело ее на край погибели; ужасъ и отчаяніе овладѣли умами большей части гражданъ; но сынъ Штатгалтера Вильгельма II, Вильгельмъ, который созрѣлъ въ тишинѣ для той блистательной роли, какую ему суждено было играть въ Европѣ, спасъ Республику. Возведенный въ достоинство Штатгалтера, для него возобновленное, и объявленное наслѣдственнымъ въ его родѣ, среди опасностей войны онъ умѣлъ составить противу Лудовика XIV союзъ изъ полъ-Европы и сдѣлался душею сего союза. Тогда война, которую, начиная, Лудовикъ XIV полагалъ, что она будетъ единоборствомъ между имъ и Республикою, сдѣлалась общею Европейскою войною, и происходила въ одно и то же время на четырехъ различныхъ театрахъ: въ Нидерландахъ, Германіи сѣверной, Германіи югозападной и на моряхъ; она называется *второю Нидерландскою войною.* Франція послѣ сей войны, которая вознесла славу ея оружія и ея силу на верхнюю степень, должна была заключить съ Республикою отдѣльный миръ, а потомъ могла уже принудить принять условія мира другихъ своихъ противниковъ. Сей Нимвегенскій миръ (г. 1679), диктованный Европѣ Франціею, еще усилилъ ее — на счетъ Испаніи.

95. Эпоху Нимвегенскаго мира должно почитать блистательнѣйшею эпохою царствованія Лудовика XIV, и Франція, побѣдоносная и торжествующая, могла считать славнѣйшимъ своимъ завоеваніемъ господство своего языка, который съ-сихъ-поръ сдѣлался языкомъ Европейской дипломатики: Нимвегенскій миръ продиктованъ былъ Лудовикомъ XIV Европѣ на языкѣ Французскомъ, который вскорѣ послѣ сего сталъ дѣлаться языкомъ придворнымъ и языкомъ высшаго общества въ Европѣ. Но препрославленный и

превознесенный Лудовикъ XIV начинаетъ съ 1680 года новыя несправедливости, производитъ новыя насилія и продолжаетъ въ семъ духѣ дѣйствовать въ такое время, когда уже и онъ и Государство его противу прежняго измѣнялись къ худшему. Европа исполнялась справедливаго неудовольствія и ропота, но ропота безсильнаго, пока наконецъ Вильгельмъ III получилъ (г. 1689) престолъ низверженныхъ Стюартовъ въ Англіи, и располагая силами двухъ Государствъ, Англіи и Нидерландовъ, снова сдѣлался главою Европейскаго союза противу Лудовика. Война, веденная Франціею противу сего союза (*третья Нидерландская война* г. 1689 — 1697) показала уже разницу въ силахъ сего Государства по сравненію съ прежними временами: Франція уже не предписываетъ условій мира въ Рисвикѣ (г. 1697), а принимаетъ предложенныя Вильгельмомъ III; является умѣренною, и заключивъ новый миръ на условіяхъ Нимвегенскаго, она, значитъ, вынесла изъ послѣдней 8-милѣтней кровопролитной войны однѣ только траты, изъ которыхъ чувствительнѣйшею была потеря превосходнаго флота, истребленнаго на сраженіи при мысѣ Ла-Гогѣ (г. 1692), потеря, которая осталась невознаградимою.

96. Умѣренности требованій Вильгельма III и уступчивости Франціи на Рисвикскомъ мирѣ удивлялась Европа; но вскорѣ, къ новому и большему своему ужасу, узнала настоящую ея причину. Заключая сей миръ, Лудовикъ XIV уже простиралъ свои взоры на Испанію. Тогдашній Испанскій Король, Карлъ II, былъ послѣднею отраслію Дома Карла V, и смертію его, которая, по его болѣзненному состоянію не могла быть отдалена, престолъ Испанскій долженъ былъ сдѣлаться праздным. Дѣйствительно, вскорѣ (г. 1700) скончался Карлъ II, преклоненный передъ смертію своею къ завѣщанію всѣхъ своихъ владѣній въ Европѣ и Америкѣ Филиппу, внуку Лудовика XIV. Хотя, по силѣ завѣщанія Карла II, Испанія и должна была составлять Государство навсегда отдѣльное отъ Франціи, тѣмъ не менѣе Европа встревожена была соединеніемъ столь огромныхъ владѣній въ рукахъ одного и того же Бурбонскаго Дома, и безъ сего соединенія уже весьма сильнаго. Морскія Державы опасались при таковомъ соединеніи за свою торговлю; Австрійскій Домъ не хотѣлъ утратить своихъ правъ, какія онъ думалъ имѣть на наслѣдство Испанское, происходя съ бывшимъ Испанскимъ Королевскимъ Домомъ отъ одного родоначальника. Составилось новое соединеніе западныхъ Европейскихъ Дер-

жавъ противу Франціи, и въ теченіе жестокой войны (1701—1713) многократно пораженная, истощенная и прежнимъ напряженіемъ силъ своихъ, Франція сведена геніемъ Марлборуга и Евгенія съ той высоты, на которой она стояла. Неизбѣжною казалась гибель Франціи въ эту войну, особенно въ періодъ отъ 1705 до 1711, когда всѣ роды бѣдствія стеклись надъ нею: и пораженіе войскъ ея непріятелями, и голодъ, и эпидемическія болѣзни, и бунты народные. Но смерть Императора Іосифа (1711) и, еще болѣе, перемѣна политики Англіи вслѣдствіе паденія Марлборуга и Министерства Виговъ, спасаетъ ее, и этимъ счастливымъ соединеніемъ обстоятельствъ она получаетъ еще на Утрехтскомъ (г. 1713) и Раштадтскомъ (г. 1714) мирѣ болѣе выходъ, нежели сколько могла обѣщать себѣ. Но Франція, и сохранившая свой прежній объемъ по этому миру, была уже слишкомъ ослаблена, чтобъ внушать собою основательный страхъ прочей Европѣ и чтобы угрожать политическому равновѣсію.

97. Изъ предшествовавшей 13-лѣтней противу Франціи брани всѣхъ болѣе извлекла выгодъ Англія. Двукратно (1688 — 1697 и 1700 — 1713) она была главою Европейскаго союза и руководила дѣйствіями Государствъ твердой земли, — обстоятельство, которое и одно само по себѣ должно уже было относительно возвысить Англію; но она въ теченіе сего времени возвысилась и развитіемъ внутреннихъ силъ своихъ, увеличила свою промышленость, распространила свое мореплаваніе и торговлю, и сдѣлалась отселѣ неоспоримо первою морскою Державою. Искусныя финансовыя спекуляціи открыли ея Правительству безмѣрныя денежныя средства и дали Англіи возможность быть постоянною и дѣятельною участницею всѣхъ событій твердой земли Европы. Нидерланды, совокупно съ Англіею дѣйствовавшіе противу Франціи, утрачивали свое первенство на моряхъ по мѣрѣ, какъ возвышалось могущество Англіи, и не извлекли выгодъ, соразмѣрныхъ своимъ пожертвованіямъ, въ двухъ послѣднихъ союзахъ Европы противу Франціи. Опытами увѣрилась Республика, что, вмѣшиваясь въ дѣла монархическихъ Державъ, она тратилась, ничего не пріобрѣтая, и что Англія, ея союзница, охотно жертвовала ею своимъ выгодамъ; вѣнценосный историкъ (*) справедливо сравниваетъ Голландію,

(*) Фридрихъ Великій.

по ея связямъ съ Англіею въ теченіе XVIII вѣка, съ челномъ, привязаннымъ къ кораблю, и неволею влекомымъ по пути корабля: корабль выдержалъ удары бурь, взволновавшихъ Европу въ исходѣ XVIII вѣка, и выплылъ невредимый, а челнъ поглотили волны! Австрійскій Домъ, хотя увеличилъ по Раштадтскому миру свои владѣнія присоединеніемъ (не надолго) части Испанскаго наслѣдства; Неаполя и Сардиніи (которая въ 1718 обмѣнена на Сицилію), но понесъ траты великія въ продолженіе войны, и не смотря на сіи присоединенія, вышелъ изъ оной слабѣе, чѣмъ прежде. Подлѣ Австрійскихъ владѣній возвысился Бранденбургскій Домъ, если не по внутреннимъ силамъ, то по новому достоинству. Курфирстъ Фридрихъ III, пышный сынъ Великаго Курфирста, получилъ отъ Императора Леопольда желаемый титулъ Короля Прусскаго, и признанъ Европою въ семъ достоинствѣ на Утрехтскомъ и Раштадтскомъ Конгрессахъ. Новое титло поставило Пруссію на степень болѣе видную и сдѣлало ее, такъ сказать, сочленомъ Европейскаго Ареопага. Испанія не обновилась въ благоденствіи подъ управленіемъ новой царственной династіи: періодъ силы ея прошелъ навсегда. Во Франціи Лудовикъ XIV, виновникъ и ея величія и ея гибели, пережилъ благоденствіе своего Государства. Проводивъ въ могилу знаменитыхъ своихъ сподвижниковъ на поприщѣ государственномъ, оплакавъ своихъ дѣтей и внучатъ, онъ — развалина своего блистательнаго вѣка — остался одинъ, какъ могучее и сѣнистое нѣкогда дерево, котораго молодыя вѣтви и зеленѣющіе листья умчала буря. У подножія престола одряхлѣвшаго и тѣломъ и духомъ Лудовика XIV, игралъ безотвѣтный и хилый младенецъ, его правнукъ. Сей-то младенецъ по смерти прадѣда (г. 1715) и получилъ престолъ Франціи подъ именемъ Лудовика XV. Регентство Филиппа Орлеанскаго (1715 — 1723), во время его малолѣтства, а еще болѣе его собственное царствованіе (г. 1723—1774) не только не залечили ранъ Франціи, а еще усугубили несчастія Государства. Въ теченіе сего-то времени сластолюбія, безпечности и разврата, собрались надъ Франціею тучи, которыя должны были разгрянуться надъ невинною главою добродушнаго Лудовика XVI. Такимъ образомъ, по Утрехтскому миру, Франція сведена была съ этой степени первенства, на которой она дотолѣ стояла; но мѣсто ея въ Европѣ осталось незанятымъ; не стало ни одного Государства, которое бы имѣло рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми прочими, и Европейское равновѣсіе казалось утверж-

денным на ЮЗ.; Англія, Нидерланды, Австрія, новое Королевство — Пруссія — и наконецъ Франція, ослабленная ударами жестокими, но еще богатая собственными средствами, остались стражами его на З. Европы. Сіе положеніе Государствъ западной Европы, въ какое приведены они были Утрехтскимъ и Раштадтскимъ миромъ, осталось надолго неизмѣннымъ; осталось неизмѣннымъ въ главныхъ основаніяхъ своихъ до послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка, когда бури Революціи Французской ниспровергли (временно) все политическое зданіе Европы.

ПЕРІОДЪ VI.

Время преобладанія Швеціи на СВ. Европы, отъ 1643 — 1721.

---

98. Въ то время, какъ вся Западная Европа объята была пламенемъ войны за Испанское наслѣдство, и Европа Восточная была театромъ переворотовъ, которые не только дали новой образъ сей странѣ, но которыхъ послѣдствія имѣли могущественное вліяніе и на всю Европу, ибо ими введена въ систему Европейскихъ Государствъ Держава, долженствовавшая прямо занять одно изъ первыхъ мѣстъ между первенствующими Монархіями. Говоримъ о великой Сѣверной войнѣ, 21 годъ (1700 — 1721) продолжавшейся, положившей прочное основаніе величію Россіи и уничтожившей перевѣсъ Швеціи на СВ. Европы. Разсмотримъ, въ какомъ положеніи передъ началомъ великой бранн были Государства, въ ней участвовавшія.

99. Швеція вышла изъ 30-ти-лѣтней войны съ пріобрѣтеніемъ владѣній на В. и Ю. берегу Балтійскаго моря, съ громкою славою великихъ подвиговъ, ею совершенныхъ, съ сознаніемъ собственнаго своего достоинства и съ высокимъ о себѣ мнѣніемъ Европы. Дѣла блестящей храбрости Карла X (г. 1654 — 1660); его побѣды надъ Польшею и Даніею, дорого ей стоили, но усугубили ея военную славу и подкрѣпили мнѣніе о непобѣдимости Шведовъ; малолѣтство Карла XI (г. 1660 — 1672) поколебало могущество

престола; по получивъ власть въ свои руки (г. 1672 — 1697), Карлъ, худо воспитанный, но сильный тѣломъ и духомъ, смирилъ аристократовъ, которыхъ вліянію на дѣла государственныя нація не безъ основанія приписывала неудачи, потерпѣнныя Швеціею въ войнѣ (г. 1675), веденной по внушенію Лудовика XIV съ Великимъ Курфирстомъ. Почти неограниченную власть, богатую казну и воинство, гордое воспоминаніями прежнихъ подвиговъ, оставилъ онъ геніяльному сыну своему, Карлу XII. Въ то время, когда 14-ти-лѣтній Карлъ наслѣдовалъ (г. 1697) престолъ предковъ и ихъ славу, и другія Государства, окружавшія Швецію и бывшія съ нею въ ближайшемъ сношеніи, получили новыхъ властителей. Въ одинъ годъ съ Карломъ XII возведенъ, по избранію, на престолъ Польши великолѣпный Курфирсъ Саксонскій, Августъ; два года спустя (г. 1699), воцарился въ Даніи Фридрихъ IV, и въ Россіи владычествовалъ съ 1689 года 17-ти-лѣтній Петръ, уже начавшій великое дѣло преобразованія своей Державы: Цари и въ цвѣтѣ лѣтъ и въ полнотѣ духа предпріимчиваго.

100. Выше всѣхъ сихъ Государствъ стояла Швеція; но ея величіе было искусственное! Растянутая кругомъ береговъ Балтійскаго моря, Швеція, мало доступная непріятелю сама въ себѣ, была открыта его ударамъ въ своихъ Забалтійскихъ провинціяхъ, тѣмъ болѣе, что эти владѣнія отдѣлены были отъ центра Государства не однимъ своимъ географическимъ положеніемъ, а и народностію. Усилія Карла XI придать разнороднымъ частямъ своего Государства единство, и слишкомъ крутыя его къ этому мѣры, произвели только неудовольствіе и ропотъ, особенно въ Ливоніи, гдѣ его *редукціонная камера* имѣла самое обширное поле для своихъ дѣйствій, по неопредѣлительности и запутанности правъ поземельнаго владѣнія въ сей странѣ, нѣкогда разновластной (Кн. I. Глава XIII; 135). Невозможно, чтобъ долговременный перевѣсъ остался прочно на сторонѣ Государства, которому недоставало внутренней силы: недоставало многочисленнаго народонаселенія, ни богатаго разнообразія промысловъ, ни—наконецъ — природы благодарной, которая бы ободряла усилія человѣческой дѣятельности, вознаграждая оныя плодомъ обильнымъ. Окрестныя Государства, кромѣ опасеній на счетъ обильнаго перевѣса Швеціи, имѣли еще воспоминанія, для всѣхъ ихъ горькія: они всѣ, одно за другимъ, поражены были Шведами, а у Польши и Даніи свѣжи еще были раны, нанесенныя имъ обѣимъ отъ Карла X. Тогдашній Государь

Швеціи ни лѣтами, ни характеромъ не возбуждалъ опасливаго вниманія своихъ сосѣдей, а напротивъ, своими странностями поселялъ въ сосѣдяхъ мысль, что теперь настало и для нихъ время отплатить Швеціи за прежніе тяжелые удары, которые они испытали отъ руки ея, и воротить свои потери. Никто не угадывалъ, что Государь-юноша, который разсѣянно грызъ себѣ ногти при неизбѣжныхъ присутствіяхъ своихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, и который дѣлилъ свое время между ученьями своихъ солдатъ и медвѣжьею травлею, — обладаетъ душею пламенною, способною исполняться вдохновеній при чтеніи повѣствованія о дѣлахъ великихъ; что жажда дѣлъ и славы была его безпокойная дѣятельность; что въ семъ юношѣ зрѣетъ мужъ, котораго потомство неоспоримо бы назвало великимъ человѣкомъ, если бы онъ самъ не полагалъ, что величіе владыкъ земныхъ, сіяющихъ въ Исторіи, пріобрѣтено ими только на поляхъ войны. Карлъ XII не постигалъ, что есть еще другое, прочнѣйшее величіе; необыкновенный его геній получилъ направленіе одностороннее; жажда славы военной поглотила въ немъ всѣ другія благороднѣйшія страсти, и изумительные подвиги, имъ блистательно совершенные, являютъ его — только страннымъ человѣкомъ! При всемъ томъ, Карлъ, если бы не встрѣтилъ себѣ соперникомъ дивнаго Петра, единственнаго въ лѣтописяхъ міра, или если бы способенъ былъ понять и оцѣнить величіе сего соперника, по всѣмъ вѣроятностямъ, управился бы совершенно съ прочими своими врагами.

101. Фридрихъ IV и Августъ, каждый по своимъ особеннымъ побужденіямъ, желали войны съ Швеціею и имѣли надежды усилиться тогда на счетъ ея. Фридрихъ поставилъ себѣ цѣлію выполнить планъ своего родителя: соединить съ Датскою короною Герцогство Голштинское, которое, подъ управленіемъ младшей линіи Датскаго Королевскаго Дома, составляло (съ 1544 г.) отдѣльное владѣніе, и котораго тогдашній Герцогъ, Фридрихъ IV, имѣя въ супружествѣ сестру Карла XII, состоялъ подъ защитою Швеціи. Августъ, давъ слово Польскому Сейму возстановить Польшу въ предѣлахъ, какіе имѣла она при Стефанѣ Баторіи, желалъ и надѣялся отнять у Швеціи Ливонію; а Паткуль, приписывая свои собственныя чувства всѣмъ своимъ единоземцамъ, увѣрялъ Польскаго Короля, что если онъ только подниметъ руку для отнятія Ливоніи у Шведовъ, вся страна возстанетъ, недовольная Шведскою управою, и сама отдастся ему въ руки. Планы обоихъ

Государей сообщены были Петру Великому, который не хотѣлъ и не могъ отказаться отъ участія въ предпріятіи, важномъ и для Россіи. Пересоздая свое Государство, Петръ чувствовалъ, что, для развитія силъ Россіи, необходимо нужны берега морскіе; что, имѣя въ своемъ обладаніи начала и большую часть теченія рѣчныхъ системъ, необходимо имѣть и устья ихъ; что Сѣверная Двина и Волга, единственныя большія рѣки, всѣмъ своимъ теченіемъ заключавшіяся въ тогдашней Россіи, имѣютъ устья въ такихъ моряхъ, которыя не открываютъ никакихъ видовъ на обширную, соразмѣрную разнообразію продуктовъ Россіи, торговлю, и что, по Столбовскому миру (г. 1617), Россія вовсе отрѣзана отъ того моря, въ которое изливаются двѣ большія рѣчныя системы, въ ней начинающіяся: Невская и Двинская; которое одно только могло сблизить Россію съ образованною Европою, и котораго берега, наконецъ, въ XI и XII вѣкахъ были подъ властію Россіи. (Кн. I, Глава XIII, 130). Такимъ образомъ составился противу Карла XII союзъ. Въ одно время три Державы возстали на Швецію. Но Данія и Польша, быстро пораженныя, уклонились отъ военнаго театра, и главнымъ, единственнымъ дѣйствователемъ осталась Россія, водимая своимъ Петромъ.

102. Со временъ сей великой Сѣверной войны, Россія, дотолѣ отдѣленная отъ прочей Европы, приходитъ съ нею въ соприкосновеніе и становится членомъ Европейской государственной системы, занявъ тогда же почетное мѣсто между первостепенными Государствами, и получивъ тогда же великое вліяніе на дѣла Европейской политики. Доселѣ теченіе историческихъ происшествій и отдѣльность Россіи ограничивали Исторію почти исключительно ЮЗ. Европы: весьма естественно! Великій переворотъ, отдѣляющій Древнюю Исторію отъ Средней, произведенъ былъ Германскими народами; ими положено основаніе новымъ Государствамъ Европы на развалинахъ Западной Римской Имперіи; они кладутъ печать своей народности на всѣ событія Среднихъ вѣковъ, и сіи событія составляютъ непрерывное развитіе ихъ жизни до-тѣхъ-поръ (до исхода XV и начала XVI вѣка), какъ кончилось преобладаніе Германскаго быта, какъ произошло совершенное сліяніе побѣдителей и побѣжденныхъ, сліяніе, произведшее новыя народности, чуждыя быту Германскому, и нерѣдко ему непріязненно противоположныя; какъ уничтожилось и то учрежденіе, которое долѣе всего заявляло вліяніе Германской жизни на Европу—фео-

дальная система. Событія, начавшіяся съ XVI вѣка, составляютъ продолженіе и послѣдствіе событій прежняго времени, но иначе проявляющихся. Изъ сего видно, что Западная Европа, которой Государства, основанныя Германцами, имѣли и уставы, составлявшіе развитіе Германскаго быта, должна быть и съ XVI вѣка главнымъ театромъ происшествій Всеобщей Исторіи; а связь западныхъ переворотовъ, одинъ изъ другаго вытекающихъ, не представляла вовсе повода обратиться къ изображенію судьбы Государства Россійскаго. Отселѣ, въ теченіе XVIII вѣка, будемъ встрѣчать Россію между первыми дѣйствователями въ великихъ событіяхъ Исторіи; здѣсь мѣсто бросить взглядъ на ея возрожденіе и возвышеніе до той эпохи, въ которую она созрѣвшія, невѣдомо для Европы свои силы, развила ей на удивленіе.

Взглядъ на судьбу Россіи отъ перваго основанія ея бытія государственнаго до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ.

Отдѣленіе I, отъ начала Руси до временъ Іоанна III, отъ 862 — 1462.

103. XV-й вѣкъ, бывшій для Европы вѣкомъ образованія Монархіи, былъ и для Россіи временемъ утвержденія власти единодержавной; но въ Россіи, составлявшей собою по всему особенный міръ, все развивалось иначе при вліяніи другихъ обстоятельствъ, при дѣйствіи другихъ причинъ. Изложенныя выше великія происшествія (13 — 17), измѣнившія положеніе и отношенія Государствъ Европы Западной, не имѣли современнаго и непосредственнаго вліянія на Россію, и ея Исторія до XVIII столѣтія идетъ параллельно съ Исторіею прочей Европы, не сливаясь съ нею.—Первое сѣмя государственнаго бытія Россіи, среди совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга поколѣній Славянъ, положено было Норманнами въ землѣ Славянъ Новогородскихъ (г. 862). Завоеватели дали побѣжденнымъ свое имя—Русь, а отъ нихъ заимствовали языкъ и нравы, и вскорѣ и побѣдители и побѣжденные слились въ одинъ народъ, Русскій. Если бы средоточіемъ основывавшагося общественнаго соединенія остались страны около озера Ильменя, то Русь, окруженная сосѣдями, которые были и бѣднѣе и невѣжественнѣе, чѣмъ она сама, надолго осталась бы также и бѣдною и

невѣжественною страною, и, можетъ быть, вовсе не достигла бы своего великаго назначенія. Но почти въ то же время, какъ Рюрикъ основывалъ одно Русское владѣніе около Новагорода, сопутники его, Аскольдъ и Диръ, влекомые Норманнскою смѣлостію, пошли искать добычи и славы на Ю., и основали другое, на нижнихъ частяхъ Днѣпра (г. 864). Бо́льшее приволье южно-Русскаго владѣнія для жизни и промысловъ передъ сѣверно-Русскимъ вскорѣ сдѣлалось явнымъ, и *Вѣщій* Олегъ, могучій преемникъ Рюрика, съ небольшимъ два года послѣ его кончины (г. 882), уничтожилъ владычество Аскольда и Дира въ Приднѣпровскихъ странахъ, соединилъ силы С. и Ю. Руси, проникъ до Царяграда и — вырѣзанное въ лѣсахъ Ладожскихъ, копье свое вонзилъ во врата Константинополя. Олегъ утвердилъ свое пребываніе въ Кіевѣ: слѣдствія сего были чрезвычайно важны, рѣшительны для судьбы Руси! Она приблизилась къ свѣту и образованію, войдя въ сосѣдство и непосредственную связь съ Греціею, Государствомъ слабымъ въ политическомъ отношеніи, но первымъ по образованію между всѣми, ему современными. Заимствовавъ отъ Грековъ (г. 988) Вѣру въ истиннаго Бога, по уставамъ Православной Восточной Церкви, Россія отдѣлилась отъ Европы; но въ сей отдѣльности Русскій народъ имѣлъ время, необходимое по его быту и его духу, чтобы, сохранясь отъ вліянія Римскаго Права и Каноническаго, созрѣвать въ своей самобытности для того великаго назначенія, которое несомнѣнно составляетъ удѣлъ его въ мірѣ (*). Отселѣ путь Россіи есть совершенно свой, ей собственный! Новая Вѣра, истребивъ язычество, образовала иначе характеръ народа; новый порядокъ престолонаслѣдія уничтожилъ начало феодализма, который Норманны водворили-было въ Руси, — другое отличіе ея отъ всей прочей Европы, которой государственные уставы развились изъ сего древне-Германскаго учрежденія. Сей новый порядокъ престолонаслѣдія сдѣлался условіемъ будущей судьбы Руссовъ (**).

104. Раздробленная на множество отдѣльныхъ частей между потомками Ярослава (г. 1054); при неопредѣлительности права на Великое Княжество, права тѣмъ болѣе сомнительнаго, чѣмъ болѣе дѣлились роды; при неопредѣлительности отношеній Великаго

(*) Луденъ.
(**) Полевой.

Князя къ Удѣльнымъ и сихъ послѣднихъ между собою, естественно, Россія должна была сдѣлаться театромъ кровопролитныхъ междоусобій на долгое время. Таковое треніе собственныхъ составныхъ частей будущаго Государства другъ объ друга было необходимо для развитія жизни народа, отдѣленнаго вовсе отъ своихъ собратій Европейскихъ, непринимавшаго участія въ переворотахъ Запада, и нераздѣлявшаго, слѣдственно, и полезнаго вліянія сихъ переворотовъ на жизнь и судьбу народовъ Западной Европы. И дѣйствительно, жизнь Русскаго народа развилась именно вслѣдствіе сего тренія, и раскинулась по пространству огромному, и проникнула собою чужеземные элементы, существовавшіе на пространствѣ, которое должна была занять и наполнить собою Русь; тѣ же самыя войны, которыя погубили Кіевъ, послужили къ возвышенію Галича на ЮЗ. и Владиміра на СВ. Руси, и разнесли такимъ образомъ Русскую жизнь къ подошвѣ Карпатскихъ горъ и верховью Вислы съ одной стороны, а съ другой къ низовью Оки и на Волгу. И потомъ, когда Владимірское Великое Княжество сдѣлалось также, въ свою очередь, страною раздѣленія и междоусобій, вслѣдствіе ихъ возвысилась, на уничиженіи Владиміра, Москва, которая возрасла успѣшнымъ соперничествомъ съ Рязанью на одной, и Тверью на другой сторонѣ, и собрала подъ щитъ свой расторженныя части Руси въ одно Великое Государство Россійское. И между-тѣмъ, пока такимъ образомъ поочередно высились и низились разныя Княжества Руси, Новгородъ воспользовался временемъ, когда власть древняго Кіева ослабѣла, а могущество новаго Владиміра еще не утвердилось, и образовался въ Республику; и тогда, когда прочая Россія гибла подъ ударами Татаръ, Новгородцы богатѣли торговлею съ Ганзою, сбывали Ганзейскимъ своимъ союзникамъ произведенія Русской природы, обильной и разнообразной, а получали отъ нихъ произведенія Европейской промышлености.

105. Самое нашествіе Татаръ и владычество ихъ, два съ половиною вѣка (отъ 1236 — 1480) продолжавшееся, было событіемъ великимъ и для Европы и для Россіи: для Европы потому, что Русь, принявъ на грудь свою удары сабель Татарскихъ, заслонила собою Западную Европу отъ разоренія, которое было бы гибельно для начинавшагося въ XIII вѣкѣ новаго государственнаго устройства и новыхъ успѣховъ жизни, и которое неминуемо отодвинуло бы человѣчество снова на нѣсколько вѣковъ назадъ въ образова-

нiи: для Россiи потому, что оно послужило къ усиленiю Москвы. И злобный Юрiй Даниловичъ, и хитрый братъ его, Іоаннъ, умѣли снискать себѣ благосклонность Хановъ и, поддерживаемые ими, высились надъ прочими Князьями, смиряли ихъ и приготовляли соединеніе частей подъ властію единодержавною. Отъ сего времени (г. 1328) новый, естественнѣйшій и полезнѣйшій порядокъ престолонаслѣдства начинается и вытѣсняетъ прежній, бывшій въ теченіе столькихъ вѣковъ источникомъ войнъ и бѣдствій; утверждается преемство великокняжескаго престола въ одной только Московской линіи, въ потомствѣ Іоанна Калиты, съ исключеніемъ всѣхъ прочихъ линій Дома Владiмiрова и Ярославова, и напрасно роды Князей Тверскихъ, Рязанскихъ, Нижегородскихъ стараются поддержать порядокъ старый, выгодный для честолюбія Удѣльныхъ Князей. Таковое утвержденіе великокняжескаго достоинства въ Домѣ Іоанна Калиты было уже важнымъ шагомъ для приближенія Россіи къ единству, и предупрежденію столь обычныхъ дотолѣ споровъ за престолъ и власть верховную; важнымъ шагомъ тѣмъ болѣе, что, со времени утвержденія власти Татаръ, не законъ, или обычай, имѣвшій силу закона, а единственно произволъ Хана Золотой Орды опредѣлялъ кому изъ Князей быть Великимъ Княземъ: обширное поле для происковъ, взаимныхъ жалобъ въ Ордѣ Князей другъ на друга, для злодѣйствъ и смятеній всякаго рода!—Сынъ Іоанна Калиты, Симеонъ, заранѣе опредѣлилъ значеніе Князей Москвы, называя себя «Княземъ всея Руси.»

106. Незабвенный Димитрій Донской, внукъ Калиты, уже былъ рѣшительно первый между Князьями Руси по могуществу, будучи первымъ между ними по своимъ доблестямъ; уже онъ чувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобы мѣряться съ Татарами въ бою открытомъ, и побѣдить ихъ. Побѣдитель Мамая сдѣлалъ еще новую, важную перемѣну въ порядкѣ преемства престола великокняжескаго: по согласію съ своимъ двоюроднымъ братомъ и своимъ знаменитымъ сподвижникомъ въ битвѣ Куликовской, Владiмiромъ Андреевичемъ Храбрымъ, онъ утвердилъ закономъ, что великокняжескій престолъ Москвы будетъ исключительнымъ достояніемъ одной только линіи Донскаго. И между тѣмъ какъ Москва такимъ образомъ крѣпчала и высилась рѣшительно надъ всѣми прочими удѣлами, и надъ горделивымъ и непокорнымъ Новгородомъ, Орда дробилась и слабѣла. Въ ней, по пресѣченіи Дома Батыева, смертію Бердибега (г. 1359) начинается кровопролитный споръ за

власть; въ теченіе 20 лѣтъ 16 Хановъ изъ разныхъ домовъ вырываютъ другъ у друга окровавленный престолъ Кипчака. И хотя Мамай, располагавшій въ теченіе почти всего этого времени судьбою Орды и Хановъ, самъ овладѣлъ престоломъ и замышлялъ возвратить Орду на прежнюю степень ея могущества, но, разбитый Донскимъ на Куликовомъ полѣ (г. 1380), онъ окончательно уничтоженъ былъ Тохтамышемъ. Тохтамышъ, потомокъ Орды, старшаго сына Чучеева, въ своемъ спорѣ за Кипчакскій престолъ съ Урусомъ и его родомъ, нашелъ себѣ покровителя въ Тамерланѣ: съ его помощію одолѣлъ своего противника и его сына, овладѣлъ Шерисараемъ; но вскорѣ возсталъ на своего покровителя, тяготясь, безъ сомнѣнія, зависимостью, въ которой Тамерланъ хотѣлъ держать новаго Кипчакскаго Хана, ему одолженнаго престоломъ и властію. Тохтамышъ окончательно низложенъ былъ Тамерланомъ (г. 1395), который отдалъ престолъ Кипчака Темиръ-Кутлугу, внуку Урусову; но когда не стало Тамерлана (г. 1404), кровопролитный и ожесточенный споръ между родомъ Урусовымъ и Тохтамышевымъ возобновляется; престолъ Кипчакскій быстро переходитъ изъ рукъ Хана рода Урусова, въ руки Хана рода Тохтамышева. Этотъ споръ, продолжаясь до самаго конца существованія Золотой Орды (до г. 1480), рѣшитъ судьбу ея; Ханы не Урусова и не Тохтамышева рода, даже можетъ быть вовсе не Чингисханова племени, овладѣваютъ временно престоломъ среди кровопролитій и злодѣйствъ; Орда дробится на части (Крымъ, Казань, Астрахань), и наконецъ погибаетъ въ послѣднихъ усиліяхъ Ахмата (г. 1480) возстановить прежнюю власть Хановъ надъ Россіею.

107. Современникомъ начала этихъ смятеній въ Ордѣ былъ сынъ и преемникъ Донскаго, Василій Дмитріевичъ (г. 1389—1425). Сначала заложникъ въ Ордѣ у новаго Хана (Тохматыша), Василій пріобрѣлъ благосклонность его; съ почестями возведенъ (г. 1389) на престолъ Великокняжества посломъ Тохтамышевымъ; съ особенными почестями, какъ никто изъ его предшественниковъ, принятъ былъ Ханомъ въ Ордѣ (г. 1392), ибо Тохтамышъ, уже враждуя съ Тамерланомъ, желалъ обезпечить себя со стороны Руси и привязать къ себѣ Великаго Князя ласкою и милостями: онъ отдалъ Василію Княжество Нижегородское, уполномочивъ его взять это владѣніе силою у сыновей Дмитрія Константиновича, прежняго соперника отцу его, Донскому; этимъ навсегда кончилось

соперничество Московскаго и Суздальскаго рода, и Суздальское Княжество со всѣми своими областями вошло въ составъ Московскаго. Такимъ образомъ полезная для Россіи вражда Тохтамыша съ Тамерланомъ, и потомъ, когда Тамерланъ отошелъ отъ нашихъ предѣловъ для новыхъ предпріятій въ Азіи, возобновившаяся борьба между родомъ Урусовымъ и Тохтамышевымъ, способствовали Василью Дмитріевичу, и безъ блистательныхъ качествъ и подвиговъ, къ возвеличенію его могущества. Гибкій и терпѣливый съ своими Европейскими и Азіятскими сосѣдями, гордый и непреклонный съ Удѣльными Князьями и съ вольнымъ Новгородомъ, осторожно, но твердыми шагами шествуетъ онъ къ возвышенію рѣшительному своей власти надъ странами отъ Чернигова и Смоленска до Нижняго, Перми, Вологды и Бѣлаозера, и оканчиваетъ свое 36-тилѣтнее царствованіе тѣмъ, что обязываетъ всѣхъ Князей клятвою не входить ни въ какія сношенія ни съ Литвою, ни съ Татарами, и принуждаетъ ихъ признать девятилѣтняго сына своего, Василія, единственнымъ своимъ Владыкою. Царствованіе сего Василія (г. 1425 — 1462), которому названіе Темнаго довлѣетъ не по одному тому, что онъ лишенъ былъ глазъ чрезъ злодѣйство, бывшее возмездіемъ за таковое же, имъ самимъ совершенное, самымъ несомнѣннымъ образомъ доказываетъ, что новый порядокъ вещей утверждается на Руси, что близкое преобразованіе судьбы ея готовится. Младенцемъ получилъ Василій престолъ родительскій; возмужавъ, не явилъ въ себѣ ни одного качества державнаго; находился въ плѣну у Татаръ Казанскихъ; три раза былъ лишаемъ престола дядею и двоюродными братьями, и опять возвращался на оный, чѣмъ? Мнѣніемъ народа, который понималъ уже, что ему невозможно существовать народомъ въ удѣльной Россіи и что спасительное единодержавіе есть залогъ его благоденствія; который привыкъ любить своихъ Владыкъ законныхъ, а законнаго Владыку видѣть только въ старшемъ сынѣ Великаго Князя Московскаго; который утвердился въ мысли, что только подъ хранительнымъ щитомъ Князей Москвы онъ обрѣтетъ свою самобытность. Сіи чувствованія сдѣлались условіемъ Исторіи Русскаго народа, и ими только можно изъяснить то единственное въ Исторіи явленіе, что пришелецъ, можетъ быть даже не Русскій, безъ предварительныхъ связей, безъ знакомствъ, вошелъ въ Россію съ однимъ только именемъ Царевича, и симъ именемъ, какъ волшебствомъ, привлекъ къ себѣ умы народа и вознесенъ былъ на тотъ престолъ (1605 — 1606)

котораго Годуновъ не могъ удержать за собою всѣми своими доблестями. Въ царствованіе Темнаго Василія прогремѣли послѣднія бури междоусобныхъ войнъ, совершились послѣдніе удары Татаръ, уже слабые удары, уже не войны могущественныхъ Державъ, а только разбойничьи набѣги; смирился вольный Новгородъ, присягнувъ повиноваться суду Великаго Князя и не пускать къ себѣ его лиходѣевъ. При Василіи и Церковь Русская вышла изъ-подъ всякой зависимости Патріарха Константинопольскаго, и вмѣсто Греціи, тогда (г. 1453) уже сдѣлавшейся добычею Турокъ, Россія стала средоточіемъ Христіанскаго Православія; при Василіи и единодержавіе получило новое и прочное основаніе: онъ сдѣлалъ десятилѣтняго сына своего Іоанна своимъ соправителемъ; писалъ грамоты и отъ своего и отъ сыновнина имени, и употреблялъ уже въ нихъ выраженіе: «Божіею милостію!» Съ Іоанна Великаго, сына Василіева, начало Государства Россійскаго.

Взглядъ на судьбу Россіи отъ перваго основанія ея бытія Государственнаго до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ.

Отдѣленіе II, отъ временъ Іоанна III до прекращенія Рюрикова Дома, отъ 1462 — 1598.

108. Свойство великихъ людей имѣть цѣль для своей жизни, для своихъ дѣйствій, и неослабно стремиться къ ея достиженію. Іоаннъ имѣлъ таковую цѣль: утвержденіе совершенное и полное своей власти единодержавной; освобожденіе совершенное Россіи отъ зависимости Татарамъ и возведеніе ея на степень Государства самобытнаго — вотъ что было возвышенною цѣлію Московскаго Великаго Князя. И онъ достигалъ сей цѣли терпѣніемъ, умомъ, политикою, и — въ рѣдкихъ случаяхъ — силою, не безъ хитрости, но безъ привязчиваго насилія, особенно въ отношеніи къ Новгороду; но безъ коварства, безъ злодѣйствъ, какъ современникъ его Лудовикъ XI, котораго можно сравнить съ Іоанномъ, только по неутомимой волѣ, съ какою стремился онъ къ подобной же цѣли. Но Лудовикъ XI имѣлъ только одного врага — феодализмъ; сломивъ своевольство Вассалловъ, Лудовикъ оканчивалъ свое дѣло; Іоаннъ же имѣлъ четырехъ непріятелей: Татаръ, Удѣльныхъ Князей (Тверь и Рязань), Республики Новгородскую и Псковскую, и Литву, покровительствовавшую имъ обѣимъ. Онъ побѣдилъ всѣхъ сихъ

непріятелей; и хотя въ повѣствованіи о дѣлахъ его воображеніе наше не плѣняется подвигами отважной храбрости и мужественной силы, которые столь любитъ оно находить въ герояхъ Исторіи; хотя встрѣчаешь его тамъ уступающимъ, гдѣ бы желалъ видѣть его упорствующимъ; тамъ въ бездѣйствіи, гдѣ бы, повидимому, должно было дѣйствовать рѣшительно и смѣло; но, разсматривая ближе и дѣла его и послѣдствія оныхъ, разсудокъ убѣждается, что средства, употребленныя Іоанномъ, хотя не такъ быстро, но за то вѣрнѣе вели къ предположенной цѣли: тогда увѣряешься, что все совершившееся дѣлалось такъ потому, что было приготовлено, предвидѣно и расчитано; что малодушіе было въ немъ благоразуміе, бѣгство — искусство, медленность—мудрость, и тогда является ясно все величіе дѣлъ Іоанновыхъ. Желаешь, чтобы подвигомъ мужественной отваги и рѣшительности Россія свергла съ себя зависимость чужеземную, и смѣлымъ ударомъ разбила въ прахъ ветхое иго Татаръ, еще ее позорившее; ждешь съ нетерпѣніемъ сего удара и негодуешь на Іоанна, какъ онъ, Владыка народа, исполненнаго къ нему благоговѣйной преданности, предводитель многочисленнаго избраннаго воинства, робко прячется отъ непріятеля на берегахъ Угры. Но между-тѣмъ, какъ главныя силы Россіи и Орды стояли здѣсь другъ противъ друга, воинство союзника и друга Іоаннова, Крымскаго Хана Менгли-Гирея, и Русское, подъ начальствомъ Воеводы Звенигородскаго, уже разгромили Орду въ самомъ ея средоточіи, на Нижней Волгѣ (г. 1480), а обратившееся къ защищенію своихъ жилищъ воинство Ахмата, перехвачено и истреблено было Ногаями и Казаками.

109. Такимъ образомъ Іоаннъ погубилъ Орду посредствомъ Крымскаго Хана; такимъ же образомъ сторожилъ, ослаблялъ и обрывалъ Литву посредствомъ Стефана, Господаря Молдавскаго, своего союзника и родственника, и еще болѣе посредствомъ того же Менгли-Гирея, а между-тѣмъ шагъ за шагомъ (г. 1471, 1477, 1479) ничтожилъ свободу Новагорода, могущественной Республики, которой самобытность несовмѣстна была ни съ планами Іоанна, ни съ цѣлостію и благоденствіемъ Россіи; и наконецъ, окруживъ давнюю соперницу Москвы и союзницу Литвы, Тверь, какъ сѣтію, владѣніями своими, уничтожилъ Удѣлъ Тверскій, соединивъ сію область съ Москвою (г. 1485). Вслѣдъ за Тверью пали къ подножію престола Іоаннова Княжества Ростовское и Ярославское, и всѣ Удѣлы на пространствѣ отъ нынѣшней Калужской и Тульской

Губерніи до Кіевской. Оставался одинъ, не опасный по безсилію своему, Псковъ, помощникъ Іоанна въ войнѣ съ Новгородомъ, и покорный Государю Московскому, и Рязань, состоящая подъ его опекою. Собравъ въ рукѣ своей всѣ силы Руси, Іоаннъ простеръ ихъ съ одной стороны на В., заставивъ могущественнѣйшее изъ Царствъ, образовавшихся изъ развалинъ Орды, Казань, признать надъ собою власть Россіи (г. 1487); а съ другой на З., на Литву, съ которою Іоаннъ, желая быть Великимъ Княземъ «всея Руси» не по одному только имени, началъ трехвѣковую тяжбу о возвращеніи при-Двинскихъ и при-Днѣпровскихъ Русскихъ земель изъ-подъ владычества Польско-Литовскаго, въ составъ Русскаго отечества, тяжбу, которая кончилась только при Екатеринѣ Великой; обратилъ силы свои и на Ливонію (г. 1493 — 1503), чтобы придвинуть Россію къ берегамъ того моря, чрезъ которое жизнь и образованіе Европейцевъ должны были войти въ его Государство: планъ, котораго исполненіе предоставлено было Промысломъ Петру Великому. Дѣйствительно, не отступая отъ обычаевъ старины, не измѣняя древняго быта народнаго, Іоаннъ хотѣлъ ознакомить Россіянъ съ искусствами и промыслами Западныхъ Европейцевъ; вызывалъ образованныхъ чужеземцевъ, полезныхъ своими познаніями; не возвышалъ ихъ до своей довѣренности, но жаловалъ какъ Государь, и употреблялъ ихъ способности и познанія или для украшенія своей столицы, или для дѣлъ военныхъ, посольскихъ и торговыхъ. Поощряя промышленость народную, водворяя въ Россіи новые источники набогащенія, Іоаннъ увеличилъ свои доходы, возвысилъ блескъ своего Двора, возвысилъ достоинство своего Государства въ многочисленныхъ уже въ его время сношеніяхъ съ Европейскими Державами. Бракъ его съ Греческою Царевною Софіею (г. 1472), единственною отраслію Дома Греческихъ Императоровъ, являлъ Іоанна передъ Европою какъ бы наслѣдникомъ ихъ титула, тѣмъ болѣе, что и гербъ Греческой Имперіи принятъ имъ былъ въ Россіи; нерѣдко въ грамматахъ иноземныхъ его именовали Императоромъ, хотя онъ и не употреблялъ сего титула. Іоаннъ увѣнчалъ свои подвиги тѣмъ, что далъ (г. 1497) Государству, имъ собранному, новые законы, общіе для всѣхъ частей, и долженствовавшіе держать и крѣпить союзъ ихъ. Провидѣніе даровало ему, для совершенія сихъ великихъ дѣлъ, и царствованіе продолжительное: онъ 43 года (отъ 1462—1505) управлялъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, судьбами Россіи.

110. Между царствованіемъ Іоанна Великаго, и внука его, Іоанна Грознаго, находится 28-ми-лѣтнее (1505 — 1533) царствованіе Василія, сына перваго и отца втораго Іоанна, и память Василія не затмѣвается блескомъ великихъ дѣлъ, совершенныхъ его отцемъ и его сыномъ: онъ былъ достойнымъ продолжателемъ царствованія перваго, такъ-какъ и достойнымъ предшественникомъ второму. Послѣдуя неуклонно осторожной и терпѣливой, но твердой политикѣ отца, Василій болѣе и болѣе утверждалъ единство во внутреннемъ составѣ новаго Государства и возвышалъ достоинство онаго въ сношеніяхъ внѣшнихъ; послѣдніе остатки удѣльной системы, Псковъ (г 1510) и Рязань (г. 1517), кончили свое полузависимое бытіе и слились въ одно съ Москвою, и мятежная Казань снова должна была (г. 1531) признать зависимость отъ Россіи, наложенную на нее Іоанномъ Великимъ. Власть единодержавная достигла полной зрѣлости своей. Князья и роды ихъ, какъ и самъ Великій Князь, потомки Ярослава, служили ему наравнѣ съ прочими подданными и считали наградою за свою службу титло Боярина при Дворѣ его. Въ народѣ болѣе и болѣе забывались ихъ прежнія права и порода: Русскіе со временъ Іоанна Великаго привыкли видѣть въ потомкахъ прежнихъ Удѣльныхъ Князей — подданныхъ, какъ и они — Государя Московскаго. Сію полноту власти оставилъ Василій въ наслѣдіе трехлѣтнему младенцу, сыну своему, Іоанну; но вмѣстѣ съ тѣмъ оставилъ ему и партіи, образовавшіяся при Дворѣ Василія, въ особенности послѣ его вторичнаго супружества съ Еленою Глинскою, дочерью Литовскаго выходца; оставилъ ему и обычай, уже съ этого времени перешедшій въ учрежденіе государственное — достопамятное *Мѣстничество*, которое въ событіяхъ послѣдующихъ до исхода XVII вѣка играетъ столь важную роль; учрежденіе котораго корни глубоко были пущены во нравы и мнѣнія народа, такъ-что ни Іоаннъ Грозный со всею силою своей неограниченной и страшной воли, ни Годуновъ, съ своимъ необыкновеннымъ умомъ государственнымъ, ни Михаилъ, ни Алексѣй, не могли истребить зла, пока время, родивъ новыя потребности и отношенія гражданскія и государственныя, не одолѣло его, и оно, многоглавое и многорукое чудовище, смирилось передъ однимъ словомъ добродушнаго Царя Ѳеодора Алексѣевича (г 1682), и съ покорнымъ безмолвіемъ смотрѣло, какъ огонь истреблялъ основанія правъ мѣстническихъ запутанныхъ споровъ, *Разрядныя книги*.

111. При воздвигшейся и утвердившейся въ Россіи единодержавной власти, судьба Государства, уже непосредственно зависѣла отъ свойствъ Самодержца. Природа произвела Іоанна необыкновеннымъ, геніяльнымъ человѣкомъ; воспитаніе погубило его геній, прорывавшійся только по временамъ сквозь густыя тучи злодѣйствъ и разврата. Жизнь сего Грознаго Іоанна, перваго Царя Русскаго, вся принадлежитъ Исторіи отъ нѣжнаго младенчества до кончины, застигшей Царя еще не въ дряхлой старости (ему было 53 года); но крѣпость тѣлесная, которою по наружности обладалъ онъ, уже подрыта была бурею страстей и пылкостію вожделѣній. Исторія жизни Іоанновой есть Исторія Россіи въ его 50-ти-лѣтнее царствованіе.

112. Времена перваго младенчества его отъ 1533—1538 были временами правительствованія его матери, Елены Глинской, и временщиковъ, любимцевъ ея, особенно Князя Оболенскаго. Эти времена достопамятны по своимъ послѣдствіямъ: во время правительствованія Елены, въ первый разъ обозначается явственно возникнувшая со временъ Іоанна III новая преграда полному развитію самодержавія. Великій Князь Московскій и всея Руси не имѣлъ уже себѣ соперниковъ въ Удѣльныхъ Князьяхъ: ихъ не было; но взамѣнъ ихъ устроилась и утвердилась тяжелая аристократія, частію изъ потомковъ прежнихъ Удѣльныхъ Князей, частію изъ Боярскихъ родовъ, съ намѣреніемъ прежде возвышаемыхъ Князьями Москвы, чтобы важностію этихъ родовъ уравновѣсить важность родовъ прежнихъ Удѣльныхъ Князей, и замѣнить аристократію породы аристократіею службы; но тогда оба эти начала и основанія правъ на знаменитость, на предпочтеніе, смѣшавшись, еще болѣе запутали дѣло и усугубили зло. Дворъ Правительницы, жены легкомысленной, полонъ былъ крамолъ и боренія партій; при нетвердыхъ еще началахъ единодержавія наслѣдственнаго въ одной нисходящей линіи, правительство Елены считало нужнымъ, для безопасности своей, умертвить обоихъ дядьевъ Іоанна, и злодѣйство было совершено; оно простерлось и на другихъ, неугодившихъ Правительницѣ или ея любимцу; беззаконныя притѣсненія возрастали; народъ стенялъ отъ безнаказаннаго самовластія олигарховъ; но въ дѣлахъ внѣшней политики, въ сношеніяхъ и войнахъ съ Литвою, Крымомъ, Казанью, Россія еще являлась сильною.

113. Второй періодъ жизни Іоанна, отъ 1538—1547, по смерти матери, есть несчастнѣйшій періодъ и для него и для Россіи:

въ немъ основаніе зла, которое пустило глубокіе корни въ душѣ державнаго отрока, родившагося съ пламенною душею. Правительница, при всей своей безпечности и склонности къ забавамъ и увеселеніямъ, была однакожъ лицемъ, въ которомъ все сосредоточивалось, и предъ которымъ должна была смиряться гордыня вельможъ; но, по ея кончинѣ, ступени престола Русскаго сдѣлались поприщемъ, на которомъ дѣйствовали, кипѣли страсти: зависть, властолюбіе, хищничество, насилія всякаго рода. Временщики возвышались и упадали, преслѣдовали, губили другъ друга, и особенно Князья Шуйскіе отличались неистовымъ властолюбіемъ, грабительствомъ и жестокостями, которыхъ и Россія и самъ Государь были жертвою. Это было время, столь выразительно въ Исторіи Русской, называемое временемъ *боярскихъ смутъ*. Исполненная волненій и безпорядка внутренняго, Россія потеряла уваженіе сосѣдовъ: вторженія Крымцевъ, Казанцевъ, Ногаевъ, еще смирявшихся предъ Россіею и во время Правительницы, сдѣлались часты и опустошительны. Сіи бѣдствія въ настоящемъ угрожали будущностію, еще болѣе бѣдственною: Іоаннъ возрасталъ и развивался быстро; но временщики отравили его младую душу, тѣшили, забавляли юнаго Государя, чтобы болѣе удержать его подъ своею беззаконною опекою, и безсмертный духъ его угасалъ, окованный буйной праздностію и безчиніемъ. Сѣмена, посѣянныя злобою, принесли плоды достойные, и Шуйскіе первые вкусили сіи плоды: одинъ (Князь Андрей) растерзанъ былъ по повелѣнію Іоанна, уже чувствовавшаго, что онъ властелинъ; другихъ постигли казнь, опала, ссылка и заточеніе вмѣстѣ съ друзьями ихъ и приверженцами. Въ семъ первомъ обнаруженіи собственной власти Іоанна (г. 1544) видно не дѣйствіе Правительства строгаго и справедливаго, — не законъ каралъ здѣсь преступныхъ самовластителей, а страсть, собственная ненависть молодаго Государя, который считалъ потворство ему отъ Шуйскихъ обязанностію, а неизбѣжное въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопротивленіе его волѣ, уже начинавшей не полагать себѣ предѣловъ—оскорбленіемъ (*). Глинскіе, дядья Іоанновы по матери, завидуя могуществу Шуйскихъ, раздували сію страсть и ненависть въ его сердцѣ, и воспользовались паденіемъ Шуйскихъ. Передавъ имъ управу государственную,

(*) Карамзинъ.

Іоаннъ, вполнѣ освобожденный отъ ненавистной опеки, предался совершенно пылу страстей своихъ; гулялъ и молодечествовалъ еще два года (до 1547); и ни что лучше не доказываетъ, съ какою великою душею рожденъ былъ Іоаннъ, какъ то, что въ сіи годы сиротства, безотчетной праздности и буйныхъ наслажденій, душа его еще сохранила въ себѣ способность для великихъ дѣлъ и думъ; сохранила еще столько силы, чтобы вырваться, по крайней мѣрѣ на-время, изъ цѣпей разврата. Іоаннъ переродился духомъ съ 1547; а къ такому перерожденію способны только люди, крѣпкіе духомъ.

114. Умилительно было сіе перерожденіе! Торжественное вѣнчаніе на царство, которымъ Іоаннъ желалъ освятить власть свою; супружество, соединившее судьбу перваго Царя Россіи съ существомъ, украшеннымъ всѣми любезнѣйшими качествами сердца; пожаръ, испепелившій Москву, и бунтъ, вслѣдъ за симъ злоумышленниками произведенный; пророческія вѣщанія и смѣлые, горькіе укоры Царю Іерея Сильвестра, и дружескія внушенія добродѣтельнаго и просвѣщеннаго Адашева, и, наконецъ, благородная человѣческая природа, возгнушавшаяся пустотою шумныхъ и буйныхъ наслажденій, произвели въ 17-ти-лѣтнемъ Іоаннѣ благодѣтельную перемѣну, и юное сердце Царя отверзлось для добра и славы непорочной. Отселѣ тринадцатилѣтній (отъ 1547 — 1560) періодъ его царствованія—самый блистательный періодъ въ его жизни и въ судьбѣ Государства.

115. Отогнавъ отъ себя товарищей своихъ прежнихъ шумныхъ забавъ, Царь окружилъ себя людьми благодушными; съ ними вмѣстѣ весь предался высокимъ заботамъ и трудамъ державнымъ, и совершилъ великія дѣла, которыя ручаются ему за безсмертіе въ Исторіи. Годъ 1550 ознаменованъ былъ изданіемъ *Судебника*, полной системы нашихъ древнихъ законовъ, сообразныхъ съ потребностями времени, и *Стоглава*, который содержалъ въ себѣ узаконенія, до управленія церковнаго относящіяся. Устроивъ Державу свою по двумъ важнѣйшимъ частямъ внутренняго управленія, гражданской и духовной, Іоаннъ имѣлъ желаніе и намѣреніе просвѣтить ее: учредилъ въ Москвѣ первую Русскую типографію (г. 1553) и завелъ училища какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ городахъ, для образованія духовныхъ, яко первыхъ наставниковъ народа; но обширный планъ общаго образованія народнаго вызовомъ изъ Германіи великаго числа ремесленниковъ и художниковъ,

врачей, типографщиковъ, ученыхъ, не исполнился, отъ низкой зависти Ливонскихъ Нѣмцевъ, боявшихся просвѣщенія Россіи. Вмѣстѣ съ сими дѣлами внутренняго преобразованія, Государь давалъ уже чувствовать силу своего оружія непріятелямъ внѣшнимъ, которые забыли могущество Россіи во время его малолѣтства и боярскихъ смутъ, и тревожили ее безнаказанно своими вторженіями. Казань первая обратила на себя его вниманіе, и послѣ упорнаго, храбраго сопротивленія, пала къ подножію его престола (г. 1552), а вскорѣ за нею (г. 1554) пала и Астрахань, такъ, что Іоаннъ въ короткое время увидѣлъ себя обладателемъ знатнѣйшней части Батыева Царства, и раздвинулъ вдругъ свои владѣнія на В. до Каменнаго пояса и на Ю. до подошвы Кавказа, обезопасивъ на-вѣки съ сей стороны Россію отъ внезапныхъ вторженій, нарушавшихъ ея внутреннее спокойствіе и препятствовавшихъ преспѣянію государственному. Въ то же время, какъ Россія, вмѣстѣ съ юнымъ, обожаемымъ Царемъ своимъ ликовала и наслаждалась заслуженнымъ торжествомъ надъ непріятелемъ, столь долго страшнымъ ей, столь долго предписывавшимъ ей законы, прибывшее въ устье Сѣверной Двины (г. 1553) Англійское судно послужило основаніемъ первой Русской торговлѣ и первымъ непосредственнымъ нашимъ связямъ съ Западною Европою.

116. Безопасный и сильный съ В., Царь устремилъ, подобно дѣду своему, оружіе на З., на Ливонію, и по давней враждѣ съ сею страною (Кн. I. Гл. XIII, 136), и по справедливымъ нашимъ жалобамъ и неудовольствіямъ на Орденъ, завистливо старавшійся заслонить Европу отъ Россіи, и по могущественному, наконецъ, желанію утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря. Передъ началомъ сей войны кровопролитной совершилось (г. 1556) новое, важное государственное учрежденіе: введена была правильнѣйшая система сбора воиновъ узаконеніемъ, которымъ положено было, что всякій владѣлецъ 100 четвертей *угожей* земли долженъ былъ итти въ походъ на конѣ и въ полномъ вооруженіи, или поставить вмѣсто себя другаго, или внести въ казну положенную за то цѣну, и которымъ опредѣлено было во время похода давать всѣмъ жалованье. Симъ способомъ Іоаннъ и привелъ въ извѣстность и увеличилъ свои военныя силы, такъ-что, имѣвъ подъ Казанью 150,000, онъ могъ вскорѣ вывести въ поле до 300,000 воиновъ конныхъ и пѣшихъ. Послѣдніе, именовавшіеся *стрѣльцами*, составляли уже безсмѣнное войско и размѣщены были по городамъ,

особенно по пограничнымъ. Такими-то силами могъ располагать Государь, когда рѣшился ударить на Орденъ! Война началась (г. 1558) и продолжалась успѣшно; битвою при Феллинѣ (г. 1561) рушилось бытіе Ордена, и предпослѣдній Гросмейстеръ, старецъ Фирстенбергъ, еще прежде сдавшій свое достоинство юному Кетлеру, плѣнникомъ увезенъ въ Россію и кончилъ въ ней дни свои. Іоаннъ близокъ былъ къ той цѣли, къ которой стремился дѣдъ его; слѣдствія отъ утвержденія владычества Россіи *тогда же* на берегахъ Балтійскаго моря были бы безмѣрны; но уже снова измѣнялась душа Царя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьба Царства должна была измѣниться.

117. Тяжкая болѣзнь Іоанна (1553) въ цвѣтѣ юности и на верху славы, приблизившая его къ краю гроба, открыла ему строптивость вельможъ, которые при одрѣ умирающаго Государя хотѣли распоряжать престоломъ и отказывались присягать въ вѣрности первому, и тогда еще единственному его сыну, младенцу Димитрію. Потрясеніе, какое должна была испытать при семъ событіи пылкая душа Іоаннова, произвело спасительный переломъ въ его болѣзни; Царь воскресъ; возвратилось къ нему цвѣтущее здоровье и, по видимому, прежнее свѣтлое спокойствіе и ясность духа; но въ глубину души его запало горькое чувство недовѣрчивости и подозрѣній; къ большему несчастію, самые близкіе къ сердцу его люди, Сильвестръ и Адашевъ, вели себя въ семъ случаѣ двусмысленно. Здѣсь первая причина перемѣны. Другая причина была утрата обожаемой супруги: Царица Анастасія скончалась (г. 1560), и въ ней лишился Іоаннъ ангела-хранителя своей душевной чистоты. Третія и главная причина находится въ самомъ характерѣ Іоанна, гнѣвномъ, необузданномъ, обуреваемомъ порывами страстей пламенныхъ, склонномъ къ деспотизму. Сіи свойства прорывались и въ самыя минуты свѣтлаго торжества и радостныхъ ощущеній. Такъ, по словамъ Курбскаго «онъ отрыгнулъ нѣчто неблагодарно», и разгнѣванный однимъ Воеводою, сказалъ вельможамъ «нынѣ оборонилъ мя Богъ отъ васъ» — слова знаменательныя, обнажающія тайну души Іоанновой. Въ пространствѣ времени отъ 1547 до 1561, и юность цвѣтущая, эта Поэзія жизни, когда человѣкъ столь расположенъ бываетъ къ ощущеніямъ возвышеннымъ и благороднымъ, и счастливое супружество, и ободрительное сознаніе великихъ дѣлъ, имъ совершенныхъ, и всѣ обстоятельства стеклись къ тому, чтобы, если не истребить въ Царѣ дурныя качества, глубоко вко-

реченныя пагубнымъ воспитаніемъ, то по крайней мѣрѣ остановить, сдѣлать неумѣстнымъ, невозможнымъ ихъ обнаруженіе. Обстоятельства перемѣнились съ 1561 года. Самые успѣхи счастливыхъ 13 лѣтъ сдѣлали его самонадѣяннѣе, горделивѣе, и уже не совѣтовъ требовалъ Іоаннъ отъ своихъ окружающихъ, а повиновенія безмолвнаго. Сіе направленіе и расположеніе духа было замѣчено людьми, искавшими возвыситься, низкими завистниками благодѣтельнаго могущества Сильвестра и Адашева при Царѣ; клевета употребила свои усилія, чтобы погубить ихъ во мнѣніи Государя и удалить отъ лица его; это удалось вполнѣ, тѣмъ болѣе, что Іоанну уже противны были смѣлыя противорѣчія сихъ совѣтниковъ добра и правды; онъ уже видѣлъ въ сихъ противорѣчіяхъ не желаніе блага Царству и Царю, а одно преступное сопротивленіе его волѣ, и раскаявался какъ бы въ грѣхѣ какомъ, что послѣдовалъ нѣкогда внушеніямъ благодушныхъ любимцевъ. Другіе люди окружили Государя; старались увлечь его на прежній путь наслажденій шумныхъ, столь сообразныхъ съ его характеромъ необузданнымъ; старались унизить его нравственное человѣческое достоинство, чтобы легче овладѣть имъ, и восторжествовали.

118. Отселѣ исторія царствованія Іоаннова есть смутная и отвратительная повѣсть его насилій и злодѣйствъ до самой кончины (г. 1584). Окруживъ себя толпою злодѣевъ, гнусныхъ льстецовъ и клеветниковъ; заслонивъ себя отъ народа особенными тѣлохранителями, страшными *Опричниками* (г. 1565), Іоаннъ какъ бы отдѣлился отъ Государства. Назначивъ для себя лично разные города и волости и часть Москвы подъ именемъ *Опричнины*; назначивъ себѣ особенные доходы и опредѣливъ особенныхъ чиновниковъ для управленія Опричнины, все прочее, т. е. все Государство, подъ именемъ *Земщины*, отдалъ въ завѣдываніе земскимъ боярамъ и предалъ его на расхищеніе своимъ новымъ любимцамъ и Опричникамъ. Гонимый изъ Кремля, изъ самой Москвы великими воспоминаніями старины, воспоминаніями свѣтлыхъ лѣтъ своего собственнаго царствованія, Іоаннъ удалился съ своими Опричниками въ Александровскую слободу, и оттуда пріѣзжалъ по временамъ въ столицу для казней и мучительства. Опричники были обвинителями, судіями и палачами; они же и пользовались плодами своихъ насильствъ: имѣнія казненныхъ и опальныхъ доставались имъ. Клевета сдѣлалась ремесломъ, промысломъ прибыльнымъ, средствомъ показать усердіе къ Царю и заслужить его благоволеніе. Хотя чрезъ семь лѣтъ

(г. 1572) орудіе тиранства, Опричнина, была уничтожена, но Іоаннъ и послѣ того не пересталъ быть тираномъ. Не одни вельможи, которыхъ онъ ненавидѣлъ, думая видѣть въ нихъ крамольниковъ; а духовные, города, цѣлыя области, разныя сословія народа, разные возрасты: и младенцы и старцы и слабыя жены испытали на себѣ дѣйствія яраго гнѣва Грознаго Царя, который, по словамъ Лѣтописи: «овыхъ убивая, иныхъ же заточенію предавая, и тако «многа лѣта во дни живота своего провождая, и наконецъ же ста«рости пришедъ, нрава же своего никако премѣнити возможе.» — Страдая въ настоящемъ, Русскіе должны были трепетать и за будущее. Два сына были у Іоанна: младшій, Ѳеодоръ, слабый и тѣломъ и духомъ, и старшій, соименный отцу и любимецъ души его, подобіе Грознаго и умомъ и характеромъ, участникъ и товарищъ его злодѣйствъ. Онъ погибъ (г. 1582) отъ руки отца въ пылу его ярости; и обременивъ новымъ, рѣдкимъ преступленіемъ свою, и безъ того уже злодѣйствами отягченную память, Іоаннъ сыноубійствомъ, можетъ быть, спасъ Россію отъ втораго ужаснаго царствованія. Въ наши дни, подъ сѣнію Правительства, твердаго своею благостію и любовію народа, сей Россійскій Калигула получилъ своего Тацита, который съ такою же, какъ и знаменитый Римскій историкъ, святою ненавистію къ пороку, представилъ тиранство Іоанново во всей отвратительной наготѣ его — «да видя содрогаемся!» (*).

119. Среди такихъ событій внутреннихъ, внѣшнія предпріятія не могли быть ни славны, ни успѣшны. Война Ливонская, занимавшая Россію во все остальное время Іоаннова царствованія, становилась годъ отъ году запутаннѣе и многосложнѣе до того времени, пока содѣлалась она источникомъ незаслуженнаго Россіею униженія, до котораго онъ довелъ свою Державу. Послѣ рѣшительной битвы Феллинской, Кеттлеръ, видя невозможность сопротивляться силѣ Россійскаго Государя, сложилъ съ себя достоинство Гросмейстера (г. 1561), и сдалъ Орденскую землю Сигизмунду, Королю Польскому, признавъ себя вассаломъ сего Государя и получивъ въ наслѣдственное владѣніе Курляндію съ титуломъ Герцогства; съ другой стороны, въ то же время, Эрикъ, Король Шведскій, занялъ своими войсками береговую часть Эстляндіи отъ

(*) Карамзинъ.

Ревеля до Нарвы; сверхъ того, и Данія вмѣшалась въ войну сію, по своему соперничеству съ Швеціею (Кн. I. Гл. XIII. 136). Такимъ образомъ Ливонія сдѣлалась для Государствъ сѣверовосточной Европы тѣмъ же, чѣмъ былъ Медіоланъ для Европы югозападной (58 — 60): точкою соприкосновенія для четырехъ Государствъ: Россіи, Польши, Швеціи и Даніи. Споры и войны между ними за Ливонію въ теченіе 25 лѣтъ (г. 1558 — 1583) служатъ первымъ проявленіемъ идеи о политическомъ равновѣсіи на СВ. Европы; усилія. Швеціи и Польши имѣли цѣлію не дать Россіи утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря и пріобрѣсть себѣ перевѣсъ рѣшительный — и въ семъ состоитъ важность ихъ относительно къ общей Исторіи Европы. Послѣднимъ торжествомъ Русскаго оружія въ войнѣ Ливонской, съ которою слилась тогда война противу Сигизмунда II, Короля Польши и Литвы и защитника Ливоніи, было взятіе Полоцка (г. 1563), сего древняго удѣла Рогнѣдиныхъ потомковъ, во времена слабости и междоусобій отторженнаго Литвою въ XIV вѣкѣ, и составлявшаго тогда достояніе Сигизмунда. Отселѣ, то незначащія битвы съ Литвою и Шведами, прерываемыя переговорами о мирѣ, то явныя неудачи, и сила оружія царскаго обнаруживалась только въ томъ, что онъ жегъ несчастную Ливонію. И между тѣмъ, какъ Іоаннъ, не смотря на свои усилія, уже явно оттѣсняемъ былъ отъ желанныхъ береговъ Балтійскаго моря; между тѣмъ, какъ жестокости его тиранства лишали Россію добрыхъ воеводъ, умиравшихъ или въ мукахъ казней, или бѣжавшихъ отъ его яраго гнѣва, Крымскіе Татары начали дерзновенно опустошать южные края Государства, и — уже отвыкшая видѣть непріятелей въ нѣдрахъ своихъ—Россія съ ужасомъ увидѣла новое нашествіе Хана Крымскаго (г. 1571). Менѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ предъ симъ завоеватель Казани и гроза Татаръ, Іоаннъ долженъ былъ выслушать наглыя требованія Девлетъ-Гирея о возстановленіи Царствъ Батыевыхъ и о платежѣ дани по прежнему: такъ унизилъ Государь достоинство свое и Россіи! Въ довершеніе уничиженія и позора, Девлетъ-Гирей быстро перелетѣлъ пространство отъ Крыма до предѣловъ Москвы, ознаменовавъ свой путь пожарами и опустошеніемъ. Россія была въ трепетѣ, въ опасности снова подвергнуться позорному Татарскому игу, и что же сдѣлалъ Царь въ эту годину, когда требовалось великодушія и рѣшительности?—Онъ бѣжалъ съ своею Опричниною отъ Серпухова мимо Москвы, спасая только себя, и мало-

душно оставляя и столицу и Россію на разграбленіе непріятелю. Смятенные Воеводы Іоанновы поспѣшили съ береговъ Оки на защиту престольнаго города, но не могли сохранить его отъ разоренія, небываламо со временъ Тохтамышевыхъ. Девлетъ-Гирей испепелилъ Москву и, обремененный добычею и плѣнниками, возвратился восвояси, а оттуда прислалъ Царю граммату, которою повторялъ свои требованія, и грозилъ, въ случаѣ неисполненія оныхъ, новымъ нашествіемъ. Іоаннъ *билъ челомъ* Хану и молилъ его не тревожить Россіи, обѣщая уступить Астрахань при окончательномъ заключеніи мира. На другой годъ (1572) новое нашествіе, подобное первому. Уже Ханъ переправился чрезъ Оку, помчался знакомымъ путемъ къ Москвѣ, и уже назначалъ въ стѣнахъ едва возникшей изъ своего пепла столицы домы для вельможъ своихъ; а между тѣмъ Царь трепеталъ отъ сихъ вѣстей въ Новѣгородѣ, и старался утопить свою муку душевную въ шумныхъ пирахъ и казняхъ, снова оставляя Царство на произволъ судьбы. Побѣдитель Казани, Князь Воротынскій, знаменитый мужъ и брани и совѣта, уже испытавшій надъ собою опалу (г. 1562), почти четыре года томившійся въ ссылкѣ и потомъ возвращенный (г. 1565), спасъ въ семъ случаѣ и Царство и Царя. Упорная и кровопролитная битва на берегахъ Лопасни (въ 50 верст. отъ Москвы), рѣшилась въ пользу и во славу Русскихъ. Воротынскій своею побѣдою укрѣпилъ за Россіею и Казань и Астрахань, отмстилъ за разореніе Москвы и смылъ безчестіе минувшаго года съ Русскаго имени. Сей первоначальникъ Іоанновой славы въ Казанскомъ походѣ и сей избавитель Россіи во времена стыда и бѣдствія Крымскаго, чрезъ десять мѣсяцевъ (г. 1573) послѣ своей спасительной побѣды, измученъ былъ жесточайшими пытками, и скончался новой, великою жертвой тиранства Іоаннова.

120. Побѣда на берегахъ Лопасни есть единственное знаменитое событіе въ промежуткѣ времени отъ 1563 до 1572 года. Избавивъ отъ великой опасности Россію и ободривъ духъ народа, она примѣтно дѣйствовала и на духъ Іоанна, который, въ отношеніяхъ своихъ къ Польшѣ и Швеціи, заговорилъ голосомъ болѣе горделивымъ и рѣшительнымъ. Положеніе обоихъ сихъ Государствъ ободряло его къ тому: Польша, по смерти Сигизмунда II (г. 1572), была безъ главы, и Іоаннъ простиралъ на занятіе Польскаго престола свои надежды, подкрѣпляемый въ нихъ и партіею въ Польшѣ, по видимому расположенною въ пользу его; а въ Швеціи

Іоаннъ Ваза, свергнувъ брата своего, Эрика, съ престола (г. 1568), трепеталъ и его приверженцевъ, разногласилъ и съ государственными чинами и съ цѣлою націею по причинѣ своей приверженности къ Католицизму, приверженности, которая внушаема ему была его супругою, Екатериною Ягеллонъ, и Іезуитами, привезенными ею изъ Польши, и которая непріятна и опасна была для Протестантской Швеціи. По симъ причинамъ ни Швеція, ни Польша не имѣли возможности препятствовать дѣйствіямъ Іоанновымъ на берегахъ Балтійскаго моря, и онъ снова на свободѣ громилъ Ливонію и Эстонію; города, опаленные и разоренные, падали подъ власть его; но обстоятельства ужасно перемѣнились съ 1578 года. Въ 1574 г. избранъ былъ на престолъ Ягеллоновъ Князь Трансильванскій Стефанъ Баторій. Сей Государь есть одинъ изъ весьма немногихъ знаменитыхъ властителей, которыхъ имѣла Польша по учрежденіи въ ней избирательнаго Правленія, въ теченіе слишкомъ 200 лѣтъ, до утраты своей государственной самобытности.

121. Баторій, при вступленіи на престолъ Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго, обѣщался Сейму унять сосѣдей и не дать имъ усилиться съ опасностію для Литвы и Польши: онъ имѣлъ и силу и волю сдержать свое слово. Обративъ полки свои на смиреніе взбунтовавшейся Пруссіи, Баторій не могъ воспрепятствовать Іоанну опустошать Ливонію; но не упускалъ изъ виду ни одного изъ его дѣйствій; пересылался съ нимъ грамматами, трактовалъ о мирѣ; но миръ невозможенъ былъ при неумѣренныхъ требованіяхъ и высокомѣріи съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ началась война кратковременная (съ 1578—1582), но достопамятная и тратами и уничиженіемъ, до котораго довелъ себя Царь малодушный. Іоаннъ не довѣрялъ доблестямъ своего народа, не полагался и на искусство Воеводъ, ибо достойнѣйшіе или были имъ изгублены, или бѣжали отъ него и измѣняли отечеству; но при всемъ томъ не уставалъ и въ сіе грозное для Россіи время тиранствовать, думая во всѣхъ окружающихъ видѣть враговъ своихъ и предателей. Обратное завоеваніе Полоцка (г. 1579) было первымъ дѣйствіемъ оружія Баторіева; на другой годъ войска его, вступивъ въ Псковскую область, покорили и разорили многіе города въ оной; на третій предпринята осада Пскова. Въ то же время Шведы, союзники Баторія, отнимали у насъ Эстонскія завоеванія и угрожали Новугороду. Россія дѣйствительно была въ опасности, но еще имѣла средства отъ нея избавиться

со славою: имѣла воинство, какого не было у обоихъ вмѣстѣ враговъ ея ни по числу, ни по мужеству; имѣла преданность къ Царю своему, хотя и мучителю. Но Царь не видѣлъ сихъ средствъ и не вѣрилъ имъ; унижался передъ Баторіемъ, молилъ его о мирѣ и пощадѣ, какъ-будто уже находился въ послѣдней крайности изнеможенія, и тѣмъ давалъ поводъ своему непріятелю возвышать требованія, и вмѣсто того, чтобы способовъ къ избавленію себя отъ опаснаго врата искать вокругъ себя, въ своей Россіи, думалъ найти ихъ въ помощи посторонней, у Императора Нѣмецкаго, у Папы. Если бы Псковъ не устоялъ передъ Баторіемъ, и тѣмъ не отстоялъ Россіи, отечество въ сей войнѣ безславной лишилось бы многаго, но утомленный тщетною и долговременною осадою сего города, мужественно защищаемаго и собственными жителями и войсками царскими; затрудненный въ дѣлахъ своихъ и разномысліемъ мятежнаго Сейма Польскаго, который не понималъ цѣли войны и не поддерживалъ успѣховъ своего Короля пожертвованіями и усиліями собственными, Баторій вступилъ наконецъ въ переговоры о мирѣ (г. 1582), коего столь усильно и съ такимъ уничиженіемъ Царь домогался. Слѣдствіемъ сихъ переговоровъ было то, что Ливонія утверждена за Польшею, а Швеція получила Эстляндію, и такимъ образомъ малодушіе Іоанна, слѣдствіе его подозрительной недовѣрчивости, погубило плоды 24-хъ-лѣтнихъ его собственныхъ усилій, и Россія снова отодвинута была отъ береговъ Балтійскаго моря, — отъ Европы и отъ образованія.

122. Но въ то время, какъ Іоаннъ позорилъ себя недостойнымъ уничиженіемъ передъ Королемъ Польскимъ и терялъ свои полезныя завоеванія на З., совершилось, безъ его вѣдома и даже противу его воли, славное, почти чудесное завоеваніе на В.—Ермакъ, атаманъ шайки удальцовъ, разбойничавшихъ съ нимъ на Нижней Волгѣ, отправился съ 850 храбрыхъ сподвижниковъ изъ Строгановскихъ селеній вверхъ по Чусовой (1 Сент. 1581), перешелъ чрезъ Каменный поясъ и покорилъ Сибирь, Царство, образовавшееся также изъ огромной Монархіи Чингисхановой, и бывшее подъ властію рода Шейбанова, брата Батыю. Посланные Ермакомъ прибыли въ Москву «бить челомъ Іоанну Царствомъ Сибирскимъ,» въ то время (г. 1582), когда безславнымъ миромъ уже мы отдали свои Прибалтійскія завоеванія Полякамъ и Шведамъ, и великій неожиданный подвигъ Ермака сдѣлалъ то, что послѣдніе годы сего царствованія, бывшіе годами уничиженія, были вмѣстѣ и годами

славы безсмертной; но стыдъ уничиженія принадлежитъ Іоанну, а въ пріобрѣтеніи славы онъ не участвовалъ. Такъ, Іоаннъ Грозный останется замѣчательнымъ феноменомъ Исторіи народовъ и въ добрѣ и во злѣ, и царствованіе его есть великое время въ Исторіи Россіи. Изумительна его жестокость ненасытимая, безполезная; но въ этомъ огнѣ тиранства сгорѣли послѣдніе остатки, послѣдніе памятники бывшей раздѣльности; смяты, стоптаны были въ прахъ самыя воспоминанія какихъ бы то ни было притязаній прежнихъ Княжескихъ и сильныхъ боярскихъ родовъ, которые онъ систематически губилъ и унижалъ, дабы они, какъ онъ самъ говаривалъ «не государилися,» и возводилъ изъ ничтожества и возвышалъ надъ ними любимцевъ новыхъ. Такимъ образомъ, круто проведя надъ всѣмъ уровень своего деспотизма, Іоаннъ довершилъ полное и совершенное сліяніе расторженныхъ нѣкогда частей въ одно нераздѣльное Государство, и это Государство все жило и дѣйствовало одною безпредѣльною волею Царя. Играя правами, честію, жизнію своихъ подданныхъ, Іоаннъ довелъ деспотизмъ до самой его верховной, ужасающей степени, желалъ видѣть и достигъ до того, что видѣлъ вокругъ себя безмолвныхъ, трепещущихъ рабовъ; но губя все и всѣхъ, самъ приготовилъ гибель и рода своего и своего престола.

123. Судьба Россіи послѣ кончины Іоанна Грознаго осталась въ рукахъ сына его, Ѳеодора, слабаго тѣломъ, тихаго нравомъ и вовсе неспособнаго къ высокимъ обязанностямъ Самодержца; подлѣ него начиналъ свое несчастное и для себя и для Россіи бытіе младенецъ Димитрій, плодъ послѣдняго брака Іоаннова, неимѣвшій еще и полутора года, когда скончался его родитель. Россіи, слѣдственно, могли угрожать новыя бѣдствія: ибо не менѣе въ частномъ, а еще болѣе золъ въ государственномъ отношеніи производитъ слабость и неспособность Самодержца, дающая волю насильству и беззаконію; такъ времена Клавдія въ Римѣ ни сколько не были счастливѣе временъ Калигулы. Зная совершенно качества своего преемника, Іоаннъ, столь постоянно и столь неутомимо преслѣдовавшій вельможъ, долженъ былъ отдать подъ ихъ же опеку и сына и Державу: составлена была изъ пяти Членовъ Верховная Дума, которая должна была думать и дѣйствовать за Царя. Можетъ быть, времена боярскихъ смутъ (113) повторились бы опять въ Россіи, если бы въ числѣ Членовъ Верховной Думы не былъ Годуновъ, младшій по званію и роду, но старшій по уму и

образованію, сильный по характеру и важный по близкому родству съ Государемъ: Царица Ирина супруга Ѳеодорова, напоминавшая Анастасію и красотою и добросердечіемъ, была сестра Годунова.

124. Въ грозныя времена царствованія Іоаннова возвысился Годуновъ, тогда еще юный. Среди буйнаго разврата и злодѣйствъ онъ одинъ стоялъ непороченъ въ толпѣ прочихъ любимцевъ Царя; одинъ умѣлъ и сохранить свою чистую славу и сохранить любовь Іоаннову. Въ первый же годъ новаго царствованія (г. 1584) онъ успѣлъ уничтожить Верховную Думу и овладѣть совершенно Царемъ, такъ-что Ѳеодоръ съ радостію передалъ изъ слабыхъ рукъ своихъ тяжкое для него кормило правленія въ твердую руку Годунова; охотно устранилъ себя отъ всѣхъ дѣлъ государственныхъ, «*избывая мірскія суеты и докуки*,» какъ говоритъ Лѣтопись; и Годуновъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и силѣ духа, одаренный и величественною сановитостію, и умомъ проницательнымъ, и дивнымъ даромъ слова, предался со всею полнотою души славолюбивой высокимъ заботамъ государственнымъ. Онъ былъ уже не просто любимецъ Царя, облеченный довѣренностію властителя, а настоящій *Правитель* Царства, извѣстный въ семъ качествѣ и въ дѣлахъ внутренняго управленія и во внѣшнихъ сношеніяхъ во все царствованіе Ѳеодора (отъ 1584 — 1598), повелѣвая его именемъ, но дѣйствуя своимъ умомъ.

125. И счастливо и славно было для Россіи сіе время царствованія Ѳеодорова и правительствованія Годунова. Государство вполнѣ одтыхало послѣ страшныхъ минувшихъ дней въ наступившіе тогда дни законности, спокойствія и довольства внутри; временщиковъ не было: Годуновъ все видѣлъ, вездѣ дѣйствовалъ. Съ непостижимымъ искусствомъ старался онъ сдѣлать власть свою любезною для народа, и оградить ея неприкосновенность. Смѣло и хитро удаляя и истребляя людей, опасныхъ для своего властолюбія, крамольныхъ завистниковъ своего могущества, онъ умѣлъ, съ другой стороны, не оскорблять боярской спѣси нѣкоторыхъ родовыхъ вельможъ, для него неопасныхъ; чествлъ ихъ, уступалъ имъ наружное первенство въ дѣлахъ ратныхъ и въ Думѣ Царской, и занимая въ ней только четвертое мѣсто, онъ былъ въ существѣ совершеннымъ ея повелителемъ. Онъ возобновилъ и распространилъ внѣшнія сношенія Россіи, которыя ведены были съ искусствомъ, съ достоинствомъ и твердостію.

126. Раздоры съ Польшею и Швеціею не прекратились, а только пріостановились въ послѣдніе годы Іоаннова царствованія, и если бы своевольные паны лучше постигали цѣль предпріятій Баторіевыхъ и слѣдствія его пріобрѣтеній для Польши, сей дѣятельный Государь не положилъ бы и тогда меча, и вынудилъ бы отъ Іоанна миръ еще постыднѣйшій. Ободренный робкою уступчивостію сего Государя, Баторій, въ царствованіе сына его, опять возобновилъ свои притязанія; распри за границы, не точно опредѣленныя въ 1582 году, начались снова; но «Россія нынѣ не старая» велѣлъ сказать Годуновъ Послу Польскому: «берегите отъ ея руки уже не Ливонію, не Полоцкъ, а Вильну.» Начались споры, объясненія, переговоры; съ обѣихъ сторонъ требовали многаго, чтобы послѣ уступать, и миръ подтвержденъ былъ на прежнихъ условіяхъ, а скорая кончина Баторіева (г. 1586) остановила дальнѣйшія предпріятія Польши. Освободясь отъ Поляковъ, уже смѣлѣе и рѣшительнѣе дѣйствовалъ Годуновъ противу Шведовъ, которые, по прежнему миру, владѣли большею частію нынѣшней Петербургской Губерніи. Началась война (1590): воинство многочисленное двинуто было и на Эстонію и на Финляндію, проникнувъ съ одной стороны до Ревеля, съ другой до Або. Король Іоаннъ просилъ мира, и Царь, «исполняя Христіанское моленіе Годунова,» даровалъ ему оный (г. 1591), возвративъ отъ Шведовъ и окрестности Ладожскаго озера (Корелу), и страны по теченію Луги и Плюсы. Естественно, что при благоустройствѣ и спокойствіи внутри, сіи дѣла внѣшнія, возвышавшія достоинство Государства, возвышали имя и власть Годунова: ибо все дѣлалось его именемъ, вся земля была «приказана ему отъ Самодержца.» Онъ еще возвысилъ и имя свое и свою власть важною перемѣною въ церковномъ управленіи, перемѣною, которая была слѣдствіемъ глубокихъ соображеній Годунова и могла имѣть важнѣйшія послѣдствія въ будущемъ.

127. Въ Русскихъ земляхъ по теченію Днѣпра и отъ Днѣпра къ З. Православіе слабѣло. Еще Витольдъ, Литовскій Великій Князь, желалъ и достигъ того, что Русскія земли по системѣ Днѣпра и Двины Западной, бывшія Княжества: Полоцкое, большая часть Смоленскаго и Черниговскаго, Кіевское и Галицкое, сдѣлавшіяся подвластными Литвѣ и Польшѣ съ XIV вѣка, отдѣлились отъ зависимости Москвы по дѣламъ церковнымъ: Кіевъ получилъ (г. 1416) особеннаго Митрополита, зависѣвшаго, какъ и Москов-

скій, отъ Патріарха Константинопольскаго. По паденіи Греческой Имперіи (г. 1453) власть и важность Константинопольскаго Патріарха уничтожились: онъ самъ находился подъ властію невѣрныхъ Турокъ, и слѣдственно тѣмъ менѣе могъ быть оградою Православія въ Руси Приднѣпровской и Придвинской. Это обстоятельство возобновило давнія надежды Папъ подчинить своей зависимости и Грековосточную Церковь, и перевести на себя власть Константинопольскаго Патріарха надъ нею. Русско-Литовскія страны представляли поприще самое вѣрное для успѣха, ибо здѣсь Папа могъ надѣяться на ревностное себѣ содѣйствіе со стороны свѣтской власти: Польскіе Короли давно желали сего соединенія Церквей, находя въ немъ ручательство за прочность владычества своего надъ этими землями, а новый Орденъ Іезуитовъ, пріобрѣтшій въ Польшѣ власть великую, могъ быть и полезнѣйшимъ и могущественнымъ орудіемъ въ исполненіи Папскихъ плановъ. Іезуиты уже дѣйствовали, уже подготовляли умы къ этой перемѣнѣ, распространеніемъ въ народѣ сочиненій, въ которыхъ коварно оспориваемы были догматы Греческой Церкви. Но твердый въ Православіи Русской народъ Приднѣпровскихъ странъ принималъ всѣ эти хитрыя усилія съ ропотомъ, и тѣмъ сильнѣе выражалось въ немъ желаніе соединиться съ родною Русью Московскою. Годуновъ постигъ всю важность, и въ религіозномъ и въ политическомъ отношеніи, отъ утвержденія средоточія Православія для Восточной Церкви въ Москвѣ, и вотъ на чемъ основалась мысль его воздвигнуть подлѣ престола Московскаго Царя престолъ Патріарха Московскаго и вся Россіи. Въ этомъ учрежденіи достоинства независимаго Первосвятителя на В. Годуновъ противопоставлялъ надежный оплотъ распространенію власти Западнаго Патріарха, и обезпечивалъ, не смотря на политическую отдѣльность и вражду, связь между Литовскою Русью и Московскою. Митрополитъ Іовъ, другъ Годунова, посвященъ былъ (г. 1589) въ Патріаршее достоинство рукою Патріарха Константинопольскаго. Новый глава духовенства Россійскаго и всего Православія въ Русскихъ земляхъ, важностію своего сана и своимъ вліяніемъ на набожнаго Царя, подкрѣплялъ важность и вліяніе Правителя, и отплатилъ ему, какъ увидимъ послѣ, за свой Святительскій вѣнецъ, вѣнцемъ Царскимъ.

128. Борисъ уже стремился дерзновенной мыслію къ сему вѣнцу. И какая человѣческая твердость устояла бы противу оболь-

стительной приманки: присоединить къ существу власти и имя и знаменія оной? Оставляя проклятію вѣковъ злодѣйство, Годуновымъ совершенное для достиженія цѣли, не должны ли мы согласиться, что онъ (другимъ Эдипомъ назвалибы его Древніе!) влекомъ былъ могущественно и неудержимо обстоятельствами къ тому поступку, который вознесъ его на верховнѣйшую ступень величія земнаго, и который потомъ сдѣлался казнію для него, для его семейства, для Россіи! Ѳеодоръ увядалъ на престолѣ; бракъ его оставался безплоденъ, и слабое здоровье Царя не обѣщало ни потомства отъ него для Россіи, ни ему жизни долголѣтней: смертію его должна была кончиться державная Рюрикова династія. Существовали еще отрасли сего Дома; но притязанія ихъ давно, давно уже были забыты и народомъ и, можетъ быть, ими самими, и потомки прежнихъ Княжескихъ родовъ были всѣ покорными слугами Борису. И сей Борисъ, въ теченіе 8 лѣтъ владыка Россіи, въ полной силѣ душевной и тѣлесной, отецъ прелестнаго, цвѣтущаго семейства, стоялъ подлѣ престола сего Царя, который самъ соблазнилъ его дотолѣ, можетъ быть, непорочную душу, отдавъ ему подъ явную опеку и себя и Царство; и между симъ престоломъ и Борисомъ находился осьмилѣтній младенецъ, плодъ сомнительнаго, седьмаго брака Іоанна Грознаго.

129. Кто проникнетъ глубокую тайну души Годунова, и скажетъ утвердительно, что, отсылая въ самый годъ вступленія Ѳеодорова на престолъ (1584) младенца Димитрія съ матерью въ городъ Угличъ, опредѣленный страннымъ завѣщаніемъ Грознаго въ удѣлъ Димитрію и его роду, уже Годуновъ мечталъ о коронѣ? Знаемъ ли мы свойства матери Царевича-младенца и ея родныхъ? Можемъ, по крайней мѣрѣ, сомнѣваться въ достоинствахъ Царицы Маріи, принимая въ соображеніе и эпоху, въ которую Іоаннъ вступилъ въ бракъ съ нею (г. 1580), и въ которую онъ едва ли былъ строгъ въ выборѣ себѣ супруги; зная и то, что черезъ годъ онъ наскучилъ ею и намѣревался вступить въ новый бракъ; зная и то, что въ годину, когда одно слово ея могло, обнаживъ страшную тайну, избавить Россію отъ бѣдъ, а ей пріобрѣсти безсмертіе, Царица-инокиня, уже непринадлежавшая міру, а принадлежавшая Богу, не имѣла столько душевной силы, чтобы смѣло вымолвить это слово истины, и въ Іюлѣ 1605 нарекла передъ лицемъ цѣлой Россіи сыномъ своимъ того, кого въ Маѣ 1606 столь же торжественно объявила обманщикомъ? Не можемъ ли посему думать, что

Годуновъ столько же для Россіи, сколько для себя, могъ опасаться пребыванія Царицы въ Москвѣ, чтобы не пріобрѣла она черезъ себя, или черезъ другихъ вліянія на слабаго Ѳеодора и на дѣла государственныя, и не подала бы повода къ происканъ и разномыслію вредному?

130. Между тѣмъ сіе удаленіе Царицы и сына ея въ Угличъ, сокрывъ, можно сказать, Царевича-младенца отъ взоровъ всѣхъ, сдѣлало его еще болѣе чуждымъ для народа. Едва ли кто думалъ о Царевичѣ и о будущихъ правахъ его на престолъ Россіи, кромѣ родныхъ его, матери и, можетъ быть, Годунова, который заботливо могъ обращаться безпокойной думою къ сему будущему Царю, и мыслить, что Ѳеодоръ унесетъ съ собою во гробъ и власть Борисову и его славу, и что преемникъ рѣдко бываетъ милостивъ къ любимцу предшественника. Семь лѣтъ уже протекло съ тѣхъ поръ, что супруга Іоаннова и сынъ ея жили уединенно въ Угличѣ, какъ Россія услышала, что Царевичъ убитъ (въ Маѣ 1591). Тайна, еще неудовлетворительно разгаданная историками, облекаетъ все сіе происшествіе; но голосъ народа нарекъ Годунова виновникомъ убійства; потомство подтвердило приговоръ, переданный ему современниками: ибо Борисъ воспользовался плодами убійства и возсѣлъ въ послѣдствіи на престолѣ, обагренномъ невинною кровію Димитрія; и съ клеймомъ его убійцы стоитъ Борисъ, дотолѣ непорочный, передъ судомъ Исторіи, строгимъ, но справедливымъ ли? По крайней мѣрѣ, если Годуновъ имѣлъ и готовилъ издавна сей адскій умыселъ, то вѣроятно, не медлилъ бы столь долго исполненіемъ и искуснѣе бы его выполнилъ.

131. Впечатлѣніе, произведенное кончиною Димитрія, изгладилось вскорѣ изъ мыслей двумя событіями, которыя случились почти въ одно время съ симъ, и которыя гораздо ближе были къ сердцу народа, чѣмъ смерть почти забытаго уже и при жизни своей отрока: пожаръ ужаснѣйшій (въ Маѣ 1591), почти истребившій Москву, и нашествіе Крымскаго Хана, Казы-Гирея (въ Іюнѣ). Первое изъ сихъ двухъ несчастій дало случай Годунову явиться истиннымъ отцемъ и утѣшителемъ разоренныхъ Москвитянъ: казна царская щедро раздаваема была имъ отъ Правителя, и Москва воскресла скоро, благословляя имя Бориса, и сіе несчастіе къ столь великой пользѣ послужило ему, что дало поводъ къ сомнѣніямъ, не самъ ли онъ зажегъ Москву. Нашествіе Крымцевъ, наполнившее ужасомъ всю Россію, явило Годунова предъ народомъ съ

другой стороны: доселѣ знали и видѣли его думнымъ вельможею; здѣсь явился онъ свѣтлымъ воеводой, замѣняя дивнымъ умомъ недостатокъ опытности въ дѣлѣ ратномъ;—прибылъ въ станъ подъ Москвою, съ знаками почти царской власти, но, уступивъ мѣсто перваго предводителя опытнѣйшему полководцу, Князю Мстиславскому, назначилъ себѣ второе. Занимая сіе второе мѣсто, Годуновъ, распоряжалъ всѣмъ; бодрствовалъ и ободрялъ вождей и воиновъ, и въ виду столицы, подъ стѣнами самой Москвы, поразилъ непріятеля и обратилъ его въ стремительное бѣгство. Такимъ образомъ и сіе событіе послужило къ величайшей пользѣ Годунова, къ бо́льшему укрѣпленію вліянія его на умы народа; но ужели должно думать, что и здѣсь съ намѣреніемъ навелъ онъ Крымцевъ на Россію, чтобъ шумомъ ихъ оружія заглушить толки и говоръ о кончинѣ Димитрія? Таковая мудрость злодѣйства была бы непостижима!

132. Осіянный сей новой славою, Борисъ еще могущественнѣе властвовалъ надъ Россіею, возвышая ея достоинство государственное въ частыхъ сношеніяхъ съ Западомъ Европы, и съ Аббасомъ Великимъ, Персидскимъ Шахомъ; устрояя крѣпости на южной ея границѣ отъ Донца до Оки въ оборону отъ набѣговъ Крымскихъ, такъ-что разбойники Ханскіе не могли уже незамѣченными легко пробраться во внутренность Россіи для грабительства внезапнаго: изъ сихъ новыхъ крѣпостей конные отряды выѣзжали и сторожили границу въ лѣтнее время, которое Татары обыкновенно и избирали для своихъ набѣговъ; а на западной, со стороны Литвы, воздвиглась крѣпость Смоленская, для устроенія которой Годуновъ не жалѣлъ ни казны, ни искусства. Остальныя 7 лѣтъ царствованія Ѳеодорова были временемъ непрерывнаго спокойствія. «Въ тишинѣ велелѣпной,» какъ выражается Патріархъ Іовъ, цвѣла Россія въ сіи годы, шествуя впередъ и въ образованіи гражданскомъ и въ промышлености, которую поощрялъ и усиливалъ Борисъ, стараясь освободить ее отъ монополіи Англичанъ, и даровать всѣмъ народамъ равное участіе и равныя права на Русской торговлѣ; торговля распространялась отъ успѣховъ внутренней промышленной дѣятельности, и для нея Сибирь, вновь покоренная (г. 1587 — 1597), уже начинала доставлять драгоцѣнные мѣха, предметъ удивленія иностранцевъ. Считая торговлю важнымъ источникомъ и набогащенія народа и доходовъ государственныхъ, Борисъ предупреждалъ мысль Петра Великаго, и имѣлъ уже въ

виду учрежденіе въ Россіи купеческаго мореплаванія и заведеніе собственныхъ кораблей. Среди сего невозмущаемаго благоденствія, тихо, какъ жилъ, скончался Ѳеодоръ (г. 1598), послѣдняя отрасль поколѣнія Рюрикова, 736 лѣтъ властвовавшаго въ Россіи, обязанной сему племени своимъ бытіемъ, именемъ и величіемъ (*).

(*) Карамзинъ.

Взглядъ на судьбу Россіи отъ перваго основанія ея бытія государственнаго до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ.

Отдѣленіе III, отъ прекращенія Рюрикова Дома до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ, отъ 1598 — 1613.

133. Чувство сиротства безнадежнаго и страшной неизвѣстности о томъ, что́ сулитъ Россіи мрачная будущность, должно было сдѣлаться общимъ чувствомъ: ибо не было *ни одного* человѣка, о которомъ бы можно было сказать, что онъ имѣетъ преимущественное и очевидное передъ другими право быть преемникомъ Ѳеодора. Политика Князей Москвы, въ теченіе 136 лѣтъ всегда одинаковая въ отношеніи къ прочимъ отраслямъ Рюрикова Дома, смѣшала ихъ съ обыкновенными боярскими родами, или даже поставила ниже оныхъ (110); казни и опалы въ царствованіе Грознаго унизили сіи отрасли еще болѣе, и престолъ Россіи при кончинѣ Ѳеодора стоялъ недоступенъ для притязаній ихъ забытаго родства. Ближе ихъ, и по мнѣнію многихъ, и по власти, былъ къ сему престолу Годуновъ, имѣя на своей сторонѣ и близкое родство съ послѣднимъ Царемъ, и 14 лѣтъ власти царской, бывшей въ его рукахъ безъ раздѣла и оспориванія.

134. Ѳеодоръ завѣщалъ царство супругѣ своей; но Ирина, убитая горестію, заключилась въ самый день погребенія Царева въ келліи Новодѣвичьяго монастыря, и чтобъ положить непреоборимую преграду между собою и престоломъ, постриглась. Вмѣстѣ съ сестрою заключился и Борисъ; скипетръ и вѣнецъ царскій лежали праздно на сиротствующемъ престолѣ. Боярская Дума вѣдала Государство именемъ Царицы, рѣшительно и торжественно отрекшейся и отъ Царства и отъ міра, и уже безпорядки безначалія оказывались въ неповиновеніи Воеводъ повелѣніямъ Думы.

135. Въ трепетномъ недоумѣніи о судьбѣ своей находилась Россія въ теченіе шести недѣль: имя Бориса уже было произнесено, и не безъ восторга въ первые дни по отреченіи Ирины; уже Патріархъ неоднократно, и при свидѣтеляхъ и наединѣ, умолялъ его во имя Россіи принять царскій вѣнецъ; но Борисъ упорствовалъ въ отказѣ, потому ли, что желалъ, чтобы не одни Бояре и Духовные сановники, чтобы не одна Москва, а вся Россія нарекла его торжественно Царемъ своимъ; или потому, что хотѣлъ упорствомъ отказа возвысить въ народѣ упорство желанія видѣть его на престолѣ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ изумительна увѣренность Годунова въ томъ, что власть верховная не минетъ его привычныхъ рукъ; еще болѣе изумительно могущество его надъ мнѣніемъ народа, надъ Россіею, которую держалъ онъ передъ стѣнами своего монастыря въ смутномъ ожиданіи, въ слезахъ, колѣнопреклонную, простирающую къ нему свои руки, заклинающую его именемъ Божіимъ принять Державу. Повѣримъ, что въ минуту, когда Патріархъ Іовъ, предшествуя сонму избирателей всѣхъ сословій, созванныхъ въ Москву, сопровождаемый цѣлымъ народонаселеніемъ столицы, неся святыя иконы, предсталъ Борису съ послѣднимъ торжественнымъ настояніемъ; повѣримъ, что въ сію великую минуту Борисъ искренно отказывался отъ предлагаемаго вѣнца, представивъ, какую высокую и тягостную отвѣтственность принимаетъ онъ на себя передъ современниками, потомствомъ и Провидѣніемъ; что дѣйствительно, уступая мольбамъ всеобщимъ, единодушнымъ, покорствуя повелительному благословенію Царицы-инокини, онъ принялъ престолъ. Тогда Россія увидѣла Царемъ своимъ того, кого въ теченіе 14-ти-лѣтъ привыкла уже видѣть облеченнымъ властію царскою.

136. Борисъ, уже и избранный, не спѣшилъ царствовать. Явясь передъ лицемъ народа съ семействомъ своимъ, чтобы быть свя-

дѣтелемъ всеобщаго восторга и усугубить оный своимъ присутствіемъ, повелѣлъ Думѣ дѣйствовать его именемъ, и опять удалился дѣлить монастырское уединеніе сестры своей; оттуда являлся часто въ Думѣ, удивляя всѣхъ своею неутомимою дѣятельностію, и не прежде, какъ по истеченіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ послѣ своего избранія (отъ Февраля 18 по 30-е Апрѣля), имѣлъ торжественный въѣздъ въ столицу. И здѣсь, упоенный восторгами, съ какими онъ былъ принятъ народомъ, Борисъ не являлъ нетерпѣнія вѣнчаться на царство, и тѣмъ утвердить непоколебимость власти своей и своего рода надъ Россіею: онъ спѣшилъ оборонить безопасность своей Державы, и выѣхалъ изъ Москвы (2-го Мая) къ своему воинству, расположенному въ грозномъ станѣ отъ Калуги до Коломны. Сіе ополченіе двинуто было Борисомъ, чтобы встрѣтить Крымскаго Хана, который, какъ доносили Царю пограничные Воеводы нынѣшней Курской Губерніи, готовился къ новому нашествію на Россію. Или эта вѣсть съ намѣреніемъ распространена была Борисомъ, чтобы, устрашивъ Россію опасностію бывалою и потому вѣроятною, начать первые дни своего царствованія спасеніемъ отечества, и тѣмъ стяжать себѣ еще новое право на вѣнецъ Мономаховъ: и тогда опять подивимся его искусству возвышать себя во мнѣніи народа; или будемъ смотрѣть и на сіе событіе, какъ на непостижимо-чудесное соединеніе обстоятельствъ (132), которыми преисполнена судьба сего необыкновеннаго мужа. Во всякомъ случаѣ, сіе событіе послужило новымъ средствомъ Годунову къ могущественному владычеству надъ умами. Въ великолѣпно-грозный станъ явились не враги, а посланники Казы-Гирея, для заключенія вѣчнаго союза съ Россіею; видѣли Русскаго Царя среди несмѣтнаго (до 500,000 воиновъ) ополченія, стройнаго и бодраго; взяли съ собою мысль объ огромности силъ Россіи — и разбой смолкъ на нашей южной границѣ, и набѣги Крымцевъ во внутренность Государства прекратились навсегда. Изливъ щедро царскія свои милости на вождей и воиновъ, простясь съ ними пиромъ свѣтлымъ и общимъ, Борисъ спѣшилъ въ столицу, гдѣ новое торжество ожидало его: тамъ встрѣченъ и привѣтствованъ былъ радостными кликами Царь-побѣдитель, безъ боя и кровопролитія, однимъ своимъ появленіемъ смирившій передъ собою давнихъ враговъ Россіи и оградившій ея безопасность и тишину мирную. Уже послѣ сего, съ новымъ, великимъ титломъ спасителя отечества, приступилъ Борисъ къ царскому вѣнчанію,

избравъ для сего торжества день Новаго года (1 Сентября 1598), и тогда, принимая Мономаховъ вѣнецъ изъ рукъ Вселенскаго Патріарха, передъ престоломъ Божіимъ клялся, въ порывѣ души восторженной, быть отцемъ и другомъ своего народа. И Борисъ сдержалъ свою клятву въ два первые года своего царствованія: никогда, со временъ своего государственнаго возрожденія при Іоаннѣ III, не имѣла Россія временъ лучшихъ, какъ сіи два года. Сильная и спокойная внутри, уважаемая Государствами даже и отдаленными, состоя съ большею частію изъ нихъ въ дружественныхъ сношеніяхъ, имѣя Правительство кроткое, но вмѣстѣ твердое и дѣятельное, Россія ликовала и благословляла Бориса, виновника своего благоденствія, ревнителя и святости Вѣры, и строгой нравственности, и усѣховъ образованія народнаго. Какую блистательную будущность обѣщали, по расчетамъ разума человѣческаго, сіи два года!

137. Первый годъ новаго царствованія ознаменованъ былъ окончательнымъ завоеваніемъ Сибири и прочнымъ включеніемъ ея въ составъ государственный. Кучюмъ, прежній Царь Сибирскій, еще упорствовалъ, въ надеждѣ возвратить себѣ Царство, сокрушенное Ермакомъ; еще тревожилъ своими набѣгами Русскія селенія, основанныя въ Ѳеодорово время, и держался въ степи Барабинской. Воины Борисовы, разбивъ послѣднюю дружину Царя Сибирскаго, поплѣнивъ его дѣтей и родственниковъ, навсегда уничтожили замыслы упрямаго слѣпца, утвердили навсегда владычество Россіи за Каменнымъ Поясомъ, и селенія Русскія начали основываться на всемъ пространствѣ до рѣки Енисея, и Тобольскъ, на мѣсто древняго Искера, сдѣлался главнымъ городомъ Сибири. Въ дѣлахъ внѣшней политики, которыя столь искусно и съ такимъ достоинствомъ ведены были Годуновымъ еще въ Ѳеодорово время, Царь соблюдалъ систему благоразумія и умѣренности; онъ не терялъ изъ виду завоеваній Іоанновыхъ на берегахъ Балтійскаго моря, но не рѣшался дѣйствовать открытою силою на пріобрѣтеніе ихъ снова во власть Россіи, и искусно старался держать равновѣсіе между Швеціею и Польшею. Іоаннъ Сигизмундъ Польскій враждовалъ съ дядею своимъ, Карломъ (IX), оспоривая у него престолъ Швеціи, и для успѣховъ въ семъ дѣлѣ, желалъ прочнаго мира съ Россіею; того же желалъ и Шведскій Карлъ; Годуновъ не хотѣлъ явной вражды ни съ тѣмъ, ни съ другимъ; доброхотствовалъ (небезкорыстно) Карлу и старался не допустить соединенія Польской короны съ Шведскою, чтобы не дать Польшѣ опаснаго перевѣса на сѣверѣ Европы, и въ

то же время вступилъ въ тѣсную связь съ Даніею, давнею и постоянною соперницею Швеціи. Іоаннъ, братъ Христіана IV Датскаго, прибылъ въ Россію, чтобы получить руку прелестной Ксеніи, и нашелъ себѣ въ столицѣ Русской преждевременную могилу! Кончина Принца Іоанна (г. 1602), пріобрѣтшаго себѣ въ короткое время любовь и Бориса и Россіи, была для Царя ударомъ тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что уже начались въ это время бѣдствія— провозвѣстники еще большихъ, послѣдовавшихъ вскорѣ. Въ могилѣ Іоанновой сокрылись блистательныя надежды Годунова. . . Но не съ однѣми странами сосѣдними, а и съ отдаленными Державами Царь желалъ привести въ связь Россію, считая справедливо таковую связь и средствомъ возвысить, и средствомъ образовать Государство. Королева Елисавета, Императоръ Рудольфъ, Шахъ Аббасъ, Папа, Герцогъ Тосканскій Ганза— вотъ кругъ дѣйствія политики Бориса и предметы его дипломатическихъ сношеній, при которыхъ и выгоды и достоинство Государства были имъ сохранены ненарушимо. И вмѣстѣ съ тѣмъ дѣла внутренняго управленія неослабно устремлены были къ развитію промышлености и усугубленію всеобщаго изобилія; къ водворенію добрыхъ нравовъ, въ которыхъ самъ Царь былъ образцемъ для своего народа, и къ водворенію образованія и вызовомъ ученыхъ чужеземцевъ и отправленіемъ молодыхъ Россіянъ въ чужіе края, и предположеніемъ завести школы и университеты, и воспитаніемъ Царевича Ѳеодора, которому желалъ Борисъ сообщить образованіе Европейское, и который, будучи предметомъ нѣжнѣйшей привязанности родителя, могъ быть прекрасною надеждою Россіи для временъ будущихъ.— И все сіе погибло среди несчастій послѣдующихъ лѣтъ!

138. Вѣнецъ и скипетръ царскій, какъ святой залогъ благоденствія народовъ, поставлены Провидѣніемъ на высотѣ недосягаемой, да не оскверняется святыня ихъ руками счастливаго честолюбія и удачной хитрости. И Годуновъ, принесъ съ собою на престолъ многія доблести, былъ при всемъ томъ въ глазахъ многихъ, и всего болѣе, можетъ быть, въ собственныхъ глазахъ, хитрымъ похитителемъ власти державной. Сколь ни искреннимъ и единодушнымъ казалось его избраніе, легко поймемъ, что много оставалось завистниковъ чудному возвышенію Бориса; что страсти тайныхъ враговъ его смолкли только въ общемъ порывѣ восторга, а не остыли; и если прежде непостижимое стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ (132) смирило сіи страсти, то вскорѣ (съ 1600 г.) столь

же непостижимое сцѣпленіе несчастныхъ обстоятельствъ возбудило ихъ и усилило. Не можемъ рѣшить: обнаруженія ли нескромныя нѣкоторыхъ вельможъ наполнили душу Царя подозрѣніями, или сіи подозрѣнія, неразлучные сопутники беззаконій и самыхъ тайныхъ, возникли сами собою въ душѣ его. Если Борисъ и не былъ непосредственнымъ виновникомъ убіенія Царевича-младенца, то онъ воспользовался плодами убійства. Самая тайна, облекшая Димитріеву кончину, давала полную волю разнымъ предположеніямъ; и если никто не могъ уличить Бориса въ семъ злодѣйствѣ, то уже довольно было, для наполненія души его подозрѣніями и безпокойствомъ, и той мысли, что многіе могутъ приписывать ему убійство, и что злоба и зависть однихъ могутъ разносить и разсѣвать такіе толки, а легкомысліе другихъ принимать и распространять оные. Побуждаясь симъ, Царь считалъ необходимымъ принимать мѣры, какъ онъ думалъ, особенной осторожности, и сіи мѣры, всегда ненавистныя, ибо онѣ вызываютъ недовѣрчивость и опасенія обоюдныя, производили, какъ обыкновенно, дѣйствіе противное тому, какого ожидалъ и самъ Царь, и гнусное его по симъ дѣламъ орудіе, Бояринъ Семенъ Годуновъ. Сей родственникъ Бориса, человѣкъ, которому Царь не давалъ воли въ дѣлахъ государственныхъ, но котораго держалъ близь себя, какъ зло необходимое, былъ справедливо ненавистенъ и вельможамъ и народу по своей злобѣ и своей низости. Зная таковое къ себѣ расположеніе умовъ, Семенъ усугублялъ свои старанія поддержать себя милостію Царя-родственника; усердствовалъ и служилъ ему вѣрно, по-своему, принявъ на себя презрѣнную должность главнаго доносчика, и употребляя, какъ само собою разумѣется, множество доносчиковъ подчиненныхъ. Не стало мира и спокойствія въ семействахъ; подозрительность отравила самыя священныя связи родства и дружбы; доносы и предательство сдѣлались ремесломъ прибыльнымъ, какъ въ послѣднюю половину царствованія Грознаго, и хотя не было, какъ тогда, казней и мучительства открытаго, но ссылки и опала постигали многихъ.

139. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ жертвъ, которыхъ клевета указала подозрѣніямъ Борисовымъ, Романовы возбуждали къ себѣ наибольшее участіе въ народѣ, и что ихъ паденіе наиболѣе должно было подтвердить Царю въ общемъ мнѣніи. Братья Романовы, племянники первой и любезнѣйшей Царицы Русской Анастасіи Романовны, имѣли на своей сторонѣ и сіе родство съ погасшимъ по-

колѣніемъ Рюрика, и качества родителя своего Никиты Романовича, брата Царицы Анастасіи, всѣми достойно чтимаго при жизни, и по смерти оставившаго о себѣ воспоминаніе благодарное и почтительное; имѣли и собственныя свои доблести, стяжавшія имъ уваженіе, вполнѣ заслуженное: братья Романовы не крамольничали, не ковали противу Бориса замысловъ преступныхъ, но и не унижались, не раболѣпствовали передъ нимъ, подобно столь многимъ родовымъ Боярамъ. Естественно, что при такихъ качествахъ, Борисъ могъ считать Романовыхъ опасными для своей власти соперниками. Семенъ Годуновъ не поколебался услужить Царю нелѣпымъ обвиненіемъ Романовыхъ въ умыслѣ на жизнь царскую, и опала охватила вдругъ весь сей знаменитый родъ. Обстоятельство важное: Романовыхъ было *пять* братьевъ; всѣ и въ полномъ цвѣтѣ мужества и съ славою непорочною. Если, съ одной стороны, Борисъ, губя одного Романова (Александра), долженъ былъ неизбѣжно губить всѣхъ, чтобы не осталось мстителей за невиннаго страдальца; то, съ другой стороны, насильство, постигшее вдругъ столь многія и столь любезныя народу жертвы, сдѣлалось слишкомъ замѣтно, тѣмъ болѣе, что въ то же время подобная же ссылка была участію и многихъ другихъ родовъ именитыхъ, свойственниковъ Романовымъ. Замѣчательнѣе всѣхъ судьба старшаго Романова, Ѳеодора Никитича. Разлученный съ добродѣтельною супругою и сыномъ-младенцемъ (будущимъ Царемъ Россіи), онъ сосланъ былъ въ уединенную Сійскую обитель (въ Архангельской Губерніи), насильственно постриженъ былъ тамъ (подъ именемъ Филарета), и сей инокъ, невольный, но тѣмъ не менѣе ревностный къ новымъ обязанностямъ, принесъ въ свое новое званіе всѣ высокія качества, коими отличался онъ въ мірѣ, и по коимъ сдѣлался ненавистенъ Годунову. Такимъ образомъ ссылка и опала удалили отъ Бориса однихъ; его подозрѣнія связывали и умъ и руки другимъ, близкимъ и родомъ и саномъ къ престолу, и могшимъ быть полезными помощниками Царю въ великомъ и трудномъ дѣлѣ государственнаго управленія, и Борисъ оставался одинъ, окруженный не опасною, но и не полезною для него посредственностію, совѣтниками, о которыхъ инокъ Филаретъ, конечно, не думая, чтобы его слова дошли до потомства, отзывался въ довѣрчивой бесѣдѣ съ вѣроломнымъ своимъ приставомъ, что «не станетъ ихъ съ дѣло ни съ которое, нѣтъ у нихъ разумново,» и вотъ съ какими помощниками Царь выступалъ на встрѣчу бурѣ,

которая должна была сокрушить престолъ Годунова и погубить родъ его!

140. Годъ, достопамятный опалами и ссылками (г. 1601), получилъ еще большую плачевную знаменитость жестокимъ голодомъ, возросшимъ до ужасающей степени въ 1602, и едва прекратившимся въ 1603 году. Борисъ явился здѣсь вѣрнымъ своей клятвѣ, былъ отцемъ и другомъ своего народа (134); отверзъ снова казну царскую; скупалъ хлѣбъ, раздавалъ его бѣднымъ даромъ, или повелѣлъ продавать цѣною дешевою; раздавалъ народу деньги; предпринималъ въ столицѣ большія строенія, чтобы занять голодную праздность; но какая человѣческая сила была въ состояніи остановить слѣдствія событія ужаснаго? Спасаемы были тысячи, гибли сотни тысячъ! Самыя благодѣянія Царя были источникомъ новыхъ золъ. Слухъ о раздачѣ въ Москвѣ денегъ и хлѣба влекъ безчисленныя толпы изъ провинцій къ столицѣ; земледѣльцы покидали домы и поля свои, предпочитая даровую милостыню труду упорному; безпорядки, грабительства были неизбѣжными и неразлучными сопутниками сего движенія народнаго. Но и послѣ, когда Небо возвратило изобиліе землѣ Русской, слѣды бѣдствія остались не менѣе гибельны: всеобщее волненіе умовъ, развращеніе нравовъ и наконецъ шайки разбойниковъ, которыя дерзновенно грабили и убивали подъ самою Москвою. Сіи-то шайки грабителей и были передовыми дружинами дерзкаго обманщика, который со стороны Литвы и съ ея помощію шелъ сорвать съ главы Годунова древній вѣнецъ Мономаховъ. Отселѣ (г. 1604) начало бѣдствій неслыханныхъ, грозившихъ уничтожить бытіе Россіи, погибавшей среди измѣнъ, войнъ междоусобныхъ, вторженій внѣшнихъ непріятелей. Казалось (*), что геній зла, тѣснимый приближающимися временами образованія и благоустройства, спѣшилъ собрать всѣ несчастія и всѣ злодѣйства въ краткомъ промежуткѣ, раздѣляющемъ два царственные Дома: Рюрика и Романова. Среди сихъ спасительныхъ бѣдствій деспотизмъ, воздвинутый Іоанномъ по его характеру, и поддержанный Годуновымъ по его положенію, сокрушился; народу возвратилось его человѣческое достоинство, и кроткое самодержавіе, свѣтлое царство умѣренности, законности и человѣколюбія началось со вступленіемъ на престолъ новой державной династіи.

(*) Сегюръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Стран.

Время отъ исхода XV и начала XVI вѣка составляетъ особое отдѣленіе Исторіи Всеобщей; отличительный характеръ Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ; событія, придавшія ей таковой характеръ 1

ГЛАВА II.

Причины, почему изобрѣтенія и открытія XIV и XV вѣковъ могли имѣть совокупное вліяніе на Европейскія Государства; общій результатъ ихъ вліянія на Государства; понятіе о системѣ Государствъ; необходимость обезпеченія Государствъ другъ отъ друга при ихъ тѣсномъ соединеніи и безпрерывномъ другъ на друга дѣйствованіи ... 17

ГЛАВА III.

Возможные способы къ огражденію безопасности Государствъ другъ отъ друга при ихъ тѣсной связи и безпрерывномъ другъ на друга дѣйствованіи; разборъ каждаго изъ нихъ 23

ГЛАВА IV.

Политическое равновѣсіе есть возможно-лучшее ручательство за безопасность Государствъ другъ отъ друга, при ихъ тѣсной связи и безпрерывномъ другъ на друга дѣйствованіи; объясненіе понятія о политическомъ равновѣсіи и доказательство возможности его существованія 36

Стран.

ГЛАВА V.

Сохраненіе политическаго равновѣсія — цѣль усилій Европейскихъ Государствъ въ три послѣдніе вѣка; основанное на семъ понятіи опредѣленіе главнаго источника перемѣнъ, совершившихся въ Европѣ въ это время, учебнаго объема Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ, и ея раздѣленія 46

ПЕРІОДЪ I.

Стремленіе Франціи къ преобладанію отъ 1494 — 1515 года 50

ПЕРІОДЪ II.

Преобладаніе Австро-Испаніи, или время Карла V отъ 1516 — 1556 .. 59

ПЕРІОДЪ III.

Преобладаніе Испаніи, или время Филиппа II отъ 1556 — 1598 69

ПЕРІОДЪ IV.

Стремленіе Австріи къ преобладанію, или время тридцатилѣтней войны отъ 1618 — 1648 73

ПЕРІОДЪ V.

Время преобладанія Франціи на ЮЗ. Европы, или вѣкъ Лудовика XIV отъ 1648 — 1715 83

ПЕРІОДЪ VI.

Время преобладанія Швеціи на ЮЗ. Европы отъ 1648 — 1721 93

Взглядъ на судьбу Россіи отъ перваго основанія ея бытія государственнаго до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ.

Отдѣленіе I, отъ начала Руси до временъ Іоанна III, 862 — 1462 100

Стран.

Взглядъ на судьбу Россіи отъ перваго основанія ея бытія государственнаго до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ.

Отдѣленіе II, отъ временъ Іоанна III, до прекращенія Рюрикова Дома, отъ 1462 — 1598 107

Взглядъ на судьбу Россіи отъ перваго основанія ея бытія государственнаго до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ.

Отдѣленіе III, отъ прекращенія Рюрикова Дома, до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ, отъ 1598 — 1613 130

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКІЯ ТАБЕЛИ

№ 1. НЕАПОЛИТАНСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ДОМА, ДЛЯ ОБЪЯСНЕНІЯ ПРИТЯЗАНІЙ НА НАСЛѢДСТВО НЕАПОЛИТАНСКОЕ *(къ стр.* 51 — 54*)*.

№ 2. ДОМА ВИСКОНТИ, ДЛЯ ОБЪЯСНЕНІЯ ПРИТЯЗАНІЙ НА НАСЛѢДСТВО МЕДІОЛАНСКОЕ *(къ стр.* 54*)*.

№ 3. АВСТРО-НѢМЕЦКАГО и АВСТРО-ИСПАНСКАГО ДОМА, ДЛЯ ОБЪЯСНЕНІЯ ПРИТЯЗАНІЙ НА НАСЛѢДСТВО ИСПАНСКОЕ *(къ стр.* 91*)*.

№ 1. НЕАПОЛИТАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО.

а) Домъ Гогенштауфеновъ и Арагонскій.

Констанція, дочь Рогера II, послѣдняя въ родѣ, по смерти брата Вильгельма I † 1166, и племянника Вильгельма II † 1189. Въ *супруж.* за Генр. VI. Гогенштауф. сыномъ Имп. Фридриха Барбароссы.

Домъ Гогенштауф.

Фридрихъ II Имп. † 1250.

Конрадъ I (Имп. IV) † 1254.

Конр. II или Конрадинъ † 1268; конецъ рода.

Манфредъ, побоч. сынъ Кор. Неаполит. † 1268.

Констанція *Супр.* Петръ III Король Арагон. съ 1282 Кор. Сициліи.

Короли Арагона.

Алфонсъ III въ Арагонѣ † 1291.

Іаковъ въ Сициліи съ 1291 Кор. Араг.

Фридрихъ III съ 1390 Кор. Сиц. † 1336.

Короли Сициліи.

Алфонсъ IV † 1336.

Петръ II въ Сиц. † 1342.

Петръ IV † 1387.

Іоаннъ I † 1395.

Елеонора † 1382 *Супр.* Іоанна I Каст.

Мартинъ Кор. Араг. съ 1395 и Сицил. съ 1409 † 1410.

Лудов. II † 1355.

Фрид. III † 1377.

Генр. III † 1406. Кор. Кастиліи.

Фердинандъ I Араг. и Сициліи † 1416.

Іоаннъ II † 1434

Мартинъ супр. Маріи

Марія † 1401. *Супр.* Мартинъ, Принцъ Арагонскій.

Генр. IV † 1474.

Изабэл. † 1506 съ 1474 *Супр.* Фердин. Катол.

Конецъ линіи.

Альфонсъ I (V) Араг. и Сицил. съ 1416; Неаполя съ 1435 † 1458.

Іоаннъ II Араг. и Сицил. съ 1458 † 479.

Фердинандъ I побоч. сынъ Кор. Неап. съ 1458 † 1494.

Фердин. Катол. Супр. Изабеллы Кастильской съ 1469; Кор. Араг. и Сициліи съ 1479; Кор. Неаполя съ 1504 † 1516. Соединеніе Неап. и Сиц. съ Испаніею.

Алфон. II Кор. Неап. съ 1494 † 1495.

Фридр. II Кор. съ 1496; лиш. престола въ 1501 † 1505. Послѣд. Кор. Неап. изъ Араг. Сиц. Дома.

Ферд. II Кор. 1495 † 1496.

№ 1. (bis) НЕАПОЛИТАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО.

b) Домъ Анжу.

Карлъ I братъ Лудов. IX Св., Граф. Анжу и Прованса; Кор. Неаполя и Сицилiи съ 1265; теряетъ Сицилiю 1282 † 1285.

Карлъ II Кор. Неаполя † 1309. *Супр.* Марiя дочь Стеф. V Кор. Венгрiи.

- Маргарита, Граф. Анжу; *Супр.* Карлъ Валуа, сынъ Кор. Франц. Филип. III
  - Филиппъ (VI) Граф. Валуа-Анжу съ 1328 Кор. Францiи.
    - Іоаннъ Граф. Валуа-Анжу Кор. Франц. съ 1350.
      - Титулярные Кор. Неаполя.
        - Лудов. I, втор. сынъ; Гр. Анжу † 1384.
        - Лудовикъ II Анжу † 1417.
          - Лудов. III Анжу. † 1434.
          - Рене Анжу, Гц. Лотар. съ 1434 Кор. Неаполя † 1480. ⌒ Изабелла, дочь и наслѣд. Карла Гц. Лотарингскаго.
            - Іоланта *Супр.* Гц. Фридр. Лотаринг.
              - Рене II Гц. Лотаринг., послѣд. Тит. Кор. Неап. † 1508.
                - Антоній, отъ него Герцоги Лотаринг.
                - Клавдій, отъ него родъ Гюизовъ.
- Карлъ Мартелъ, Кор. Венгрiи.
  - Карлъ Робертъ К. Венгрiи.
    - Лудов. Корол. Вен. † 1382.
    - Андрей К. Неап. † 1345 *Супр.* Іоанна I.
- Робертъ Кор. Неап. † 1343.
  - Карлъ, Гц. Калабр. † 1328.
    - ⌒ Іоанна I Кор. съ 1343 † 1382. *Супр.* 1) Андр. Венг. 2) Лудов. Тарент. Завѣщала прест. Лудов. I Анжу.
    - Марiя *Супр.* Карлъ Гц. Дураццо.
- Филиппъ, Гц. Тарент.
  - Лудов. Гц. Тар. *Супр.* Іоанна I.
- Іоаннъ, Гц. Дураццо.
  - Карлъ Дураццо. *Супр.* Марiя Калабрская.
    - Маргарита *Супр.* Карла III ⌒ Карлъ III Кор. съ 1382 † 1386.
      - Ладиславъ (Ланцелотъ) Кор. Неап. съ 1386; Венгрiи съ 1401 † 1414.
      - Іоанна II, Кор. съ 1414 † 1435; назначаетъ (въ 1423) преемникомъ Лудов. III Анжу.
  - Лудовикъ Гравина † 1362.

№ 2. МЕДІОЛАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО.

Іоаннъ Галеаццо Висконти, перв. Гц. Медіолана † 1402. *Супр.* 1) Изабелла дочь Кор. Франц. Іоанна; 2) Екатерина Висконти, дочь Варнавы, дяди Іоанну Галеаццо.

Карлъ V Кор. Фр.

Карлъ VI

Карлъ VII

Лудов. XI

Карлъ VIII

Лудовикъ Орлеанскій.

Валентина. † 1408.

Іоаннъ Гц. † 1412.

Марія.

Филиппъ-Марія. Гц. † 1447.

Карлъ Гц. Орле. Претендентъ на Медіол. по смерти Филиппа Маріи въ 1447 † 1465.

Лудовикъ XII.

Марія, побоч. дочь

Франц. Сфорца Гц. † 1466.

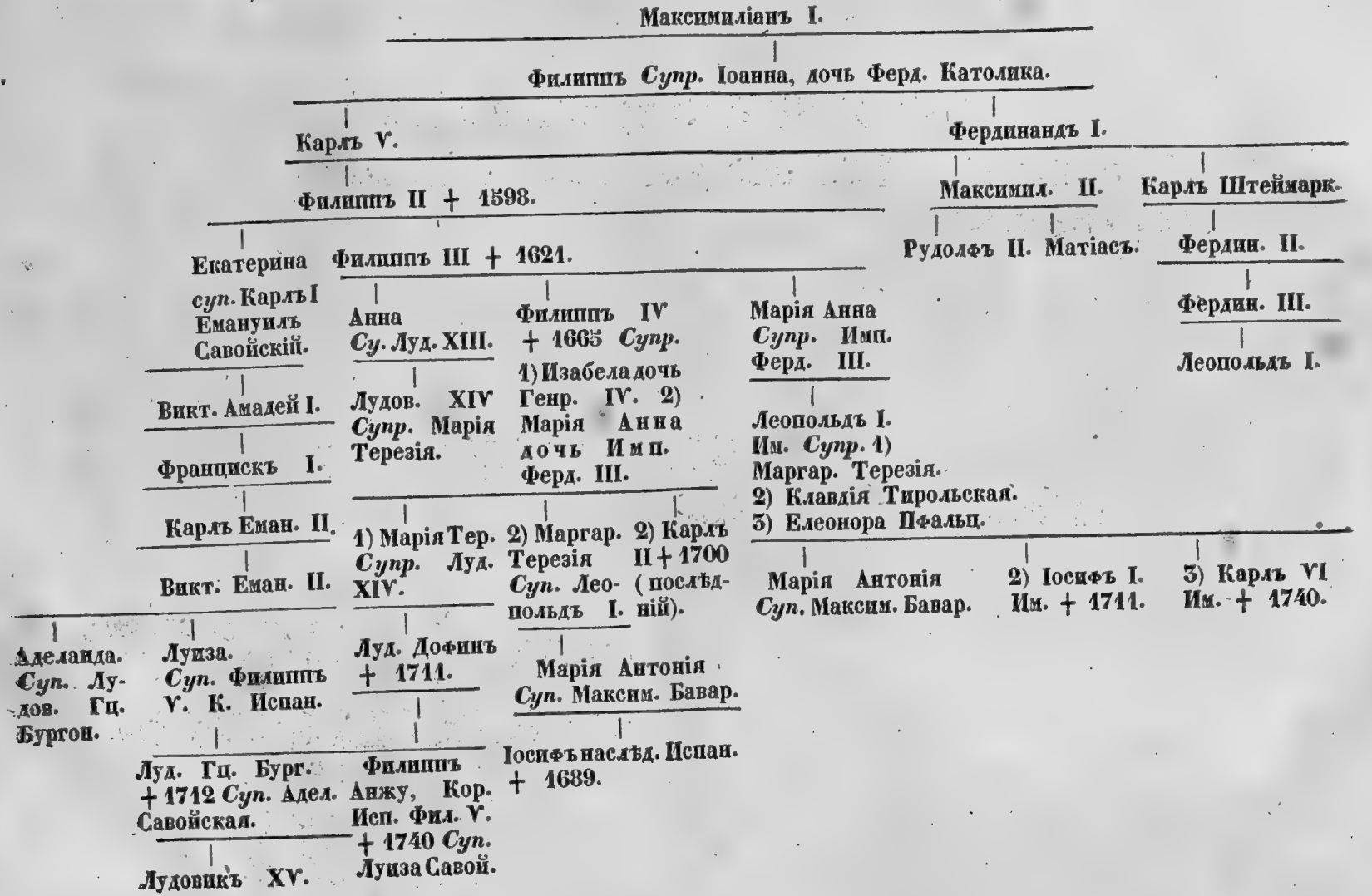
Галеаццо-Сфорца Гц. † 1476.

Лудов. Моро Гц. съ 1494 низложенъ Лудов. XII въ 1500.

Іоаннъ Галеаццо Гц. † 1494. *Супр.* Изабелла, дочь Алфон. II Кор. Неаполитан.

Франц. Сфорца Гц. лишенъ престола Лудовикомъ Моро въ 1494.

№ 3. ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО.



B